ФГБУН Северо-Осетинский институт гуманитарных и социальных исследований
им. В.И. Абаева ВНЦ РАН и Правительства РСО – А

Ф.Х. Гутнов

ОБЫЧНОЕ ПРАВО ОСЕТИН

Часть I

АДАТЫ ТАГАУРСКОГО ОБЩЕСТВА
(СПИСОК НОРДЕНСТРЕНГА. 1844 г.)

Владикавказ 2012

ББК 63.521(=521.323)-52

Печатается
по решению Ученого совета СОИГСИ

Гутнов Ф.Х. *Обычное право осетин. Часть I. Адаты тагаурского общества (список Норденстренга. 1844 г.):* Монография. ФГБУН Сев.-Осет. ин-т гум. и соц. исслед. – Владикавказ: ИПО СОИГСИ, 2012. – 167 с.

ISBN 978-5-91480-142-4

В оформлении обложки использована работа
М. Туганова «Народный суд»

ISBN 978-5-91480-142-4 ББК 63.521(=521.323)-52

© ИПО СОИГСИ, 2012
© Гутнов Ф.Х., 2012

ВВЕДЕНИЕ

Интерес к нормам обычного права народов Северного Кавказа проявляли еще средневековые путешественники. С момента включения региона в состав Российского государства интерес к адатам горцев заметно возрос. Во многом это обуславливалось практическими задачами по организации управления в крае. По мнению Д. С. Бибикова, главы канцелярии по управлению мирными горцами, «сбор адата был делом весьма для нас полезным» (*Леонтович* 1882, с. 88).

У большинства народов Северного Кавказа, не имевших в прошлом письменно фиксированных законов, адаты были единственным видом правил, которыми регулировались отношения и быт горцев. Даже после окончания Кавказской войны и установления строгого режима обычное право продолжало играть значительную роль в системе взаимоотношений между различными сословиями горцев. «Вся их жизнь регулировалась обычаями, передававшимися по устной традиции из поколения в поколение» (*Гарданов* 1960, с. 14). Относительно осетин В. Б. Пфаф отмечал: у них нет законов, но весь порядок общественной жизни основывается на обычаях. Последние «действуют со всею силою неизменных законов природы, не дозволяющих ни малейшего отступления от них и ни малейшего исключения» (*Пфаф* 1871, с. 184).

На протяжении столетий обычное право эволюционировало, приспосабливаясь к менявшейся социальной ситуации, усилению социального неравенства, росту экономической мощи и политического влияния складывающейся общественной элиты.

Вместе с тем, обычай, как основная регулятивная норма отношений, в какой-то мере ограничивал рост привилегий знати. В известных пределах адаты содействовали сохранению общинниками личной свободы и права голоса на народных собраниях, собственности на основные средства производства, в том числе и на земельные участки, право владеть рабами и зависимыми людьми.

Несмотря на актуальность адатов, отмечал более полувека назад В. К. Гарданов, «использование материалов по обычному праву кавказских горцев лимитируется сравнительно небольшим

кругом изданных источников, среди которых главное место занимают сборники адатов, составленные в 40-60-х гг. XIX в. по заданию русской администрации на Кавказе» (*Гарданов* 2004, с. 180). К сожалению, под этими словами можно подписаться и сегодня.

В наши дни этнографы отмечают едва ли не игнорирование этнологии права. Ни в Институте этнологии и антропологии, ни в Институте государства и права РАН, ни в других научных учреждениях России «не было и нет подразделений, обращенных к этой тематике. Связи между этнографами и юристами фрагментарны и не постоянны» (*Першиц*, *Смирнова* 1999, с. 10). Вместе с тем, конкретно *обычное право* оказалось в поле зрения юристов, историков, этнографов, социологов и представителей других смежных наук. В первую очередь этот интерес связан «с изменившимися современными взглядами, как на понятие самого права, так и на его источники, в число которых, несомненно, должно включаться и обычное право» (*Бейтуганов* 1999а, с. 304).

Прежде всего, вкратце определим содержание основных терминов, используемых в данной работе.

Адаты – этим термином в ряде случаев обозначались нормы *обычного права* [см. ниже]. В частности Ф. И. Леонтович писал по этому поводу: «Общим названием народных обычаев у всех горцев служит *адат*. Термин этот арабского происхождения… У кавказских горцев есть, кроме того, свои местные названия». Причем, «в источниках адат употребляется в различных значениях». В общем виде *адат* в традиционном горском обществе употреблялся в том же значении, что и *обычай*. Князь Голицын полагал, что под адатами разумеются «древние обычаи, которыми управляются все народные дела». Другое значение адата возводится к *суду*, способам разбирательства судебных дел. В этом смысле адат – «суд по обычаям или обрядам». В Записке 1841 г., «в которой впервые возбужден был вопрос о собирании сведений об адатах», последние трактуются «в смысле ‘суда, основанного на обычаях’» (*Леонтович* 1882, сс. 4-5). Аналогичным образом слово *адаты* трактовалось в сборниках обычного права горских народов, записанных в 40-х гг. XIX в. [списки: Кучерова, Фрейтага, Сталя, Ольшевского и др.] (*там же*, сс. 5-6, сл.).

В целом горцы различали три основных значения понятия *адат*: 1) обычай, 2) местный закон, 3) судебное разбирательство.

Норма – общепризнанное правило поведения людей в обществе (*БСЭ* 1974, с. 123), установленных или санкционированных государством. Здесь же отметим, что **мораль** – также совокупность норм, но установленных не государством, а воздействием общественного мнения (*Першиц* 1979, сс. 210-212.).

Обычай, как считают правоведы, «есть социальная форма, посредством которой устраиваются и действуют общественные нормативно-регулятивные системы, обеспечивающие порядок, контроль общественного поведения в таких сферах, как быт, хозяйство, обмен и торговля, социальные отношения, религиозная жизнь и т.д.» (*Мальцев* 1999, с. 8). Причем, отмечают юристы, обычаям «следовали не потому, что сила традиции подавляла человека. Ему подчинялись потому, что он был внутренне вплетен в огромную живую сеть взаимоотношений, устроенную дотошным и организованным образом» (*Свечникова* 1998, сс. 98-99).

Хотя обычай по своей природе консервативен, «с развитием общества изменяется и система его обычаев. Новые условия вызывают к жизни новые обычаи, приводят к отмиранию отживших обычаев и традиций» (*Ляхов* 1999, с. 255). Выказывалось мнение, что адат «[обычное право] выступал как устоявшаяся юридическая система, основанная на традициях и обычаях народа» (*Айларова* 2002, с. 17).

Историки и этнографы термин «обычай» трактуют несколько иначе. Первый исследователь права осетин, В. Б. Пфаф, *обычай* понимал как «святое учреждение, которому человечество обязано всем дальнейшим своим развитием». В патриархальном обществе, продолжил наш автор, «обычай определяет каждый шаг человека, в мельчайших подробностях жизни… У осетин обычай с верным тактом подметил и обставил своими формальностями… [многие – Ф. Г.] события и отношения в жизни частного лица» (*Пфаф* 1871, с. 186).

В осетиноведении под *обычаем* понимается социальная норма, традиционное «правило стереотипного поведения индивида

или всего *этноса* в конкретной жизненной ситуации». Соблюдение обычаев обеспечивалось внутренним убеждением конкретного человека и в еще большей мере – принуждением всего общества (*Дзадзиев, Дзуцев, Караев* 1994, сс. 22-23).

Значение рассматриваемого термина четко передается в осетинском *agdaw* «обычай», «адат», «норма поведения». Возможно, восходит к *haxta-*; ср. **ав.** *haxta* «правильный», «надлежащий», «законосообразный», *anahaxta* (= ос. *anagdaw*) «незаконный», «лишенный авторитета», **согд.** *aydaw* «судья». Комментируя данный термин, В. И. Абаев писал: «Значение обычая, *agdaw*, в старом осетинском быту колоссально. Другой термин для обычая, *fadg/fadga* имеет более ограниченную сферу применения, но по происхождению, вероятно, так же древен» (*Абаев* 1958, с. 122). В Историко-этимологическом словаре осетинского языка *fadg, fadk/fadga* переводится как 1) «обычай»; 2) «потомство»; 3) в дигорском употреблялся также в значениях «дань», «подать». Восходит к *fad* «след». По В. И. Абаеву, идеосемантика «след» – «обычай» не требует особых пояснений;… Слово *fadg, fadk* имеет яркое соответствие в **согд.** *padg* «обычай», «долг», «закон» (*там же*, сс. 428-429).

Обычное право. Среди юристов доминирует версия, согласно которой обычное право возникло «раньше государства», способствуя [а иногда противодействуя] его образованию. На протяжении длительного периода оно не просто сосуществовало с публичной властью и судами, но и работало вместе с ними, и служило им (*Мальцев* 1999, с. 49).

Иногда под обычным правом понимают «своеобразную переходную форму от обычая к закону». Согласно мнению отдельных юристов, реконструкция процесса преобразования обычая показывает, что «в догосударственном обществе действует обычай, который… лишь с появлением государства, получая санкцию последнего… становится обычным правом, а за правовым обычаем идет уже закон» (*там же*, с. 50).

В наши дни, по утверждению Р. Куадже, «официально обычное право определяется как система норм [правил поведения], которая основывается на обычае, существующем в данном госу-

дарстве, в определенной местности, в конкретной этнической и социальной группе» (*Куадже* 1999, с. 294).

Право. В советской науке право с теми или иными вариациями определялось как совокупность [система] социальных норм, установленных или санкционированных государством. В антагонистических социумах мораль отличается от права своим дуализмом: первая различна у разных классов, второе едино, хотя классово обусловлено (*Першиц* 1979, сс. 210-212).

В «Исторической энциклопедии» под *правом* понимается «система общеобязательных норм [правил поведения], установленных или санкционированных государством и выражающих волю господствующего класса» (*СИЭ* 1968. Т. 11, стб. 494).

На ранних этапах существования классового общества обычай [норма общественного поведения], санкционированный государством [обычное право] – наиболее распространенная форма права (*там же*, стб. 495).

ИСТОРИОГРАФИЯ. ИСТОЧНИКИ. ВОПРОСЫ ТЕОРИИ И МЕТОДОЛОГИИ

Историография. Ранние сведения по обычному праву народов Северного Кавказа представлены в путевых заметках и дневниках. Так, Д. Интериано в описании черкесов конца XV в., подчеркнул: «нет у них ни судей, ни каких-либо писаных законов. Сила или смекалка, либо третейский суд разрешает споры между ними» (*АБКИЕА*, с. 48).

Ж. Б. Тавернье, крупный французский коммерсант, во второй-третьей четвертях XVII в. совершил шесть продолжительных путешествий на Восток. В первом томе своих путевых заметок несколько глав посвятил Кавказу, в том числе и Черкесии. Автор заметок на Северо-Западном Кавказе не был, а всю информацию об этом регионе черпал из рассказов людей, встречавшихся ему во время длительных поездок. Интересны сюжеты о судопроизводстве у черкесов: «если имеют место частые ссоры мужчины или женщины со своими соседями или соседи идут с жалобой, то правитель забирает то лицо, на которое поступила жалоба, и продает его иностранным купцам, приезжающим для покупки рабов…» (*там же*, с. 81). Аналогичную практику у черкесов отметил Н. Витсен в своем очерке «Несколько стран и народов», изданном в 1692 г. Спор у черкесов, согласно Н. Витсену, «улаживается вождем или князем… если это важное дело, виноватого продают». В целом, «у них [черкесов – Ф. Г.] нет обнародованных, письменных законов» (*там же*, с. 89). Отдельные нормы обычного права черкесов, относившихся к браку, похоронным обрядам, «важным судебным разбирательствам» и др., привел Адам Олеарий (*там же*, сс. 83-85).

О некоторых элементах обычного права осетин позднего средневековья сообщал Л. Штедер. Капитан русской армии заметил, что «кровная месть и самовольные действия были обязательны среди семей… Если обстоятельства привлекали к мщению многих, то старшины стремились вмешаться путем уговоров или проявления власти». Л. Штедер среди трех факторов, усмирявших кровников, назвал и «обычай» (*Steder* 1797, S. 58).

И.А. Гюльденштедт в период Кавказской экспедиции [1770-1773 гг.] собрал интересный материал об осетинах. Обработка этих данных привела ученого к следующему выводу: одни группы осетин являются «подданными отдельных деспотов», другие, наоборот, «*не имеют никакой государственной власти*, кроме выбранных ими самими старейшин; они не знают *ни законов*, ни послушания» (*ОГРИП*, с. 85).

Изучение права горцев в самом общем виде началось после присоединения Кавказа к России. Последняя столкнулась здесь с параллельным функционированием в среде горского населения двух нормативных комплексов: адата и шариата. Трудности царской администрации усугублялись тем, что она не имела точного представления ни об одном из них, поэтому возникла настоятельная потребность познакомиться с ними (*Анчабадзе*, 1984, с. 87). Надо сказать, что в первой половине XIX столетия в самой России наблюдался растущий интерес к праву, законам и законности. В советской историографии это объяснялось тем, что абсолютизм в их обосновании видел одно из важнейших средств укрепления существующего строя (*Ерошкин* 1981, с. 48).

С начала XIX в. среди исследователей горских народов появляются офицеры русской армии на Кавказе: П.Г. Бутков, С.М. Броневский, И. Бларамберг, А.П. Берже, А. Зиссерман, В.С. Толстой и др.

Особо следует отметить двухтомный труд С.М. Броневского «Новейшие географические и исторические известия о Кавказе», завершенный в I8I0 г., но опубликованный в I823 г. В первой части автор дал общую характеристику общественного строя этносов региона – здесь известны «три главных вида правления: монархическое, аристократическое и демократическое» (*Броневский* 1823, ч. I, с. 38). Во второй книге он характеризует социальные отношения отдельных народов. Что касается обычного права у горцев, то С.М. Броневский счел возможным провести параллель между адатами и «Русской Правдой» – «На Кавказе дух законов тот же, что и в Русской Правде» (*там же*, с. 47).

С.М. Броневский одним из первых привел небольшую подборку норм обычного права кабардинцев, объединенных в рубри-

ке «Коренные обычаи, или постановления, которые можно почитать за неписанные законы» (*там же*, сс. 178-182).

В 1834 г. И. Бларамберг завершил рукопись [на французском языке] о горских народах юга России. В 1832 г. с разрешения военного министра графа А. И. Чернышева, он предоставил план предполагаемого сочинения в Генеральный штаб генералу Нейдгарту. Тот, в свою очередь, отправил И. Бларамбергу программу описания, составленную еще в 1830 г. полковником Галяминым, а также ряд материалов, собранных Генштабом ранее (*Бларамберг*, 2005, сс. 9-10).

Проблему обычного права горских народов И. Бларамберг рассмотрел, главным образом, на примере черкесов. У них не было «письменных законов, за исключением Корана… Но приговор кадия не является для черкеса окончательным в той же мере, что и для турка… Законы, пользующиеся куда большим уважением у черкесов, – это их древние законы обычного права». Небольшую подборку норм адата наш автор привел в параграфе «Законы» раздела «Кабардинцы» (*там* же, сс. 173-177).

Среди первых исследователей адатов осетин выделим А. Яновского. Его очерк «Осетия» вошел во вторую часть обобщающего труда «Обозрение российских владений за Кавказом» [стр. 159-210], опубликованного в 1836 г. Согласно А. Яновскому, осетины «крепко и постоянно держатся своих обычаев». В целом у «осетин обычаи заменяют законы. Главные постановления относятся ко мщению за убийство…» (*Обозрение* 1836, ч. II, с. 192). Уголовные дела, в первую очередь примирение кровников, решали медиаторы [«тархонлаги»]. Они, отмечал А. Яновский, «составляют совет и определяют меру возмездия…» (*там же*, сс. 192-193). Плата за «кровь» была дифференцированной, в первую очередь учитывалась сословная принадлежность потерпевшего. Так, за раны, «смотря по *важности* их [раненных – Ф. Г.]», взыскивали от 1 барана до 54 коров (*там же*, с. 194).

Н. Данилевский на примере Северо-Восточного Кавказа показал роль обычаев в повседневной жизни горцев. «В судных маловажных делах, гражданских и уголовных, владельцы реша-

ют их окончательно и приговоры их немедленно исполняются; а в важных случаях приглашаются для совещания старшины, ибо без советов старшин, беков и других чиновников, Дагестанские владельцы и Ханы Ширванские ничего важного предпринимать не могут» (*Данилевский* 1851, с. 197).

«Почти все горские жители Кавказа не имеют писаных законов, – продолжил Н. Данилевский… – О суде и расправе между горцами мы имеем только частные и неудовлетворительные сведения, которые, однако же нельзя подвести под одно общее правило» (*там же*, с. 198). На «*народных собраниях*… глас простого народа решает законодательное положение; следовательно – *словесное изречение народное* [курсив мой – Ф. Г.] имеет между горцами силу закона. – Князья суть наблюдатели законодательной власти…» (*там же*, сс. 199-200).

Под заглавием «Коренные обычаи или неписанные законы горцев» (*там* же, сс. 201-208) Н. Данилевский привел небольшую подборку адатов. «Законы или особенные постановления, к которым горцы наиболее имеют уважение и строго соблюдают, заключаются в их древних обычаях, поэтому могут называться *неписанными законами*» (*там же*, с. 201).

В 1842 г. по поручению командующего войсками Кавказкой линии генерал-лейтенанта Граббе был составлен свод обычно-правовых норм, регулировавших общественную и семейную жизнь горцев Кавказа.

Во второй трети XIX в. в период подготовки и проведения сословно-поземельных и административных преобразований в регионе возрос интерес к социальной структуре обществ Северного Кавказа, включая Осетию. Для сбора необходимых материалов было создано несколько специальных комитетов и комиссий. Их цели были не только научными. Граф М. С. Воронцов, командующий Кавказским корпусом «с правами наместника» [с 27 сентября 1844 г.], в письме императору отметил: «Не скрою от Вас, Всемилостивейший Государь, что ближайшее знакомство с делами все более и более удостоверяет меня в многосложности занятий и трудности управлением краем» (*Народы* 2005. Т. 1, с. 9).

В числе поднятых вопросов – положение т.н. «побочных» де-

тей горских феодалов. На осетинском материале начавшаяся тогда дискуссия не завершилась до наших дней.

В дореволюционной историографии кавдасардами [кумаягами] называли детей «владельца и женщины свободного сословия, отданной в *номылус* [именная жена]». Считалось, что «такого рода браки, совершавшиеся между алдарами и фарсаглагами как магометанской, так и христианской религий, допускались, вероятно, по дороговизне и редкости в Осетии рабов» (*Абрамович* 2003. Т. I, с. 39).

Последнее обстоятельство, подчеркивал А. Абрамович, «вынудило более зажиточных людей приобретать в дом подобными сделками рабочие руки для такого вида работ, которые казались несвойственными женщинам высшего происхождения». Повторив буквально слово в слово эту же мысль, один из анонимных авторов продолжил: «Оставляя дом умершего алдара… кавдасард получал некоторую часть как движимого, так и недвижимого имущества владельца. Размер этой части, весьма, впрочем, умеренный, так как осетины не имели большого хозяйства, никогда не был с точностью обозначен народным обычаем; а бывало так, что приглашаемые для этой цели медиаторы, принимая в соображение состояние и численность того лица, из дома которого уходил кавдасард, определяли часть имущества, подлежащую выделу в пользу этого последнего» (*там же*, сс. 44-45).

Специальное исследование тагаурским кавдасардам посвятил Н. Мансуров. «Совершенно *особый род зависимых*, – писал он, – представляли собою кавдасарды тагаурского общества… К этому сословию принадлежали осетины, прижитые лицами привилегированных фамилий с наложницами [«номылус»] и считавшиеся впоследствии ближайшими родственниками своих господ» (*Мансуров* 1982, с. 152). Ссылаясь на Ф. И. Леонтовича, Н. Мансуров отмечал: «кавдасарды принадлежали только исключительно привилегированным сословиям; фарсаглаги же не могли иметь кавдасардов… Невыгодность экономического положения кавдасардов выражалась также и в том, что никто из них не имел никакого права покинуть родственных им алдаров, а каждый из них обязан был безвыездно жить на отведенных им участках земли, по на-

следству переходивших к ним из рода в род, обрабатывать и выдавать своим патронам большую часть продуктов труда хлебом и живностью. В сущности, эта категория зависимых представляла собою… безусловно закрепощенных, не имевших решительно никакой свободы» (*там же*, с. 153).

Дискуссия о социальном статусе кавдасардов продолжается до сих пор. Одни исследователи относят их к категории домашних рабов, другие – к зависимым крестьянам.

Первым исследователем, специально изучавшим обычное право осетин, был В. Б. Пфаф. К адатам он обратился, стремясь получить «некоторое понятие о юридической жизни народов, живших до начала нашей истории» (*Пфаф* 1871. Вып. I, с. 180).

Задача осложнялась тем, что «в Осетии каждый аул имеет свое особенное право. Сравнивая между собою права многих аулов, – уверял В. Б. Пфаф, – я дошел до общих начал, изложенных подробно в настоящем труде [Народное право осетин]. У осетин нет законов, но весь порядок их общежития основывается на обычаях. Эти обычаи действуют со всею силою неизменных законов природы, не дозволяющих ни малейшего отступления от них и ни малейшего исключения» (*там же*, с. 184).

Определив собственную трактовку некоторых терминов, В. Б. Пфаф вкратце изложил версию истории «осетинского [обычного] права». Оно, якобы, возникло в средние века. В тот период «общество ищет возмездия за совершенные над ним правонарушения. Возмездие это сначала грубо и жестоко – смерть единственное наказание за всякое правонарушение, все равно – преступление ли то или гражданская обида. Потом свирепость этого возмездия смягчается введением правила: ‘око за око, зуб за зуб’. Наконец, по обычаю, т.е. вызванною историческими обстоятельствами необходимостью, устанавливается для всякого проступка известная мера наказания и гражданские правонарушения отделяются от уголовных. Вот вкратце история и нашего и осетинского права» (*там же*, сс. 187-188).

Тогда же «для обсуждения правонарушений учреждаются третейские суды, и нормы, которыми они руководствуются, принимают постепенно все более и более определенный вид» (*там же*, с. 188).

В. Б. Пфаф сравнил осетинское обычное право с древнейшими памятниками римского, немецкого и славянского права. В результате он пришел к выводу, что «нынешние осетины, по ступени развития у них юридических идей, стоят на более низкой степени развития, чем римляне во время издания закона XII таблиц, немцы – во время издания саксонского и швабского зерцал и славяне во время Правды Ярослава. В этих памятниках законодательства право собственности и наследства установилось уже на твердых основаниях, но в коренном осетинском обычном праве право частной собственности еще не привилось» (*там же*).

В целом, отметил В. Б. Пфаф, обычное право осетин, «кроме чисто местного интереса, не имеет уже практического значения». Но для науки адаты осетин весьма полезны. «Изучая коренное право этой народности, утверждал Пфаф, мы получаем некоторое понятие о юридической жизни народов, живших до начала нашей истории…» (*там же*, с. 180). В другом месте он повторил: «Осетинское право, между прочим, ознакомит нас с бытом народов, живущих доисторической жизнью, и потому оно займет впоследствии свое место… в сравнительной или всеобщей истории права» (*там же*, с. 183).

Среди дореволюционных исследователей истории Кавказа особое место по праву занимает М. М. Ковалевский, внесший огромный вклад в дело изучения прошлого осетин (*Ковалевский* 1883; 1885; 1886, т. I, II; 1890, т. I, II). Его работы по истории горских народов еще при жизни исследователя принесли ему заслуженное признание современников. А изыскания в области средневековья, феодализма, древнерусской общины, родовых отношений закрепили за ним европейскую славу «выдающегося русского ученого».

По замечанию М. О. Косвена, М. М. Ковалевский обычное право рассматривал «в таком широком смысле, что это скорее общественный строй…» (*Косвен* 1961, с. 235). Упрек М. О. Косвена представляется не совсем корректным. Напомним, что в памятниках права историков интересует не юридическая сторона как таковая, а возможность их использования в качестве источника, в первую очередь и главным образом как источника по социальной истории.

В фундаментальной работе «Закон и обычай на Кавказе» М. М. Ковалевский подчеркнул свою солидарность с утверждением Ф. И. Леонтовича об актуальности исследования «кавказского права» не только в практических видах ознакомления с современным ему строем горских народов. Выдающийся русский ученый усматривал в этом и чисто научные задачи «выяснения общих, коренных законов развития правовых идей и институтов».

М. М. Ковалевский большое значение придавал изучению обычного права тех «народностей, которые как осетины, доселе сохранили в своем быту многочисленные *остатки* уже *пройденных* ими стадий развития». Этим определялся «характер и план» его работы «Современный обычай и древний закон. Обычное право осетин в историко-сравнительном освещении». В ней он намеревался дать не простое описание права осетин, но «объяснить фактами из быта этого народа многие вопросы древнего права» (*Ковалевский* 1886. Т. I, с. VI). По замечанию одного из рецензентов его кавказских «штудий», эта «смелая попытка…, в общем, была выполнена весьма» успешно (*Авалиани* 1916, с. 174). В другом отзыве тот же рецензент дал более развернутую оценку трудов российского ученого. «Можно утверждать, что М. М. [Ковалевский] *блестяще* выполнил намеченную задачу: широкая историко-юридическая эрудиция, прекрасное знакомство с этнографией – послужили верным руководством в богатом этнографическом материале, лично на месте добытом самим же М. М. [Ковалевским], ориентировку в обширном собрании данных этнографического, юридического и историко-литературного характера дал широко использованный сравнительно-исторический метод» (*Авалиани* 1916, сс. 366-367).

В целом, в дореволюционный период изучение обычного права, благодаря трудам русских ученых [историков, этнографов, юристов], прошло большой путь от частных исследований до уровня общегосударственной проблемы. Данный процесс сопровождался введением в научный оборот нового фактического материала. Тогда же был сформулирован ряд фундаментальных выводов, сыгравших большое значение в формировании теории обычного права в российской исторической и юридической науке.

Особую значимость для нашей темы имеют работы представителей осетинской интеллигенции второй половины XIX – начала XX вв.: М. Гарданова, А. Гассиева, Г. Дзасохова, А. Есиева, И. Канукова, С. Каргинова, С. Кокиева, К. Хетагурова, Б. Туганова, Г. Цаголова, Д. Шанаева.

В советское время, особенно в конце 20-х гг. XX в., изучение эволюции норм обычного права горцев стало одной из ключевых задач деятельности краевых научно-исследовательских институтов. И дело не только в том, что изучение «адатного вопроса» имело «серьезное практическое значение в деле культурно-экономического подъема горской жизни», но и в том, что данный вопрос представлял «глубокий научный интерес». Актуальной представлялась «возможность проследить следы родового быта [коллективистические элементы] и феодально-сословных делений, а также влияния господства буржуазии. Без тщательного изучения этих элементов адата нельзя уяснить роль и значение его в различные периоды истории…» (*Хадарцев* 1928, с. 50). К сожалению, эта задача осталась невыполненной, в том числе и в Осетии, хотя отдельные аспекты обычного права изучались (*Скитский* 1933; *Кокиев* 1940).

В послевоенный период усилиями кавказоведов [*Гарданов* 1960; *Гаглоев* 1964; *Думанов* 1976; *его же* 1990; и др.] наметились подходы к выявлению природы обычного права, выделены этапы эволюции, показана значимость обычного права как регулятора социальных отношений у разных народов нашей страны.

Новый всплеск научного интереса к обычному праву приходится на вторую половину XX в. Важную роль в этом сыграли фундаментальные исследования историков, этнографов, правоведов А. М. Ладыженского, А. Б. Венгерова, В. Н. Денисова, В. А. Зибарева, Л. И. Куббеля, Г. И. Муромцева, А. И. Першица, Ю. И. Семенова, Б. Я. Токарева, и др. Исследователи сосредоточили внимание на генезисе и специфических признаках обычного права, соотношении обычаев, традиций и права, а также месте обычно-правовых норм в рамках той или иной национальной правовой системы.

В дореволюционный период предпринимались попытки опре-

делить социальную структуру традиционных обществ горских народов через призму норм обычного права. Такой подход позволил выявить ряд особенностей в положении некоторых сословий. В частности, среди зависимых сословий Терской области обратили «на себя особенное внимание осетинские *рабы*, известные под именем *кавдасардов* или *кумиаков*… Сложность и запутанность их прав и, главное, неестественность их» отношений с феодалами, «выводят их из разряда всех прочих зависимых сословий, существующих в среде горцев Кавказа» (*Абрамович* 2003, сс. 38-39).

Такую же оценку статуса кавдасардов/кумаягов давали и некоторые советские ученые. З. Н. Ванеев в этой связи подчеркивал: «кавдасарды находились на положении работников в доме своего отца-господина, по своему статусу приближаясь к *рабам*» (*Ванеев* 1989. Т. I, с. 214).

Б. В. Скитский занимал противоречивую позицию. «Кумаягами, писал он, называлось потомство от купленной за калым так называемой «именной» жены – номылус или кумаячки. Институт кумаячества возник в условиях социального неравенства и был одной из форм эксплуатации хотя и «свободных», но в то же время бедных слоев населения». Одновременно ученый убежденно отстаивал и другую точку зрения. «Фактически положение кумаягов было рабское: они выполняли те же работы, что и рабы, по дому и в поле». В конечном итоге Б. В. Скитский пришел к выводу о том, что «все же по своему положению они *бытовым правом* были приподняты над рабами и считались «младшими детьми» по отношению к детям бадилят от «законных» жен» (*Скитский* 1933, с. 15).

Историю кумаягов/кавдасардов детально рассмотрел Г. А. Кокиев. «Надо думать, – отметил ученый, – что оба эти термина, первый из которых бытовал в Западной Осетии – среди дигорцев, а второй в Восточной Осетии – среди иронцев, возникли на осетинской почве, так как значения этих терминов, вскрывающие социальную сущность каждого из них, легко разъясняются на осетинском языке» (*Кокиев* 1940, с. 23).

Термин *кумаяг*, согласно Г. А. Кокиеву, состоит из названия известной горцам реки Кумы и приставки «яг» или «аг», в осетин-

ском языке всегда указывающих местность, край или аул, откуда происходит тот или иной человек. «Отсюда и значение термина «кумаяг»… – «человек из Кумы», т.е. человек, происходящий из Кумского или прикумского района. В историческом прошлом предки современных осетин имели живое общение и довольно тесные связи с народами, населявшими некогда прикумские степи». Это были, видимо, предки ногайцев, улусы которых располагались по Куме, нижнему течению Терека и западному побережью Каспийского моря. Можно предположить, что отношения предков осетин с кочевыми племенами прикумского региона не всегда были мирными. В набегах и те и другие в качестве военных трофеев «захватывали пленников, составлявших в осетинском феодальном обществе категорию зависимых крестьян, получивших название по месту их прежнего бытования – *кумаягов*. О военных набегах социальных верхов Осетии в прикумские степи, а кочевников– в Осетию, в фольклоре сохранились некоторые отголоски. Еще в предвоенный период осетин в гневе говорил другому: «Куми будури амадтаг бао» т.е. ‘сделайся достоянием прикумских степей’» (*там же* сс. 23-24).

В оценке социального статуса кавдасардов некоторые противоречия характерны для М. М. Блиева. С одной стороны, кавдасарды и номылус рассматривались ученым как *домашние рабы*. Они «выполняли все домашние и полевые работы. От рабов их отличало лишь то, что они не могли быть проданы другому лицу и в нужных случаях феодал должен был их охранять». С другой стороны, утверждал М. М. Блиев, кавдасарды «являлись наиболее бесправной частью *крестьянства* [курсив мой – Ф. Г.] Тагаурии» (*Блиев* 1964, сс. 23, 28).

Кавдасардам Тагаурского общества посвящен раздел одной из работ Р. С. Бзарова (1987, сс. 97-108). Весьма важным представляется вывод ученого о «двух группах в кавдасардском сословии. Источники сохранили термины, употребленные для такого различения самими крестьянами. Свободные кавдасарды именуют себя в прошениях ‘первостепенными’ или ‘вольными’, пытаясь отмежеваться от кавдасардов ‘подвластных’ или ‘алдарских’» (*там же*, с. 107).

Из последних работ выделим монографию И. Т. Марзоева, посвященную выявлению социального статуса привилегированных сословий Северного Кавказа. Интересен вывод историка об одной особенности «социальных отношений в Осетии»: использование фамилии отца тем или иным кавдасардом. В Тагаурском обществе так поступали кавдасарды Мамсуровых, Тулатовых, Алдатовых, Шанаевых, Дзантиевых (*Марзоев* 2011, с. 42).

Господствовавшая в отечественной науке пятичленная схема общественно-экономических формаций наложила отпечаток на теорию государства и права [Очерк изучения обычного права в дореволюционной и советской историографии, а также марксистскую постановку проблемы обычного права привел В. А. Александров (*Александров* 1984, сс. 3-41)]. Право во всех формах его проявлениях неразрывно связывалось с государством. «Теоретический» штамп – «марксистско-ленинская» – предопределил и характер научных исследований интересующих нас вопросов: считалось, что обычное право присуще ранним стадиям классового общества и представляет собой совокупность санкционированных государством обычаев.

В постсоветский период солидным вкладом в решение ряда вопросов стали материалы конференций, в частности, XI Международного конгресса «Обычное право и правовой плюрализм в изменяющихся обществах» (Москва, 1997 г.), научно-практической конференции «Обычное право и его роль в формировании современной правовой культуры» (Майкоп, 1999 г.). К сожалению, на названных научных форумах явно доминировали доклады, посвященные современной практике. Тогда как вопросы нормативной и потестарной этнографии по сути исчезли из работ историков и этнографов.

Говоря о степени научной разработанности различных аспектов обычного права осетин, отметим, что в историко-этнографическом плане они все еще недостаточно исследованы. Из специальных работ непосредственно по нашей теме лишь автор этих строк опубликовал две статьи по нормативной этнографии (*Гутнов* 1989, сс. 36-49; 1999, сс. 27-36).

Немногим лучше положение и у юристов. В монографии

М. У. Дзидзоева рассмотрены общественно-политические и государственно-правовые взгляды наиболее ярких представителей осетинской интеллигенции с конца XIX в. до первых лет советской власти (*Дзидзоев* 1979).

В 1997 г. вышла в свет работа В. И. Маргиева «История государства и права осетин». Она стала «*первой* попыткой исследования истории права осетин с древнейших времен» до начала XX в. В специальном разделе рассмотрено обычное право в традиционном осетинском обществе (*Маргиев* 1997, сс. 159-196).

Недавно опубликована работа юристов В. И. Маргиева и С. М. Кесаева «Государственность Южной Осетии: прошлое, настоящее, будущее» (Владикавказ, 2009-218 с.). В первой главе «Южная Осетия с древнейших времен до создания Юго-Осетинской области» (стр. 11-65) попутно рассматриваются и интересующие нас вопросы. Надо признать, что в данном разделе авторы продемонстрировали солидные навыки исторического поиска и анализа имеющегося материала, в котором они свободно ориентируются.

Источники. Материалы по обычному праву осетин накапливались по мере изучения самой проблемы, либо для практических целей, либо в интересах науки.

В начале 40-х гг. XIX в. местная администрация вплотную занялась сбором данных по обычному праву горцев Северного Кавказа. О степени актуальности этой работы можно судить по программам сбора адатов. Одна из ранних программ, составленная в 1830 г., называлась: «Проект программы описания горских народов, составленный полковником Галяшевым, для Северной, Западной и Восточной частей Кавказа». Приведем некоторые ее пункты:

«1. Общие взгляды на Географическое положение горских народов.

2. Разделение сих Народов на Главные поколения образующие особые Владения.

3. Подразделение каждого из сих Главных поколений на частные.

4. Границы, определяющие жилища главных и частных поколений с показанием оных на особой карте для сего составленной.

…

5. Общие исторические сведения относящиеся до помянутых народов.

К сему будет принадлежать:

a). Отношения существовавшие и ныне существующие между Горскими Народами.

b). Сношения их с Российскою империею.

c). Влияния кои имели на Горских Народов командовавшие Кавказскою линиею.

d). Экспедиции предпринятые против сих народов и последствия оных.

e). Изчисление поколений всех удельных князей и в особенности ныне владычествующих.

f). Влияние кои они имеют на свой народ.

g). Свойство, нравы и обычаи каждого из Горских Народов.

h). Законы собственно ими установленные.

i). Собрание указаний и различных постановлений до Горских народов относящихся».

Далее следуют еще два раздела: «Торговля» и «Промышленность» (*ЦГИА*, ф. 1018, оп. 3, д. 238, л. 1-4 об.).

В начале 40-х гг. XIX в., в период «наибольшего подъема» движения Шамиля, командование Кавказской линии приступило к сбору сведений об адатах горских народов. Работа велась по довольно широкой программе:

«1). Разделение каждого общества или племени отдельно на сословия, включая и крепостной класс людей.

2). Права и обязанности каждого класса и отношение одного сословия к другому, включая и духовенство.

3). Какие дела и преступления в каждом обществе должны быть рассматриваемы адатом.

4). Общий обряд суда по обычаем или адату.

5). Права и обязанности каждого сословия.

6). Наследственное право всех сословий.

7). Раздел имений.

8). Обряд духовных завещаний и исполнение по ним.

9). Отношение детей к родителям и их права на первых.

10). Взаимное отношение мужа к жене и обратно.

11). Мера наказаний за неповиновение князьям и узденям.

12). Мера наказания за преступления разного рода» (*Гарданов* 2004, сс. 186-187).

Кавказоведы обратили внимание на то, что программа была «недостаточно полной, конкретной и четкой». В ней отсутствовали многие важные вопросы: землевладение и землепользование, политическое устройство и система управления, роль т.н. «народных собраний» и общины. К чести составителей сборников адатов 40-х гг. XIX в. они, проявив инициативу, нередко выходили за рамки программы и включали в списки адатов горских народов различные сведения об общественном строе (*там же*, сс. 187-188).

Командующий войсками на Кавказской линии генерал-лейтенант Гурко «предписал в 1843 году частным начальникам исполнение предложения о собрании *народных* преданий и *обычаев* у горских племен, известных у них под названием Адата и употребляемых в виде *законных правил*». Причем, задачу эту предполагалось «возложить на способнейших Офицеров» (*ЦГИА,* ф. 1268, оп. 2, д. 194, лл. 1 об. – 2).

Труд одного из офицеров, Кучерова, по отзыву наказного атамана Черноморского казачьего войска генерал-лейтенанта Заводовского, «весьма полезный и отчетливый… для достижения оказанной ему цели, должен был знакомиться с почетными горцами, посещать их и принимать взаимные от них посещения и в довершение общежительных приличий, стоивших значительных издержек, не раз приходилось ему задабривать своих знакомцев, дабы подобною угодливостью приобрести их доверие и расположить к откровенности и радушию» (*там же*, лл. 2-2 об.).

Самыми большими по объему информации являются материалы различных сословно-поземельных комитетов и комиссий:

Центральный государственный архив Республики Северная Осетия-Алания:

Ф. 233. Комитет по разбору личных и поземельных прав жителей Владикавказского округа.

Ф. 254. Комитет для разбора личных и поземельных прав горцев левого крыла Кавказской линии.

Ф. 256. Комиссия по правам личным и поземельным всех туземцев Терской области.

Ф. 262. Комиссия для разбора сословных прав горцев Кубанской и Терской областей.

Ф. 290. Управление военного начальника Владикавказского военного округа.

Ф. 291. Комитет для разбора личных и поземельных прав горцев Военно-Осетинского округа.

Центральный государственный исторический архив:

Ф.1149. Департамент законов государственного совета;

Ф. 1263. Комитет министров;

Ф. 1268. Кавказский комитет.

9 ноября 1846 г. предписанием начальника главного штаба Отдельного Кавказского корпуса генерал-майора Коцебу начальнику Владикавказского военного округа намечалось «создание *особой Комиссии* для разбора *сословных* прав жителей *Тагаурского* общества». Буквально следом, 30 ноября того же года, вышел «Приказ главнокомандующего Кавказским корпусом о создании комиссии под председательством начальника Владикавказского округа» генерал-майора Нестерова (*ЦГА РСО-А*, ф. 233, оп. 1, д. 3, лл. 26-29 об.; д. 4, лл. 1-5).

«Первый *Комитет* для разбора *поземельных* [курсив мой – Ф. Г.] прав туземцев *Терской области* был учрежден по распоряжению генерал-фельдмаршала князя Воронцова в 1847 году, во Владикавказе, под председательством начальника Владикавказского военного округа, генерал-майора Нестерова…» (*ЦГИА*, ф. 1268, оп. 10, д. 166, лл. 4 об. – 5). Еще в 1845-1846 гг. тагаурские алдары подавали прошения, «во-первых, об утверждении за ними владеемых ими земель, а во-вторых, о точном определении своих сословных прав» (*ЦГА РСО-А*, ф. 233, оп. 1, д. 3, лл. 57-57 об.).

В связи с назначением Нестерова начальником Левого фланга Кавказской линии, его преемником 7 ноября 1848 г. стал командир Владикавказского казачьего полка *полковник* Ильинский. В рапорте от того же числа Главнокомандующему Отдельным Кавказским корпусом говорилось о создании Комитета во главе с *генерал-майором* Ильинским. Последний, судя по рапорту от 26

мая 1849 г., мог «доставить необходимые сведения, позаимствованные им от предшественника своего генерал-майора Нестерова и приобретенные самим им до настоящего времени» (*там же*, д. 4. лл. 41-44).

В предписании командующему Кавказской военной линии от 10 июля 1849 г. начальник Главного штаба войск на Кавказе П. Коцебу сообщал о назначении генерал-майора Новицкого председателем Комитета для разбора прав высших сословий горцев Владикавказского округа (*там же,* лл. 61-62). Потребовалось еще время для переписки и согласования кандидатуры председателя Комитета – генерал-майора Новицкого. 13 ноября 1849 г. к структуре, возглавляемой Новицким, перешли функции регулятора аграрных отношений в Восточной Осетии. В «Предписании начальника штаба Кавказской военной линии» от 4 февраля 1850 г. сообщалось об открытии Комитета во главе с генерал-майором Новицким (*там же*, д. 3, лл. 143-143 об.). Но и он просуществовал недолго. 29 июня 1850 г. сообщалось о создании нового Комитета (*там же*, д. 5, лл. 53-53 об.). А «обсуждение вопросов по определению прав туземцев», возложили «на Владикавказского Окружного начальника, генерал-майора, барона Вревского» (*ЦГИА*, ф. 1268, оп. 10, д. 166, лл. 4 об. – 5). Данный Комитет просуществовал дольше своих предшественников и сделал больше.

31 марта 1851 г. чиновники Комитета Вревского завершили работу над довольно объемным трудом – «Докладной запиской о разборе сословных и поземельных прав жителей Владикавказского округа» (*ЦГА РСО-А*, ф. 233, оп. 1, д. 9, лл. 29-40).

По объему информации, имеющей большое значение для нашей темы, Записку превосходит «Проект решения поземельного вопроса в Осетинском округе, составленном майором Красницким. 1859 г.» [далее: список Красницкого] (*там же*, ф. 291, оп. 1, д. 25, лл. 1-30 об.).

В 1857 г. по распоряжению командующего войсками «Левого Крыла Кавказской линии генерал-фельдмаршала князя Барятинского, во Владикавказе снова учрежден Комитет для разбора прав туземцев всей Терской области, существовавший до 1858 года… В 1859 году признано необходимым открыть в каждом округе осо-

бый Комитет или Комиссию. В следствие чего в апреле 1859 года был открыт Военно-Осетинский Комитет, который существовал до октября 1860 года… В 1862 году командовавший войсками Терской области, Князь Святополк-Мирский, признал необходимым дополнить труды бывшего Военно-Осетинского Комитета, для чего во Владикавказе, с разрешения Его Императорского Высочества, Главнокомандующего Кавказскою армиею, и была открыта настоящая Комиссия» ((*ЦГИА*, ф. 1149, оп. № X, д. 112, лл. 5 об. – 6).

«Программа работы Комитета М. Кундухова» [1859-1860 гг.] включала в себя «разбор личных и поземельных прав туземцев Военно-Осетинского округа» (*ЦГА РСО-А*, ф. 291, оп. 1, д. 8, лл. 19-33 об., 66-68 об., 83-89 об., 91-105 об.).

14 декабря 1864 г. на основании положения Кавказского комитета учреждена Временная Комиссия для разбора личных и поземельных прав горцев Терской области. По высочайшему указу от 30 декабря 1869 г. она была преобразована в Терско-Кубанскую сословную комиссию. В число ее задач входило:

«1) Возможно точное уяснение сословного строя горских племен и обществ…

2) Определение главных и второстепенных признаков, характеризующих каждое из высших горских сословий как по действительному отношению к низшим классам и по понятиям и преданиям горцев, так и по тому значению, которое этим сословиям придавалось нашею администрациею;

3) Составление проекта о том, *какого рода доказательства* [курсив мой – Ф. Г.] на принадлежность лица к каждому из высших горских сословий порознь должны быть признаваемы неподлежащими сомнению».

Помимо этого, комиссия собрала и обсудила «*народные обычаи* [курсив мой – Ф. Г.], предания и понятия горцев о высших сословиях». Было отмечено, что горцы до начала XIX в. не имели письменных свидетельств о «прошлой его жизни», поэтому вернейший способ «определения принадлежности туземной личности к известному сословию состоит в присяжных показаниях депутатов, выбранных каждым племенем из среды всех его со-

словий, за исключением находившихся в крепостной зависимости», т.к. «сословное разделение племен, лежащее в основании внутреннего их устройства, составляет столь прочное учреждение, что всякому известно, кто в его племени принадлежит к какому сословию» (*ЦГИА*, ф. 1149, оп. № X, д. 112, лл. 2 об. – 3).

В 1863 г. создана поземельная комиссия Терской области, заменившая мелкие комитеты и комиссии. В равнинной Осетии «разнообразие условий выселения [иногда по распоряжению властей]» неопределенность, «даже противоречивость в распоряжениях» местного начальства, породила в этой части округа множество самых запутанных поземельных споров… С другой стороны, в нагорной части Осетинского округа право владения землею определено точно и положительно *местными обычаями* [курсив мой – Ф. Г.]. Выработанное временем правило это до того несложно и до такой степени известно каждому горскому жителю, что ни между обществами, ни между частными лицами … никогда не возникало значительных в этом отношении недоразумений» (*ЦГИА*, ф. 1149, оп. № X, д. 112, лл. 137-138, 142-143 об., 144 об., 151 об. – 152).

В конце 1864 г. Кавказский комитет объявил «об учреждении во Владикавказе комиссии для разбора личных и поземельных прав туземного населения». 4 XII 1864 г. эти меры были утверждены императором России.

Материалы обычного права Восточной Осетии легли в основу написанной в 1860 г. Записки «О происхождении личных и поземельных прав и взаимных отношениях жителей Военно-Осетинского округа» (*НА СОИГСИ*, ф. 16, оп. 1, д. 26, лл. 1-53 об.). Самый большой по объему раздел посвящен Тагаурскому обществу (*там* же, лл. 18-25, 27-31), состоявший из следующих разделов: «О происхождении и значении Эльдар», «Права и преимущества Эльдар», «Свидетельства [депутатов] посторонних обществ», «Фарсаглаги и кавдасарды» и др.

Ценный материал о социальной структуре обществ Северного Кавказа содержится в «Справке по делу о правах высших горских сословий в Кубанской и Терской областях». «Справка» представляет собой «извлечения из всеподданнейшего отчета

Главнокомандующего Кавказской армией его императорского высочества государя великого князя Михаила Николаевича по военно-народному управлению за 1863-1869 годы».

В «Заключении» комиссии от 22. VIII. 1872 г. «О значении горских высших сословий» говорится: «Известно, что от Петра Великого и по настоящее царствование всем кавказским народам одинаково… милосердием Монархов всегда даруема была неприкосновенность их *обычаев и основанного на них порядка общественной жизни*» (*ЦГИА*, ф. 1149, оп. X, д. 112, лл. 81 об. – 82 об.).

Интересен документ, сохранившийся под названием: «Сущность суждений особого совещания по делу о правах высших горских сословий в Кубанской и Терской областях» [15 мая 1895 г.].

«Его Императорское Высочество Августейший Председатель Государственного Совета изволил изъяснить, что… признано было справедливым и полезным отвести представителям главнейших горских родов особые участки в потомственное владение». В связи с этим «несколько позднее возбуждено ходатайство об определении сословных прав этих горцев. С того времени прошло более пятнадцати лет и положение вещей изменилось во многом. Поэтому желательно осветить указанный вопрос объяснениями лиц, знакомых с прошлым Кубанской и Терской областей, и с современными условиями народного быта… К сказанному Государь Великий Князь Михаил Николаевич изволил добавить, что мысль главного Кавказского начальства о признании дворянами лиц, принадлежащих к высшим горским сословиям, встретила возражение со стороны Министерств: Юстиции, Внутренних Дел и Военного. Мера эта признается упомянутыми ведомствами неудобною собственно ввиду того, что горские племена были покорены под власть России оружием и что число горцев, которым испрашиваются сословные преимущества, весьма велико». К тому же проверка «именных списков высших родов выяснило, что первоначально заявленная цифра [10000] должна быть значительно сокращена [до 3000 приблизительно]» (*там же*, лл. 167-167 об.).

Об уровне данного совещания можно судить по списку выступивших на нем: начальники Терской и Кубанской областей, член

Военного Совета генерал Павлов, член Государственного Совета генерал-адъютант Святополк-Мирский, Председатель Департамента Законов Госсовета, тайный советник Плеве и др. (*там же*, лл. 168-174 об.). В конечном итоге обсуждаемое дело принятым решением возвращалось в Министерство юстиции «для *переработки*» (*там же*, л. 174).

В начале 70-х гг. XIX в. Ф.И. Леонтович издал двухтомник обычного права горских народов Северного и Восточного Кавказа. Введение в научный оборот новых источников существенно расширило возможности кавказоведов в реконструкции истории и этнографии горских народов.

Публикация Ф.И. Леонтовича «критически проверенных» адатов горских народов получила высокую оценку современников. Так, С. Авалиани писал, что двухтомник удовлетворяет самым строгим научным требованиям. Ф.И. Леонтович своим изданием материалов, весьма обстоятельных, пустил в научный оборот очень ценные сведения, которые дали возможность воспроизвести архаические общественные формы. Материал, изданный Ф.И. Леонтовичем, «имеет огромный научный интерес для сравнительного правоведения, восстановляя многие затерянные формы и неясные институты первобытной культуры» (*Авалиани* 1911, с. 173)

Об источниках, относящихся к нашей теме, можно судить по аналогичным публикациям, не имевших прямого отношения к нормам права осетин. Например, в 1868 г. опубликована статья А.В. Комарова «Адаты и судопроизводство под ним». По словам автора, материалами для статьи послужили: «1) Сборники адатов, представленные окружными начальниками в 1865 и 1866 годах. Из числа этих сборников, по полноте и ясности изложения, особого внимания заслуживают сборники Даргинского округа и бывших владений [шамхала] Тарковского, ханства Мехтулинского и Присулакского наибства. 2) Дела канцелярии начальника Дагестанской области и штаба командующего в ней войсками и 3) сведения, собранные мною [Комаровым – Ф. Г.] на месте, во время поездок по краю, частною перепискою и расспросами лиц, заслуживающих полного доверия» (*Комаров* 1868, с. 3).

«Материалы по обычному праву остаются основным источником по истории общественных отношений у кавказских горцев до второй половины XIX в., когда обычное право перестало уже отражать существо новых отношений, складывающихся в горском обществе» (*Гарданов* 2004, с. 201).

Вопросы теории и методологии. Автора данной работы адаты интересуют с точки зрения нормативной этнографии – специальной отрасли этнографической дисциплины, изучающей генезис и этнические особенности социальных норм в их историческом развитии. Эти нормы принято делить на две основные категории: право и мораль, включающую в себя и нравственные предписания религии (*Першиц* 1979, с. 210).

Несмотря на некоторое сходство в функциональном назначении, право и мораль принципиально отличаются друг от друга. В советской науке право с теми или иными вариациями определялось как совокупность [система] норм, установленных или санкционированных государством. Мораль – также совокупность норм, но установленных не государством, а воздействием общественного мнения. В классовых обществах мораль отличается от права своим дуализмом: первая различна у разных классов, второе едино, хотя классово обусловлено (*там же*, сс. 210-212; *СИЭ*. Т. 11, стб. 494). Здесь же отметим, что некоторые советские ученые к категории правовых относили и обычное [неписаное] право (*Гарданов* 1960, сс. 12-29).

Совершенно очевидно, что любые человеческие сообщества, включая самые ранние, не могут существовать без системы норм социального поведения. Последние определяют характер взаимоотношений как отдельных индивидов, так и целых социальных групп (*Черных, Венгеров* 1987, с. 24). К сожалению, специалистам до сих пор не удалось достичь единства взглядов в трактовке морали и права в доклассовом и классовом обществах. В советской науке преобладала точка зрения о существовании в архаических обществах только морали. Последняя определялась как форма общественного сознания. Ю.И. Семенов уточнил это определение, подчеркнув, что мораль, как форма общественной воли, в отличие от права, «не есть воля государства. В идеале она

представляет собой волю социоисторического организма». Нарушение ее норм представляло собой не преступление, а проступок (*Семенов* 1997, сс. 3, 5, 22).

Еще больше разночтений обнаруживается при трактовке [обычного] права, времени и условиях его возникновения. Дореволюционные этнографы все нормы, регулирующие поведение и взаимоотношения людей, называли правом или обычным правом. Также поступают и современные сторонники правовой антропологии. По убеждению Ю.И. Семенова, обычное право возникло как регулятор отношений между социумами, а не индивидами. Обычное право «продолжало сохраняться и действовать на низших уровнях классового общества…» (*там же*, сс. 3-4, 11, 22). Однако существует и противоположная точка зрения. В частности, по мнению части кавказоведов, обычное право у горских народов продолжало функционировать и в классовом обществе. И не только феодальном (*Думанов* 1990; *Бабич* 1997). Более логичной представляется позиция исследователей, которые нормы поведения в догосударственных обществах не относят к категории правовых, полагая, что права еще не было. Трудно отнести их и к категории моральных, так как они были обеспечены очень жесткими и довольно твердо фиксированными санкциями. Учитывая синкретность основных правил поведения в первобытном обществе, А.И. Першиц и Л.И. Куббель наиболее удачным термином считают понятие «мононорма» (*Першиц* 1979, сс. 211-214; *ИПОЭК* с. 449). Хотя у этой точки зрения имеются оппоненты (*Черных*, *Венгеров* 1987, сс. 24-26, 36 примеч. 7), она представляется оправданной.

Сохранившиеся источники позволяют проследить процесс превращения наиболее важных в социальном отношении и наиболее выгодных верхушке общества *мононорм* в *правовые нормы*. К числу таковых относится процесс легализации поборов в пользу вождей.

На заключительных этапах эпохи классообразования исполнение важных общественных функций обусловило появление «добровольных» приношений в пользу вождей. Например, по преданиям осетин, родоначальника дигорских феодалов Бадела

за «охранение ущелья» наделили «землею и другими средствами к жизни» (*Миллер* 1881, с. 139). Его наследники «по примеру отца не обрабатывали полей, а занимались наездничеством, оберегали свое… отечество от врагов. За это народ дигорский продолжал вносить для прокормления баделят определенную дань провизией с каждого двора» (*Красницкий* 1865. № 31).

Обмен услугами между военной аристократией, обеспечивавшей безопасность коллектива, и рядовыми соплеменниками, «одаривавшими» своих «защитников» необходимым продовольствием, являлся одним из каналов возникновения эксплуататорских отношений среди соплеменников. Общинники, не говоря уже об обедневших или неимущих людях, обращаясь за помощью к богатому или сильному лицу, со временем оказывались включенными в сеть неравного услугообмена, когда «патрон» получал от своей помощи большую выгоду, нежели «клиент», получавший помощь.

Как представляется, не все виды изъятия прибавочного продукта в предклассовом и раннеклассовом обществах можно рассматривать как эксплуатацию. В частности, так называемые «добровольные дары», на наш взгляд, являлись ранней формой налога, а не эксплуатацией. Если отбросить некоторые расхождения в деталях, то в современной отечественной историографии преобладают две трактовки понятия «эксплуатация»: 1) как любое безвозмездное изъятие продукта труда одними людьми у других *(Илюшечкин* 1990, сс. 24-30, 95, 303, 306, 331; *Семенов* 1993, с. 55) и с этой точки зрения налог рассматривается как эксплуатация; 2) присвоение чужого труда собственником средств производства; при таком подходе налог не всегда является эксплуатацией (*Ильин* 1985, сс. 69-72; *Коротаев* 1992, № 2, сс. 189-198). Вторая точка зрения представляется более логичной. Любой вид налога направлен на поддержание управленческих структур и отнюдь не являлся «безвозмездным изъятием продукта», а расходовался элитой прежде всего на производство необходимых обществу услуг и информации [управление, обеспечение безопасности и т.д.] (*Коротаев* 1992, сс. 193, 198 примеч. 24).

В Северной Осетии первые «добровольные» приношения со

временем возросли в объеме и превратились в обязательные повинности, в документах и адатах известных под названием «личных» и «случайных». В середине XIX в. в одном из прошений в сословно-поземельный комитет крестьяне Стыр-Дигории писали, что прежде «за охрану земель и стад» они царгасатам [феодалам] платили подать (*Джанаев* 1945, с. 133).

Со временем вождь стал осуществлять контроль над ресурсами, регулировать использование общего достояния. Например, в средние века знать на Северном Кавказе все более распространяла свое «право» на охраняемые угодья, в первую очередь пастбища – главное средство производства в хозяйстве с преобладающим значением скотоводства. Устная традиция осетин сохранила фольклорное отражение этого процесса: на предков феодалов [царгасат] «были наложены обязанности следить за пастухами и определять места пастбищ, за что они от населения получали сыр и молоко. Это дало основание потомкам царгасат распространить свою власть на пастбища и считать их своей собственностью, за пользование пастбищами они стали взыскивать с населения дань натурой» (*НА СОИГСИ*, ф. 19, оп. 1, д. 171, л. 7).

На заключительных этапах классообразования и уже в собственно классовом обществе существенные изменения произошли с мононормами взаимозащиты, особенно кровомщения, получившими разное правовое оформление применительно к различным социальным слоям. Интерес к данному вопросу обуславливается еще и тем, что, по мнению юристов, в период становления классового общества право первоначально оформлялось в области охраны частной собственности, в сфере торговли, займов и т.д., в то время как *убийство* долгое время оставалось областью морали, религии, делом *личной* расправы (*Явич* 1976, с. 25).

Но самое яркое отражение процесса юридизации мононорм – ужесточение санкций, призванных защищать частную собственность. В некоторых потестарных обществах право на имущество даже между ближними родственниками доказывалось при помощи оружия. Вспомним в этой связи рассказ Геродота о том, что некоторые скифы делают чаши из черепов «родственников, если у них была с ними тяжба, и если они одерживали верх над ними

перед царем. Если к [скифу] приходят гости, с которыми он считается, он приносит эти черепа и добавляет при этом, что, будучи ему родственниками, они вступили с ним в войну, и что он одержал победу» (*Доватур и др.* 1982, с. 123). Слово из текста Геродота, которое большинство комментаторов и переводчиков понимает как «родственники», в словарях Passow и Lidell-Scott развернуто – «сородичи, живущие общим хозяйством, под одной крышей». В таком случае, в приведенном сюжете речь идет о борьбе за право на имущество, а поединок родственников перед «царем» – ритуально-судебный, по определению Э. А. Грантовского (1981, сс. 61-71).

Порядок раздела добычи в традиционном обществе осетин имел ряд характерных особенностей, связанных с утверждением престижа военных вождей. «Тыхы кувды хай» [доля пира силы] и «хистары хай» [доля предводителя] использовались по разному. Доля для пира хранилась отдельно и использовалась для организации мужских застолий. Доля старшего находилась в единоличном распоряжении военачальника и состояла из золота, серебра, оружия, тканей и скота. Обычаем возбранялось тратить эту долю на себя и свою семью: она предназначалась для нужд общего характера. В тяжелые времена вождь обязан был помогать общинникам, иначе он терял уважение и вместе с тем свой ранг. Помимо этого, военачальник в праздники одаривал отличившихся в состязаниях (*Чочиев* 1985, сс. 157-159).

Совершенно иная картина наблюдается в средневековой Осетии. Частная собственность здесь жестко защищена нормами права. Причем, в зависимости от тяжести содеянного и статуса сторон за кражу следовало неодинаковое возмещение. За воровство «из базу старшины» платили штраф – мальчика или девочку, варили пиво. «Кто уворует с мельницы старшины муку, штрафуется быком». За воровство «лошадей, скота или баранов» платили «за каждую голову по девяти». В то же время за воровство скота у рядовых общинников взыскивалось «по три штуки за каждую… украденную» (*Леонтович* 1883, сс. 37-38).

Самостоятельный интерес представляют мононормы, которые по аналогии с правовыми можно назвать процессуальными,

а также характер предусмотренных ими санкций. Судя по имеющимся источникам, у предков осетин в период классообразования еще не было отделенных от народа потестарно-нормативных институтов – следственного и судебного аппаратов, тюрем и т.д. В этих условиях разбор преступлений и осуществление наказания брали на себя [правда, не всегда и не во всем] военные лидеры. По свидетельству Аммиана Марцеллина, «аланы судьями… выбирают тех, которые отличаются долгое время на войне» (*Аммиан Марцеллин* 2004, с. 494). В обществе нартов военные лидеры имели право наказывать соплеменников за невыполнение распоряжений. Так нарт Сослан, собираясь в поход на крепость Хиза, через глашатая объявил: «тот дом, который не пошлет нам воина, тот дом навеки отдаст мне в рабство юношу».

Как видно, судебные функции довольно рано выходят из-под контроля коллектива, все более сосредоточиваясь в руках лидеров социальных организмов.

В средневековой Осетии алдары и баделята подчинили себе даже уголовные дела, которые первоначально разрешались с помощью посредников. Феодалы «осуществляли свое право верховной юрисдикции путем взимания с уголовных преступников штрафов в свою пользу» (*Ковалевский* 1996, т. I, сс. 45-46).

АДАТЫ ТАГАУРСКОГО[1] ОБЩЕСТВА[I]: СПИСОК НОРДЕНСТРЕНГА. 1844 ГОД

3. Тагаурское общество разделяется на четыре сословия; I. узданьлаг[2] [дворянское сословие], II. фарсаглаг[3] [сословие вольных людей], III. кавдасард[4] [сословие дворовых людей], IV. гурдзиак[5] [сословие рабов].

4. Сословие узданьлаг состоит из 11-ти фамилий, а именно: Тлате, Кондехе, Алдате, Тугане, Тхосте, Мамсоре, Есене, Канукое, Санаи, Дударе и Дзантие. Других узданьлагских фамилий нет[6]. Ни одна из этих 11-ти фамилий не считается старшей, ни младшей, а все они находятся в одинаковой степени старшинства[7].

Права свои на узданьлагское достоинство фамилии эти основывают на следующем народном предании[8].

Тагаур[II], родоначальник этого народа[9], был, неизвестно когда и при каком царе, наследником армянского престола. Когда по смерти отца ему, как старшему сыну, достался престол, то братья его от другой матери, желая воцарить старшего из них, возмутили народ против Тагаура и хотели убить его[10].

Тагаур, видя неминуемую гибель свою, бежал из Армении к иронам или осетинам[11], жившим в горах на севере от Мингрелии и Имеретии. Он привел туда с собою несколько дворовых людей [кавдасардов] и привез много денег и дорогой посуды, состоящей из небольших круглых серебряных столов, котлов, больших и малых чаш, и прочего. Ироны, узнав о происхождении Тагаура, сделали его своим вождем[12]. Тагаур там женился и имел двух сыновей: Камбия и Тотека. Камбий стал отцом трех сыновей: Тлате, Алдате и Азнауре; Тотек – одного Сане.

По каким-то ссорам с иронами эти четыре внука тагауровы перешли от них со своими людьми и имуществом в Куртатинское ущелье, где и по ныне сохранились развалины их замка.

[I] Общество это называется так только у грузин и русских; сами же они называют себя тагеата.

[II] Армянское слово Тагаур значит по-русски: корононосец – наследник престола.

Поссорившись впоследствии с куртатинцами, тагаурцы переселились в соседственное ущелье, прозванное от их народа Тагаурским. С ними туда пришли их дворовые люди [кавдасарды], купленные рабы [гурзиаки] и присоединившиеся к ним из разных племен вольные люди [фарсаглаги]. Все эти люди поселились на реке Дарговсе, где тогда не нашли никаких жителей.

С размножением тагаурского народа, ему стало тесно на реке Дарговсе. Поэтому избыток населения разошелся в ближайшие пустынные ущелья; причем девять правнуков тагауровых дали начало девяти узданьлагским фамилиям: 1) *Тлата*, 2) *Кондеха* [дети Тлата, сына Камбиева, сына Тагаурова], 3 – *Алдате*, 4 – *Тугане*, 5 – *Тхосте* [дети Алдата, сына Камбиева, сына Тагаурова], 6 – *Мамсоре*, 7 – *Есене*, 8 – *Канукое* [дети Азнаура, сына Камбиева, сына Тагаурова] и 9 – *Санаи* [сына Сана, сына Тотека, сына Тагаурова].

Эти девять фамилий расположились жить[13]: Тлате на речке Гизильдоне, Кондехе на речке Фридоне, Алдате, Тхосте и Мамсоре остались в селении Дарговсе на речке того же имени, Тугане на речке Тишенкау, Есене на речке Каурадоне, Канукое на речке Верхняя Кубань, Санаи на речке Канидоне[14].

Скоро после прибытия туда тагаурцев, переселилась в их соседство, в это же ущелье, *почетная осетинская фамилия Дударе*[15]. Тагаурские узданьлаги, по уважению к ее происхождению, связям и способам, приняли ее в свой народ и в свое сословие узданьлаг.

Таким образом, фамилия Дударе составила 10-ю фамилию тагаурских узданьлаг и стала наравне с прочими охранять и исправлять горную дорогу, пролегающую в их ущелье, и получать 10-ю часть сбора, взимаемого с купцов и товаров, следовавших этою дорогою[16].

В царствование императрицы Екатерины II, при первом основании старой Военно-грузинской дороги, русское начальство на Кавказе, желая обеспечить это сообщение с Грузией от набегов хищников, пригласило тагаурцев выселяться из их ущелья на плоскость, лежащую впереди Кавказских гор.

Многие тагаурские узданьлаги[17] вышли на нее со своими кавдасардами и охотниками из вольных людей [фарсаглагами], основались там жительством и заняли места, которыми и поныне владеют. Часть же их фамилии осталась по-прежнему в Тагаурском ущелье. Тагаурцы заняли на плоскости пространство: с одной стороны от речки Майрам – Адаг до речки Камбилеевки и от нее до старой военно-грузинской дороги, идущей от Владикавказа через укрепление Елизаветинское на укрепление Константиновское; с другой стороны, от передовых Кавказских гор до Кабардинского хребта.

Около времени переселения тагаурцев на плоскость прибыла в их ущелье из-за Кавказских гор осетинская узданьлагская фамилия Дзантие из рода Агузовых[18]. Она поселилась на незанятых никем местах, между границами тагаурцев и куртатинцев, а частью перешла потом на плоскость, где и теперь имеет две деревни [аула]. Тагаурские узданьлаги, признавая их одинакового с собою сословия, вступили с ними в родство. По сей причине и по праву иметь кавдасардов, фамилия Дзантие составляет 11-ю фамилию тагаурских узданьлаг; но об ней не было упомянуто в прошении тагаурцев на Высочайшее имя, поданному его сиятельству господину военному министру в 1842 г, потому что фамилия Дзантие[19], переселившаяся к тагаурцам в недавнее время, не имела права на участие в дележе пошлин, взимавшихся тагаурскими узданьлагскими фамилиями до 1830 г. купцов и провозимых по ущелью их товаров.

5. *Фарсаглаги*[III] составляют самое многочисленное сословие народа. Они по настоящему не тагаурцы, а переселенцы от разных других племен, принятые тагаурцами и с давних времен включенные в их общество[20].

6. Кавдасарды[IV] происходят от слуг, привезенных узданьлагами при переселении в Тагаурское ущелье, и от дочерей фарса-

---

[III] Фарсалаг значит по-русски «посторонний или вольный человек» и происходит от слов фарсаг – «посторонний», «вольный» и лаг – «человек».

[IV] Кавдасард значит по-русски «в яслях рожденный» и происходит от слов «кавдас» – ясли и «ард» – рожденный, род.

глагов в таком случае, когда узданьлаг купит у фарсаглага дочь его не в жены, а в работницы. Тогда дети, рожденные ею, будут кавдасарды, принадлежащие узданьлагу, хозяину их матери[21].

7. Гурзиаки[V] происходят от людей, приобретенных покупкою, и от военнопленных.

8. Узданьлаги, как принадлежащие к высшему сословию, пользуются уважением прочего народа.

9. Узданьлагское достоинство не приобретается ни покупкою, ни заслугами, а остается единственно в роде этих 11 фамилий, признанных народом в этом достоинстве издревле.

10. Одни только узданьлаги имеют право владеть кавдасардами.

11. Узданьлаги могут владеть гурзиаками.

12. Узданьлаги имеют право без суда[22] наказывать принадлежащих им кавдасардов и гурзиаков.

13. Одни только узданьлаги были первоначально владельцами земли, занятой этим народом в Тагаурском ущелье, но впоследствии 8 фамилий, т.е. фамилии: Тлате, Кондехе, Алдате, Тугане, Тхосте, Мамсоре, Есене и Санаи, продали фарсаглагам в полное потомственное владение участки земли, сими занимаемые[23], и удержали за собою только те участки земли, которые были занимаемы ими самими или их кавдасардами. Таким образом, эти 8 фамилии лишились всякого платежа подати от фарсаглагов за пользование землями в горах.

14. Как фамилии Дударе и Канукое не продавали фарсаглагам принадлежащих им в Тагаурском ущелье участков земли, то эти последние и поныне платят этим двум фамилиям за пользование землями в горах следующие подати:

15. Фамилия Дударе получает с каждого фарсаглагского двора в год: 1) весною ягненка, 2) осенью большого барана, 3) один воз сена, 4) один овечий сыр, 5) 10 фунтов коровьего масла; 6) во время покоса, пахания и жатвы, из каждого фарсаглагского двора, должен быть выслан 1 человек с рабочим инструментом и на хозяйском корму работает 1 день[24]; 7) ежели фарсаглаг бьет на

[V] Гурзиак значит по-русски из Грузин и происходит от слов гурзи – «грузинец» и ак – «из».

мясо скотину или режет барана, то передняя лопатка с ребрами принадлежит хозяину земли – узданьлагу[25].

16. Фамилия Канукое получает тоже, что и фамилия Дударе, только вместо 10 фунтов коровьего масла – четверть пшеницы, а за позволение селиться в их ауле – по 1 корове с двора, при самом переселении[26].

17. Хотя узданьлаги, переселившиеся на плоскость, и не имеют там действительно собственной земли, но за позволение жить на занятых ими участках получают они от фарсаглагов: 1) с каждого двора, во время покоса, пахания и жатвы, по 1 рабочему с рабочим инструментом, который на хозяйском корму работает 1 день; 2) во время поминок и свадьбы у узданьлага доставляют ему бузу и съестного, кто сколько может и чем богат.

18. Фамилия Дударе получает и на плоскости от фарсаглагов, живущих у них, те же подати и повинности, какие платят ей в горах.

19. Вообще, ежели фарсаглаги живут в ауле, принадлежащем узданьлагу, то они обязаны ему следующею повинностью: 1) буде фарсаглаг здоров, имеет лошадь и не обязан семейными делами оставаться дома, то в случае поездки узданьлага куда либо из аула, должен сопровождать его в виде телохранителя. 2) Во время праздников, свадьбы и поминок обязан приносить хозяину аула, по состоянию своему, бузы и что-нибудь съестного. 3) В случае переселения фарсаглага в другой аул, дом, построенный им там, где он жил, остается в собственность узданьлагу, хозяину аула[27].

20. Без позволения узданьлага, фарсаглаг не может селиться на его земле или в его ауле.

21. Если фарсаглаг своих обязанностей перед узданьлагом, живя в его ауле или на его земле, не выполняет, то узданьлаг может прогнать его от себя.

22. Узданьлаг обязан охранять и оберегать живущего у него фарсаглага от всякой обиды и если у фарсаглага украдут что-нибудь в ауле или отобьют у него скотину, то узданьлаг должен стараться отыскивать покражу[28].

23. Звание фарсаглага наследственное и никто из кавдасар-

дов или гурзиаков не может приобретать это звание ни покупкою, ни заслугами.

24. Фарсаглаги, как совсем вольные люди, состоят в зависимости от узданьлагов только в таком случае, если они живут на землях, принадлежащих сим последним, и даже тогда на взаимных только условиях. Фарсаглаги имеют право переходить от одного узданьлага к другому, когда им это угодно.

25. Фарсаглаги имеют право владеть собственною землею[29], приобретенною покупкою или полученною по наследству.

26. Фарсаглаги могут иметь гурзиаков, приобретенных покупкою, но дети этих гурзиаков будут фарсаглаги, т.е. вольные люди, а не гурзиаки или рабы.

27. Кавдасардов фарсаглаги иметь не могут.

28. Звание кавдасард наследственное и никто из гурзиаков не может вступить в сословие кавдасард.

29. Кавдасард есть собственность той узданьлагской фамилии, к которой мать его принадлежала, и не может быть никому ни продан, ни уступлен.

30. Он не может выйти из этого сословия ни покупкою, ни заслугами.

31. Кавдасарды обязаны жить там, где прикажут их владельцы, и исправлять работы от него назначения.

32. Если кавдасард и сам купил[30] себе жену, то дети его и в таком случае будут кавдасарды, принадлежащие владельцу отца.

33. Кавдасарды имеют право владеть землею, приобретенною покупкою[31] или полученною по наследству от их родственников.

34. Кавдасарды могут купить и владеть купленными ими гурзиаками, но дети этих гурзиаков будут кавдасарды, принадлежащие владельцу кавдасарда, т.е. узданьлагу.

35. Гурзиаки или рабы находятся в полной зависимости от своих владельцев, которые могут делать с ними, что им угодно, продавать и дарить их другому по одиночке или целыми семействами и даже умертвить их по произволу.

КОММЕНТАРИИ

[1] Ценным документом по социальной структуре осетинских обществ является «Записка о происхождении, личных и поземельных правах и взаимных отношениях жителей Военно-Осетинского округа. 1860 г.» [далее: *Записка* 1860] (*НА СОИГСИ*, ф. 16, д. 26, лл. 1-69 об.). «Тагаурское общество, – говорится в этом документе, – разделяется на 4 класса или сословия. 1й класс народные Старшины, Тагауры или Эльдары, составляют высшее сословие и считаются коренными жителями. 2й, фарсалаки, вольные люди, перешедшие к Тагаурам из других мест. 3й, кавдасарды, побочные дети, прижитые Эльдарами и посторонними лицами от крепостных девок, а также от дочерей фарсалаков, покупаемых в жены кавдасардом и 4е холопы, которые приобретены покупкою или же взяты в плен в прежнее время» (*Записка* 1860, лл. 1-1 об.).

В восточных районах Северной Осетии феодалов составляли *уазданлаги*. В литературе и документах первой половины XIX в. их часто называли *тагиатами* или *тагаурцами* – производное от имени генеалогического предка местных феодалов Тага. А. Гакстгаузен, например, писал: «В Северной Осетии существует особенное дворянство, состоящее из 12 родов, названных тагаорцами. Они будто бы происходят от армянского князя Тагаора [Венценосец]. Все они в северных странах занимают наследственную должность сельских старшин [эльдер]» (*Гакстгаузен* 1857. Ч. 1, с. 105). В 1847 г. уазданлаги получили официальное наименование *алдар*. В 1859 г. их было 115 семей (*ЦГА РСО-А*, ф. 291, д. 4, лл. 68-74). В 1864 г. в 115 алдарских дворах проживало 551 человек обоего пола. В то же время все население Тагаурского общества исчислялось примерно 2000 дворами и до 10000 душ обоего пола. Иными словами алдары составляли 5,5% всего населения (*там же*, л. 105).

По другим свидетельствам, «Тагаурцы принадлежат к племени Осетин. Народонаселение их простирается до 1990 душ мужеска пола, в том числе членов высшего сословия – Эльдаров 564 души… Небольшая часть Тагаурцев живет в горах на своей собственной земле, разделенной на участки, коей считается удобной

и неудобной, в скалах под вечными снегами до 57,000 десятин, а прочие поселены на плоскости, на отведенных правительством участках земли, которой оказалось по правую и левую сторону Терека 61,954 десятины» (*Записка* 1860, л. 1 об.).

От титула *тагиата* произошло название общества в целом – Тагаурское; в него входили населенные пункты Дарьяльского, Кобанского и Даргавского ущелий. В самой Армении словом *таг* называли одну из инсигний царей – корону. А слово *тагавор* являлось одним из основных терминов для обозначения царского титула. Этимология *таговор* прозрачна – термин происходит от *таг* – «венценосец», «корона». По мнению Н. Д. Миклухо-Маклая, армянский термин *таговор* [венценосец, царь] – «довольно обычное наименование у мусульманских авторов восточных христианских государей вплоть до византийских императоров включительно» (*Миклухо-Маклай* 1954, с. 204).

По свидетельству самих тагиатов, многие из их старшин «слышали от некоторых армянских священников и стариков подтверждение народным нашим преданиям, некоторые уверяли их, что в армянской истории найдется подробное описание происхождения родоначальника нашего [алдарского – Ф. Г.] Тагаура» (*Марзоев* 2011, с. 127).

Напомним, что термин «алдар» восходит к периоду существования обществ с военно-иерархической структурой. Первоначально термин обозначал не более как «военный предводитель». Причем, имелся ввиду военный предводитель средней руки. Не случайно в венгерском, заимствованном у алан, означает «начальник охраны», «начальник сотни». А у монголов, также воспринявших его у алан, получил значение «[военная] слава» (*Абаев* 1958, сс. 127-128).

Социальный термин *алдар* был хорошо известен чиновникам [как гражданским, так и военным] разного ранга. Он часто встречается в деловых документах и официальной переписке той поры. 20 ноября 1847 г. был подписан «Рапорт начальника Владикавказского военного округа об утверждении за одиннадцатью фамилиями Тагаурских старшин звания алдар» (*ЦГА РСО-А*, ф. 233, оп. 1, д. 4, лл. 18-21).

Л. Згуста в надписях Пантикапея, Боспора и Танаиса отметил часто встречаемое имя *Ардарос*. По его мнению, *Ардар* «очень хорошо объяснил» В. Ф. Миллер из осетинского *aldar* «старший», «главный», «князь» (*Zgusta* 1955. S. 68-69). Это слово в качестве антропонима встречалось в названной форме *Ардарос* (*Козырева* 1976, с. 238). Р. Фрай со ссылкой на неопубликованные материалы Э. Ртвеладзе, обратил внимание на слово *aldar* в значении «вождь». Эта слово зафиксировано на гемме из Центральной Азии (*Frye* 1998, P. 81).

В связи с возникновением рассматриваемого титула, большой интерес вызывает анализ В.И. Абаева другого социального термина – *армыдзыд*. Первой на него обратила внимание З. Цховребова (1965. № 7, сс. 75-77). Согласно В.И. Абаеву, это слово представляет собой причастие от составного глагола «армы цауын» [входить под чью-либо руку]. Так назывались люди, отдававшие себя под покровительство сильного рода. Представитель слабого рода являлся к знатному лицу и говорил: «уа армы цауын», т.е. «я вхожу под вашу руку». Это давало ему надежную защиту. Покровительство обуславливалось рядом повинностей: армыдзыд платил налог, работал на патрона, поставлял воинов в необходимых случаях и т.д. С армыдзыд тесно связано понятие *алдар* [от «армдар» – рукодержец]. Они взаимно дополняют друг друга. Алдар «рукодержец» существовал постольку, поскольку был «армыдзыд», т.е. было над кем держать свою руку. Отношения, раскрываемые этими терминами, возникли, видимо, еще на начальных этапах классообразования. Но законченную форму они приобрели в феодальном обществе (*Абаев* 1968, сс. 25-26.), в котором покровительство трансформировалось в отношения господства и подчинения.

[2] Привилегированные слои средневековой Осетии не имели общего названия. Правда, иногда в литературе некоторые привилегированные сословия обозначаются термином *уаздан*. В историко-этимологическом словаре В.И. Абаева слову *wazdan* дано несколько значений: «1. Человек благородного состояния, дворянин, уздень, *Edelmann*; 2. Благородный, воспитанный, учтивый, вежливый, изысканный, изящный». Согласно Абаеву, «в феодальной Осетии *wazdan*'ы занимали среднее положение между алда-

рами-князьями, с одной стороны, и простыми крестьянами – с другой. В феодальной иерархии их положение соответствовало примерно армянским *aznvak'an*, грузинским *aznauri*, кабардинским *work*. После монгольских нашествий с их катастрофическими последствиями для Осетии [Алании] сословные различия утратили былое значение. Но вплоть до революции в каждом из ущелий Осетии было несколько фамилий, претендовавших на звание *wazdan* и пользовавшихся известными признанными царской властью привилегиями» (*Абаев* 1989, с. 103).

Внесем небольшую поправку в данную трактовку социального термина: к позднему средневековью он приобрел иные оттенки, нежели в аланский период. Во всяком случае, он не применялся в отношении феодалов т.н. «аристократических обществ», а, с другой стороны – *уазданлагами* в отдельных случаях именовали представителей крестьянской верхушки. В целом же, следует отметить, что социальная терминология, применяемая к высшим сословиям у алан-осетин, возникла в разное время.

[3] Основную массу крестьян Осетии составляли *фарсаглаги* – некогда свободные общинники, они в XVIII в. не были социально однородной категорией и разделялись на несколько групп.

Первую, малочисленную группу фарсаглагов составляли зажиточные крестьяне, обладавшие обширным хозяйством. Земельная собственность фарсаглагов Кусовых, Козровых, Дзгоевых, Бугуловых, Томаевых и др. не уступала по своим размерам владениям иных алдаров. Бугуловы, например, имели пахотные, сенокосные и пастбищные земли в Хилаке, Верхнем и Нижнем Кора, «а также усадьбы в весьма хорошем качестве» (*ЦГА РСО-А*, ф. 262, оп. 1, д. 2, лл. 166-166 об.). Фидаровы и Кусовы жили в горном ауле Саниба, пользовались землями наравне с алдарами Есеновыми и Алдатовыми, «никто из этих фамилий один к другому не имеет никаких преимуществ».

Вторую группу фарсаглагов составляли крестьяне, не имевшие собственных наделов и «сидевших» на земле знати. Согласно адатам, во время сева, жатвы и покоса кормов для скота по одному фарсаглагу с каждого двора «на хозяйском корму» должны были отработать на земле алдара по одному дню; во время

праздника доставляли съестного и бузу. В течение года фарсаглаг платил феодалу: весной ягненка, осенью барана, овечий сыр, 10 фунтов масла или четверть пшеницы мешок хлеба, в случае убоя скота – часть туши. За разрешение селиться в своем ауле алдары брали по корове со двора (*Леонтович* 1883, сс. 13, 16).

Единицей обложения был двор. Феодалы именно на двор распределяли повинности. Не учитывалось количество рабочих рук в крестьянских дворах, обеспеченность инвентарем и скотом. Равномерное распределение ренты между дворами позволяет предположить, что земельные наделы крестьян внутри вотчины были примерно одинаковыми.

Алдар мог наказать фарсаглага, если тот по каким-либо причинам нарушал «правила» жизни в ауле феодала. В этих случаях, «а также за дурное поведение, Эльдар имел право прогнать» крестьянина «со своей земли» (*Записка* 1860, л. 4).

Большая часть фарсаглагов находилась в зависимости от тагиатов. Как известно, в средневековых обществах зависимость крестьян от крепостничества смягчалась до простого оброчного обязательства. Поэтому нет оснований считать фарсаглагов свободными общинниками только из-за того, что их зависимость не достигла крепостнических форм.

Третью и четвертую группы составляли фарсаглаги «аристократических» аулов, различавшихся по имущественному положению, способам и степени эксплуатации.

Крестьяне, имевшие свои участки, несли повинности в адатах и документах первой половины XIX в. получившие название *личных* и *случайных*. Они состояли из приношений во время праздников, например, на уразу – тушу барана, штоф браги, несколько чуреков, тарелку фасоли. На Новый год – бараний бок, кувшин пива в 18 бутылок, три пирога с сыром. В случае выдачи дочери замуж крестьянин давал феодалу быка. То же самое и при разделе хозяйства фарсаглага. «Во время смерти» кого-либо из членов семьи хозяина аула фарсаглаг обязан был давать одного барана (*ЦГА РСО-А*, ф. 291, оп. 1, д. 2, лл. 59 об.-61). Личные и случайные повинности варьировались в различных областях Осетии, но эти различия не носили принципиального характера.

Другая группа фарсаглагов «аристократических» аулов находилась в поземельной зависимости от феодалов, подвергалась большей эксплуатации и несла тяжелые, учитывая малопродуктивный характер горского хозяйства, повинности за пользование землей. В период сельскохозяйственных работ по одному фарсаглагу с каждого двора «на хозяйском корму» отрабатывали три дня. В праздники доставляли феодалу съестного и бузу. В течение года фарсаглаг платил феодалу: весной ягненка, осенью барана, овечий сыр, 10 фунтов коровьего масла или четверть пшеницы, мешок хлеба, в случае убоя скота – часть туши (*Леонтович* 1883, сс. 13, 16). Эта группа фарсаглагов несла также личные и случайные повинности.

По юридическому положению к фарсаглагам последних двух категорий были близки адамихаты – основная масса крестьянства Дигории. «Подобно нашим крестьянам в эпоху, предшествовавшую отмене знаменитого Юрьева дня, писал М.М. Ковалевский, фарсаглаги пользовались правом перехода от одного узденя к другому. Существенным ограничением этой свободы переселения является то обстоятельство, что при оставлении прежнего места жительства недвижимая собственность фарсаглага оставалась хозяину аула» (*Ковалевский* 1886. Т. 1, сс. 39-40).

[4] «Кавдасард» – человек низшего сословия, рожденный от побочной жены «номылус». Буквально термин переводится «рожденный в яслях», т.е. в хлеву. Т. А. Гуриев (1970, с. 29) переводит как «рожденный в хлеву на лежке скота» от монг. «лежка скота». Наименование основано на реалиях: номылус обычно рожала в хлеву. Аналогичное значение имел термин «кумаяг» (*Абаев* 1958, с. 591; 1973, с. 189).

Происхождение кавдасардов отражено в различных вариантах генеалогических преданий. По версии родословной алдаров, записанной Норденстренгом, Тага «привел…. с собою несколько дворовых людей [кавдасардов]» (*Леонтович* 1883, с. 9), от которых, будто бы, впоследствии образовалось сословие. Данный фольклорный сюжет Норденстренг включил в статью 6 адатов восточных осетин: «Кавдасарды происходят от слуг, привезенных узданьлагами при переселении в Тагаурское ущелье, и от дочерей

фарсаглагов в таком случае, когда узданьлаг купит у фарсаглага дочь его не в жены, а в работницы. Тогда дети, рожденные ею, будут кавдасарды, принадлежащие узданьлагу, хозяину их матери» (*там же*).

Как видно, в статье переплелись элементы фольклора и действительности. Первое утверждение заимствовано из алдарской родословной, второе основано на реальной практике. Такое смешение удивительно, ибо современникам Норденстренга был известен механизм возникновения рассматриваемой категории крестьян. Например, А. Щегрен писал по этому поводу: «Всякая жена неравного происхождения есть уже работница», а дети от такого брака «называются кавдасардами, они составляют целое особое племя» (*Щегрен* 1846. № 27).

Сами кавдасарды в прошениях в сословные комитеты неоднократно указывали на источник своего происхождения. 25 апреля 1845 г. поверенные «от кавдасардского общества 500 дворов» писали: «имели у себя в замужестве вторых жен из фарсаган дочерей и рожденные от них дети называются тоже по обычаям, существующим у горцев, кавдасардами» (*ЦГА РСО-А* ф. 233, оп. 1, д. 3, л. 11). Такая же информация содержится в прошении «поверенных кавдасардов», полученном 8 октября 1850 г. наследником российского престола Александром (*там же*, д. 5, лл. 58-58 об.).

Вопрос о времени возникновения института именных жен не имеет единого решения среди кавказоведов. Ф.И. Леонтович при помощи анализа происхождения и эволюции этой категории населения Осетии пытался объяснить происхождение детей боярских древней Руси. Но еще в дореволюционной историографии (*Ковалевский* 1885, с. 332) была показана несостоятельность такого решения. М.М. Ковалевский (1886, т. 1, с. 232) усматривал в нем следы полигамии. По мнению Штедера, кавдасарды были некогда свободны от «всяких платежей и ничего не платили, за исключением добровольных подарков, пользуясь многими привилегиями». Они, якобы, значились «солдатами» высших сословий, по первому требованию являлись вооруженными и взыскивали штрафы с населения, часть которых доставалась им (*Steder* 1797. S. 99). Чиновники сословно-поземельных комитетов считали, что

«в прежние времена кавдасарды были телохранителями Эльдар, и в военное время свято исполняли волю его, а за ослушание подвергались строжайшему взысканию и даже могли быть лишены жизни» (*Записка* 1860, л. 4 об.). Менее категоричен Н. Ф. Дубровин, считавший первоначальное состояние кавдасардов похожим на положение свободного, но бедного человека, покровительствуемого богатым и сильным родственником (*Дубровин* 1871, с. 357). К. Д. Кулов и З. Д. Гаглойти полагали, что институт номылус появился в период парного брака, затем трансформировался в феодальном обществе и стал одной из форм эксплуатации крестьян (*Кулов* 1935, сс. 3-32; *Гаглойти* 1974, с. 44). Автор данной работы разделяет точку зрения Б. В. Скитского и вслед за ним корни института ищет в раннеклассовом обществе (*Скитский* 1933, с. 11; *Гутнов* 1993, сс. 173-176).

Многоженство практиковалось в среде знати еще в период военной демократии. Это было одним из отличий аристократов от прочих соплеменников (*История*… 1985, с. 117). На многоженство аланской знати в начале X в. обратил внимание архиепископ Алании Петр. В письмах к нему патриарх Византии Николай Мистик неоднократно просил Петра «допускать послабление в отношении страны и людей уже издавна живущих в таких браках» (*Кулаковский* 1898, с. 5).

Существование кавдасардов в средневековой Осетии нашло отражение в нартовском эпосе (*Памятники*… вып. III, с. 24; *Ванети* 1935, сс. 212-213; *Дюмезиль* 1976, с. 95). Об этом же свидетельствуют археологические материалы феодальной Алании. Анализ данных X-XIII вв. позволил В. А. Кузнецову высказать предположение, что незаконнорожденные дети «лишались права захоронения на родовой земле, как не принадлежащие к данному роду» (*Кузнецов* 1971, с. 288). Феодальному периоду присущи преграды, воздвигаемые против признания наследственных прав детей, рожденных от браков с женщинами из низших сословий. Демографическое регулирование, при всех национальных различиях в его механизме, способствовало поддержанию соответствия между потребностями феодалов и возможностями для их удовлетворения (*Гутнов* 1987, сс. 78-79).

[5] На низшей ступени сословной лестницы в осетинских обществах стояли рабы, обычно именуемые *цагъайраг* или *уацайраг*. По мнению А. Р. Чочиева (1985, сс. 225-226), термин цагъайраг обозначал «живое орудие труда», а в понятии уацайраг «отразилось изначальное предназначение пленных именно для жертвоприношения военным идолам, а затем и единому универсальному богу военной идеологии Уас». В данном случае рабы рассматриваются как непосредственные производители, подразумевается немалая их роль в создании материальных благ. Однако исследования показали, что у алан, как и в любом экстенсивном скотоводческом хозяйстве, рабство не было и не могло быть основой производства, не играло важной роли в процессе классообразования (*Хазанов* 1976, сс. 249-279; *Полянский* 1979, сс. 23-39).

И позднее труд рабов не получил в Осетии широкого распространения. В.И. Абаев приводит иную, нежели А.Р. Чочиев, этимологию уацайраг. Это название раба произошло от среднеиранского *vacar* «торговля», а это указывает на то, что «пленные, они же рабы, служили не столько для хозяйственного использования, сколько как предмет продажи на сторону» (*Абаев* 1949, с. 64). В рассматриваемый период рабы оставались одним из наиболее ценных товаров. Так, в марте 1784 г. баделят Айдарук Кубатиев захватил в плен алагирца Каниза Джабаева. Родственники последнего в качестве выкупа отдавали мальчика-раба. Кубатиев посчитал такую цену незначительной и затребовал еще 9 быков (*ЦГАДА*, ф. Госархив, д. 13, ч. 6, л. 294).

Родственникам не всегда удавалось выкупить пленников. Феодалы предпочитали продавать живой товар на сторону. В 1773 г. жители куртатинской «деревни Чимит» жаловались, что князя Таусултанова «уздень Слангерей Муртазов» не менее ста куртатинцев «в полон взял и продал в Крым». Старшина аула Мизур Самур Сохиев сообщал, что тот же Муртазов алагирцев «не допускает в Моздок и на дороге» их «ловит и продает магометанам» (*АВПР*, ф. Осетинские дела, оп. 128, д. 1, л. 1352). В 1817 г. уроженец селения Даргавс 15-летний Шехабан Ермазанов был захвачен горцами. Три года он провел в ауле чеченцев, затем его «продали соседним с ними народам, от коих он перешел после к

киргизам и, наконец, к татарам и китайцам» (*НА СОИГСИ*, ф. 1, д. 35, л. 192).

Внутренняя работорговля в XVIII – начале XIX вв. велась, главным образом, на *Ясырь-базаре* в Кизляре. Горцы меняли своих пленников на хлеб, порох, соль, железо, нередко пленники продавались за деньги. Минимальная стоимость раба на рынке равнялась 30 руб. (*К*. 1929, с. 39). Невольничий рынок существовал и на территории Осетии – у Татартупа.

В Анапе, Кадосе, Изгуаре, Сухум-кале, Поти и Батуми рабов продавали скупщикам из Турции, Египта, ливантских портов. В конце XVIII в. из черноморских гаваней ежегодно вывозилось до 12 тысяч рабов из числа горцев (*Блиев* 1970, сс. 28-29). Цены на рабов были довольно высокими. «За мальчика платили 100, а при особой красоте 300-500 руб.»; за взрослого мужчину – 200 руб.; красивые девушки стоили до 5000 руб. (*Рклицкий* 1926, с. 175).

Архивные материалы свидетельствуют о каналах приобретения феодалами рабов. Основными были плен и покупка. Например, кистинец Мургуш Магометов продал Таусултану Бадову мальчика за 150 руб. серебром (*НА СОИГСИ*, ф. 1, д. 44, л. 2). Магометов сам купил его у гамаевца Джилберта Дзакоева, «который при опросе показал, что мальчика он вместе с акинцем аула Накир Курукко Фарниевым увез в плен от непокорных гантийцев, как военную добычу, что прежде делалось между горцами» (*там же*, д. 43, л. 71).

Интересно дело об освобождении холопки Казбековой. Суть дела заключалась в следующем: у Казбекова джераховец Эльжуруко Цуров украл холопку Киракиз. В 1835 г. при посредничестве прапорщика Тезиева ее продали жителю Дигорского общества Касполату Башилаеву. Казбеков, узнав об этом, обратился в суд, который приказал Башилаеву вернуть холопку первоначальному хозяину. Башилаеву не с кого было спросить 210 руб., уплаченных в свое время за Киракиз, т.к. Тезиев умер к этому времени, а Цуров убит на дуэли в 1840 г. (*там же*, д. 195, л. 56).

Еще одним каналом в рабство была продажа крестьянами своих родных. В 1849 г. куртатинец Тотик Гусов продал «как холопку» свою невесту из Джавы алдару Беслану Тулатову за 200 руб.,

а тот «впоследствии выдал ее замуж за своего холопа» (*там же*, д. 43, л. 9). Другой документ повествует о том, как Кургок Дзукаев в 1833 г. продал свою сестру Фердаус в служанки кабардинскому узденю Шанибову за 300 руб. серебром. Тот перепродал ее Измаилу Кучукову. У холопки «родилось два сына и дочь, и от дочери родилось два сына». Генерал-майор князь Орбелиани, пристав горских народов, «видя незаконное рабствование Фердаус», приказал освободить ее с маленьким сыном, «а остальным детям дать свободу за выкуп брата ее Кургока Дзукаева». Кучуков запросил с последнего ни много ни мало 950 руб. серебром (*там же*, лл. 26-27).

Вопрос о роли рабов в хозяйстве горцев не имеет единого решения среди кавказоведов. Кокиев выдвинул тезис о том, что рабы-унауты у адыгов в конце XVIII в. составляли «основной объект *феодальной* эксплуатации». По мнению З. В. Анчабадзе и А. И. Робакидзе, аналогичное положение имело место и у других народов Северного Кавказа (*Анчабадзе, Робакидзе* 1973, с. 119; *Робакидзе* 1978, с. 22). Материалы, имеющиеся в нашем распоряжении, не позволяют согласиться с таким суждением. Труд рабов не получил в Осетии широкого распространения. В хозяйстве осетин не было условий для широкого применения рабского труда; в 1867 г., когда последовало освобождение рабов, их было едва более 600.

[6] По нормам обычного права, «фарсалаки, кавдасарды и кумаяки не могли ни за какие отличия получать право на возвышение своего происхождения, т.е. на переход из одного класса в другой» (*Записка* 1860, лл. 4 об.-5).

[7] Интересен вопрос о значении отдельных феодалов в жизни общества. Формально, по нормам обычного права, 9 из 11 фамилий алдаров были равны между собой, т.к. происходили от одного предка (*Леонтович* 1883, сс. 9, 15). Однако в реальной жизни они отличались по ряду факторов, наиболее важным из которых являлась степень участия в жизни Тагаурского общества, как внутри, так и за его пределами.

Критериями для определения различий в положении алдаров служили размер хозяйства и число зависимых крестьян. Если су-

дить по этим признакам, то самой крупной фамилией среди тагаурских алдаров следует считать Дударовых. Им принадлежало все пространство от Балты до Чми. Этими землями они владели «в то время, когда Грузия еще не была присоединена под скипетр России» (*ЦГА РСО*-А, ф. 224, оп. 1, д. 1, лл. 118-118 об.). Владения Дударовых еще более возросли в первой трети XIX в. – 11 аулов составляли их собственность. Несколько сот зависимых крестьян проживало на их земле. Только в деревне Иналово, принадлежавшей наследникам Инала Дударова, в середине XIX в. проживало 67 дворов фарсаглагов (*там же*, д. 5, л. 18 об.). Для сравнения приведем статистические сведения, почерпнутые из рапорта Ивелича графу Гудовичу от 28 ноября 1806 г. о количестве зависимых крестьян у других алдаров. У всей фамилии Шанаевых подданных насчитывалось 140 дворов, у Кануковых – 90, у Тугановых – 80, Кундуховых – 60 (*АКАК* 1869, т. III, с. 213). Выборочные данные середины XIX в. приведены в таблице.

Название аула	Фамилия алдара	Количество зависимых крестьян					
		фарсаглагов		кавдасардов		всего	
		дворов;	д.м.п.	дворов;	д.м.п.	дворов;	д.м.п.
Есеново	М. Есенов К. Кундухов	11	38	11	42	22	80
Какадур	Э. Мамсуров	9	43	1	4	10	47
Битаево	Ж. Кануков	8	27	4	18	12	45
Кобань	О., Аслан и Аслам Тулатовы	27	100	26	98	53	198
Гизельские (5 аулов)	Кануковы, Кундуховы, Мамсуровы Алдатовы	103	?	41	?	144	?

Фамилия Дударовых пользовалась большим влиянием за пределами общества. В 1771 г. один из них «князь Ахмет доставил грузинскому царю Ираклию несколько сот взятых на службу осетин» (*ОГРИП*, с. 73). В начале XIX в. Д. Буцковский писал, что «состояние терских [Дударовых – Ф. Г.] гораздо превосходнее кобанцев, поелико имеет случай продавать

за весьма высокие цены всякие съестные избытки, подряжаясь также к перевозке через занимаемый ими участок… транспортов» (*ЦГВИА*, ф. 414, д. 300, л. 70 об.). По свидетельству очевидцев, Дударовы во второй половине XVIII в. с проезжающих в Грузию и из Грузии торговцев получали пошлину большую, чем другие алдары: сначала купцы платили всем уазданлагам, принимавшим участие в эксплуатации Военно-грузинской дороги, а затем отдельно – Дударовым (*там же*). А. Андреев Дударовых считал «полными господами движения, шедшего вдоль Терека… В силу этого никто не мог пройти без их ведома, и каждый платил за право прохода все, что они требовали» (*Андреев* 1891, с. 24). Ежегодно доход пошлин, по заявлению Дударовых, «простирался до 30 т. руб. сер.» (*ЦГА РСО-А*, ф. 224, д. 1, л. 121 об.).

В начале XIX в. по договору с царскими властями на Кавказе доходы от эксплуатации Военно-грузинской дороги между алдарами делились поровну. Дударовы не мирились с таковым положением и предпринимали попытки захватить сбор пошлин в свои руки. В начале 1809 г. на дороге начались беспорядки. Причиной выступления феодалов был захват Дударовыми сбора пошлин с купцов. Алдары в жалобе графу Ивеличу требовали восстановить их права на эксплуатацию пути из России в Закавказье. В случае удовлетворения требования они обещали прекратить беспорядки. Власти поспешили вмешаться в дело и конфликт был исчерпан (*АКАК* 1869, т. III, сс. 221-222).

Таким образом, значение каждого феодала определялось размерами его хозяйства и числом зависимых. Чем больше у феодала было крестьян, чем обширнее владения, тем больше было его влияние и выше авторитет среди соседних владельцев.

[8] Имеются ввиду исторические и генеалогические предания. Под преданием понимается устный, имеющий установку на достоверность, прозаический рассказ, основное содержание которого составляет описание реальных или вполне возможных фактов. Сведения, сообщаемые им, представляли интерес для той общественной среды, в которой оно бытовало (см.: *Толстова* 1983, сс. 7-8).

[9] «Родоначальником народа» [алан] в приводимой Норденстренгом родословной алдаров, Тагаур назван ошибочно. Тем более, что уже в следующем абзаце *народ* этот назван конкретно: «Ироны» (*Леонтович* 1883, с. 9).

Знакомство древних армян и алан относится к началу н.э. Память об этом сохранили ранние древнеармянские и древнегрузинские авторы, археологические и фольклорные памятники.

Имя крупного аланского военного вождя, Баракад (от осетин. *баркад* «изобилие»), причастного к событиям начала н.э., неоднократно упоминается в древнеармянских памятниках V в.: «Житии Воскянов», «Житии Сукиасянов», «Истории Армении» Мовсеса Хоренаци. В названных источниках повествуется об успешном походе алан в Армению. На обратном пути из-за беспечности алан их царевич был захвачен и приведен к Арташесу. Попытки царя алан освободить сына из плена не увенчались успехом. В конфликт вмешалась царевна *Сатиник* и дело закончилось освобождением ее брата, а сама она вышла замуж за царя Арташеса.

Прибывшие в свадебном поезде Сатиник аланы во главе с Баракадом относились к высшим слоям знати. «Это были мужи видные и представительные, царского рода и главные среди дворцовых и военных чинов при дворе царя алан». Баракад изображен как аланский сановник, на родине бывший одним из «главных военных чинов», «вторым по престолу, соцарствующим царем». И «Жития» и Хоренаци единодушно относят Баракада и Сатиник к «царскому роду» алан. Мовсес Хоренаци приписывает Сатиник слова о том, что ее родственники являлись «потомками богов», а таковыми могли считаться только представители правящей династии (*Гутнов* 2011, сс. 33-34, 39-40, 44-49, 51-53).

[10] Средневековье знает немало примеров из истории алано-армянских отношений, когда элита народов приходила на помощь друг-другу. Так, еще в начале н.э. армяне вмешались в междоусобную войну за пост главы алан Владикавказской равнины.

Вскоре после свадьбы аланской «царевны» из рода Аравельянов и царя Армении, умер отец Сатиник и править должен был ее старший брат. Но трон захватил его противник. Арташес послал полководца Смбата «с войском на землю Аланов на помощь

брату Сатиник… Смбат опустошил землю его врагов, которых в большом множестве отвел в Арташет». Царь приказал поселить пленных в юго-восточной стороне Масиса, дав этой местности «название Артаза; потому что земля, откуда переведены пленные, до сего времени называется Артазом» (*Моисей Хоренский* 1858, с. 124).

Данный сюжет свидетельствует не о внутриплеменной борьбе за лидерство, а о межплеменных столкновениях в конфедерации алан. Противники Аравельянов «завладели *их землею*». Смбат, придя на помощь брату Сатиник, «опустошил *землю его врагов*». Следовательно, здесь речь идет о двух независимых обществах, причем, одно из них Мовсес Хоренаци локализовал конкретно: «земля, откуда переведены пленные, до сего времени называется Артазом». Армянские авторы со времен Хоренаци Артаз/Ардоз считали исконной территорией аланских племен Северного Кавказа. Этимологическое значение Ардоз – «поляна», «равнина». В. Ф. Миллер местность Ардоз отождествлял с Владикавказской равниной (*Миллер* 1887, сс. 109-116). Согласно уточнению А. В. Гадло, «Ардоз Кавказских гор – это весь район низменности, орошаемый Тереком до его поворота на северо-восток ниже впадения р. Сунжи» (*Гадло* 1979, сс. 164-165).

[11] Анализируя свою родословную, Б. З. Тулатов обратился к генеалогическим преданиям. Новые факты он искал в истории Армении. «В смутное для нее время – IX-XII столетиях», писал Тулатов, «очень может быть, что… кто-нибудь из потомков князей Багратунов удалился из Армении, пришел в Осетию и сказал, что он ‘князь и Тагадир’, а осетины слово это изменили по-своему в *тагадур*. Что же касается до слова *алдар*, то по-осетински это означает *князь*, каковое значение сохранилось между осетинами и поныне» (*Тулатов* 1899. № 63; *ППКОО*. 1989. Вып. IV, сс. 323-324).

[12] Социальное устройство средневековых осетин имело ту же специфическую черту, что и практически весь Северный Кавказ: Осетия представляла собой не единое централизованное государство, а т.н. «аристократические» и «демократические» общества. Эти группы обществ, в свою очередь, состояли из автономных со-

циумов. В «аристократических» обществах феодальные порядки были более развиты. В других феодальный уклад либо сосуществовал с элементами раннеклассовых обществ и сильным влиянием позднепотестарных традиций, либо отсутствовал вовсе.

Ю. Клапрот в дневнике экспедиции по Кавказу в 1807-1808 гг. писал: селение у осетин называется *кау/gaw*. В.И. Абаев вслед за В.Ф. Миллером сближал его с древнеинд. *gavya* «пастбище»; у кочевников обозначал «временное становище, а в оседлом – небольшое поселение» (*Абаев* 1949, с. 65). Каждое из них «обычно подчинено одному или двум старейшинам, называемым *эльдар*. Эти последние стараются разрешать раздоры среди жителей и поддерживают довольно хороший порядок, потому что их вообще уважают; однако жители не платят им никаких податей. Они почти всегда находятся во главе разбойничьих наездов, и от их влияния многое зависит» (*ОГРИП*, с. 169).

Четверть века спустя И. Бларамберг повторил почти то же самое: «Образ правления у осетин может быть назван демократическим. Каждое поселение обычно подчиняется одному или двум старейшинам, которые именуются *эльдар*. Эти вожди [главы] стараются разбирать разногласия жителей и поддерживать, насколько это возможно, порядок: они, как правило, пользуются очень большим уважением, но оно им никогда не дает за это никакого денежного вознаграждения. Почти всегда они стоят во главе разбойничьих набегов и пользуются очень большим влиянием, тем более, что эти эльдары обычно происходят из самой богатой и влиятельной семьи в поселении» (*Бларамберг* 2005, с. 262).

[13] Как уже отмечалось, название средневекового общества восточных осетин – *Тагаурское* – берет начало в титуле феодальной знати. Тагаурия включала в себя аулы Даргавского, Кобанского и Дарьяльского ущелий, левобережья Терека, а также ряд селений на Владикавказской равнине. Территориальное ядро общества составляли владения *алдаров*.

Ниже приводятся общие сведения о наиболее важных населенных пунктах средневекового Тагаурского общества [использовались данные из следующих работ: *Пфаф* 1871; *Уварова* 1904, с. 141; *Цагаева* 1975. Ч. II, сс. 51-59, 495-496; *ПП КОО*/Сост.*Л. А.*

Чибиров. Цхинвали, Владикавказ, 1981-2006. Кн. I-VI; *Гутнов* 2004, сс. 33-63, 96-111].

Балта – буквально: *топор*, *роща*. Правда, специалисты по каким-то причинам недооценивают осетинский вариант топонима: *бал* «вишня» + *та* показатель мн. числа. В ногайском и балкарском языках балта означает «топор», а в турецком – еще и «девственный лес».

А.Дз. Цагаева считает, что объяснение топониму следует искать в тюркском языке и связывает его с понятиями «лес», «роща».

Даргавс – самое большое селение одноименного ущелья. У восточных окраин располагается знаменитый склеповый памятник – «Город мертвых». Рядом с аулом на противоположном берегу реки относительно недавно обнаружен и активно исследуется аланский могильник, судя по первым находкам – второй половины I-го тысячелетия н.э.

Этимология топонима однозначно еще не определена. В.Б. Пфаф возводил его к древнему *Тархонитис* – «город, где был суд», «судебный город». Графиня П. С. Уварова (1904, с. 141) рассматриваемый топоним объясняла из осетинского *дуаргас* «привратник», «привратник и защитник ущелья», а Б. А. Алборов – из скифского *darg* + *war/avz* «длинная запруда», «водоем». Т.А. Гуриев название аула объясняет из монгольского *даргъа* «повелитель», «предводитель», «вождь» + *авс* «склеп, гроб, место погребения», «гробница повелителя, предводителя».

Джызал/Гизель – в начале XIX в. здесь находились относительно небольшие поселения алдаров Мамсуровых, Кануковых, Кундуховых, Дзантиевых и Алдатовых.

Название Гизель восходит к тюркскому *kizil* «красный». По историческому преданию, на месте, где расположено современное село Гизель, некогда произошла кровопролитная битва между аланами и войсками Тимура. Сражение было настолько жестоким, что вода в реке стала красной от крови. Отсюда и название селения и реки Гизель.

Джимара – высокогорный аул к северо-западу от Даргавса. Его название специалисты относят к наиболее древним топонимам на территории Северной Осетии и связывают его с древне-

иранским племенем киммерийцев. Б.А. Алборов считал, что в названии Джимара [селение, гора, ледник, река] «отражено название тех киммерийцев, которые жили на юге и назывались в осетинских нартовских сказаниях гъумирыта».

Ламардон – в стойкой народной традиции это название возводится к *ламарга дон* «сцеживаемая вода».

Ларс – самый крайний населенный пункт в Дарьяльском ущелье, входящий в состав Северной Осетии. В средние века принадлежал алдарам Дударовым.

Редант – селение на южных окраинах г. Владикавказа. Название происходит от русского «редут». До революции принадлежало алдарам Дударовым.

Хынцаг – развалины селений в Даргавском ущелье недалеко от верхней границы водопада Прут. В осетинском *хынцаг* «угощающий обильно», «хлебосольный».

Хъахъхъадур – буквально: «Наблюдательный камень». По преданию, на мести расположения аула некогда шумел сосновый лес. Трое алагирских охотников в этом лесу «убили оленя, уселись на огромном валуне, откуда просматривалась вся местность. Она им пришлась по душе, и охотники решили переселиться сюда. В это время над ними, пролетела ворона. Один из охотников сказал, мол, ворона произносит *хъахъхъа* ‘охраняй’, ‘стереги’. Отсюда, говорят, и название».

По другой версии, селение было названо первым жителем аула, который, положив свою котомку на камень, «приказал» ему: «охраняй, камень, мою вещь», т.к. «не к кому было больше обратиться».

Хъобан – селение в одноименном ущелье. Бытует гипотеза, что топоним восходит к названию племени *куманов*.

[14] Феодальная собственность у осетин четко прослеживается по материалам XVIII – середины XIX в. Особенно интересные сведения сообщают Штедер и Клапрот. Первый описывает Тагаурию, как область по рекам Кизил [Гизель] и Генал. В 16 верстах от истоков Генала расположился аул Кобань, где путешественника хорошо принял «и проводил далеко с проводниками и охраной» старшина аула Суров-Илик. На правом берегу реки находился

аул *Дергипш* [Даргавс] – «местечко большое и имеет по большей части каменные жилища, между которыми на восточной стороне поднимается укрепленный замок старшины Каншава» (*ОГРИП*, сс. 43-44).

Более важными являются сведения Ю. Клапрота. т.к. он конкретно указал владения тагаурских феодалов. На правом берегу р. Генал, у ее истоков, лежали аулы Нижний Саниба, принадлежавший фамилии Кундуховых, и аул Есеновых – Верхний Саниба. На левом берегу рядом располагались три аула: «Рибанкак-Туманекау, или Верхнее селение фамилии Туманате; Индаг-Туманекау, или Нижнее селение фамилии Туманате»; Кани – владение Шанаевых. По берегам р. Кизил находились аулы феодалов Кануковых – «Цизил Кобан, или Маленький Кобан», Мамсуровых совместно с Кануковыми – Даргавс, защищенный башнями. В горах, в пяти верстах от слияния Кизила и Генала «расположены селения Истир Кобан или Большой Кобан, принадлежавшие» Аликовым, Бета и Мирзабеку Тулатовым. На левом берегу разбросаны аулы Дударовых – Балта, Чми, Ларс (*Klaprot* 1814. Bd. II. SS. 344-348). На перечисленные владения тагаурских алдаров указал также П. Г. Бутков (*ЦГВИА*, ф. 414, д. 192, лл. 188-188 об.).

[15] По документам XVI-XVII вв. известен Ларсов кабак. В XVIII в. источники говорят о Ларсе как об осетинском ауле. В материалах конца XVI в. он относится к владениям крупного феодала, контролировавшего Дарьяльский проход. По собранным чиновниками сословного комитета сведениям «предок Дударовых… перешел на жительство к Тагаурцам назад тому лет 300; первоначально он занял Ларсскую землю, никому не принадлежавшую, потом, с умножением народонаселения, потомки его заняли Чмийскую землю, и наконец, постепенно, Балтинскую и Редантскую (*Записка* 1860, л. 3).

В 1589 г. через Ларсов кабак в Грузию прошли московские послы Р. Биркин и П. Пивов. Владелец Ларса Салтан-мирза присягнул на верность русскому царю, а послам дал провожатых из своих людей. Позже членам другого посольства, С. Звенигородскому и Т. Антонову, он заявил: «Хочу государю служить по

свою смерть». В ответ Салтан рассчитывал на военную помощь. И послы обещали ему: «государевы воеводы по государеву указу учнут тебе на твоих недругов рать давати с вогненным боем» (*Исаева* 1981, сс. 16-17).

Во всех выявленных документах позднего средневековья Дударовы проходят как сильная и влиятельная фамилия не только Тагаурского общества или Осетии в целом, но и всего Центрального Кавказа. Они «пользовались особенным уважением, как народным, так и соседних владетелей». В рапорте от 18 декабря 1846 г. начальника Центра Кавказской линии полковника Хлюпина начальнику Владикавказского округа генерал-майору Нестерову подчеркнуто: «Тагаурские фамилии действительно пользовались особенным уважением как народным, так и соседних владетелей». Дударовы, например, хранили «весьма внимательные письма, полученные ихними предками от Грузинских царей; по занятии нашими войсками края большая часть Тагаурских старшин были сделаны офицерами, а один из Дударовых, отец Кази Магомета Дударова, прямо майором» (*ЦГА РСО-А*, ф. 233, оп. 1, д. 4, лл. 19-19 об.).

На рубеже XVIII-XIX вв. весьма известной и популярной личностью был Девлет-Мирза Дударов. Он «имел обыкновение» грабить караваны на Военно-грузинской дороге и «делить награбленное с комендантом Владикавказа графом Ивеличем», за что последний «смотрел сквозь пальцы» на его «шалости» (*Баев* 1869. № 8).

Даже по прошествии многих лет, «слава» Девлет-Мирзы не поблекла. «Селение Балта, – писал путешественник Гамба, – принадлежит одному из князей дома Дондаровых [Дударовых – Ф. Г.]. Их отец был знаменит среди горцев своими разбойничьими набегами и жестокостью».

Еще до присоединения Осетии к России Дударовы пользовались расположением самых влиятельных особ империи. Так, 10 февраля 1771 г. императрица Екатерина II дала «старшине деревни Чми Баграту Дударову охранную грамоту», согласно которой он, его родственники и подвластные могли совершать поездки в Россию и обратно «без всякого задержания, и никаких обид и на-

логов». Охранную грамоту от Павла Потемкина в 1783 г. получил Петр Дударов.

Дударовы издавна служили в российской армии. В 1782 г. на военную службу поступили братья Дударовы. Они приняли православную веру, а их крестным отцом стал генерал Павел Сергеевич Потемкин. В 1811 г. в кавказском эскадроне Дворянского полка служили Магомет и Крым-Султан Дударовы. В 1815 г. еще один представитель фамилии, Инал, получил «от Российского правительства золотую медаль на Георгиевской ленте за оказанную им храбрость». Тогда же поручиком был один из самых влиятельных осетинских феодалов – Девлет-Мирза Дударов, получавший «в год от казны 300 рублей серебром пенсиона».

Полновесные очерки о всех осетинских генералах содержатся в интересных исследованиях Г. Т. Дзагуровой (*Дзагурова* 1992, 1995, 2003). В блистательной плеяде замечательных представителей Дударовых особое место, как подчеркивает Дзагурова, занимает Крымсултан. Родился в 1825 г., воспитывался во втором кадетском корпусе; детство и юность провел в престижных военных учебных заведениях. Успешно закончив кадетский корпус, он в мае 1841 г. произведен в корнеты и в возрасте 16-ти лет прикомандирован к Волжскому казачьему полку. Дальнейшая военная служба проходила в сложной обстановке Кавказской войны. 1 июня 1846 г. Крымсултан произведен в поручики. Его смелость, находчивость и бесстрашие неоднократно отмечались командованием, военным министром и лично императором. В 1850 г. он награжден орденом Святой Анны III-ей степени, в следующем году произведен в штаб-ротмистры, а в 1852 г. переведен в штаб Отдельного Кавказского корпуса. В 1853 г. К. Дударов переведен во Владикавказский военный округ, а уже в мае того же года назначен начальником всех постов на Военно-Грузинской дороге. За отличное несение службы в сентябре 1854 г. он произведен в ротмистры, а в мае 1857 г. – в майоры и награжден орденом Станислава II-ой степени. Позднее назначен депутатом в народный суд Осетинского округа.

Не менее важной представляется деятельность К. Дударова в сугубо гражданских делах: усилиях по проведению земельной и

крестьянской реформ в родном крае. На личном примере он показывал, как в условиях новых аграрных отношений можно успешно развивать сельское хозяйство на капиталистической основе. Людей новой формации в Осетии было немало. На эту часть населения Владикавказского округа обратил внимание начальник Терской области, который в 1864 г. не без удовольствия доносил высшему начальству: «В Осетии объявились такие люди, которые осознали, что развитие благосостояния основано на усилении производительности главного источника богатства – земли. Таких людей надо отмечать, поддерживать, поощрять». К таким людям относился и Крымсултан Дударов. Еще в 1860 г. он писал начальнику области: «я предпочитаю вести хозяйство по капиталистически…, подвергаю осмеянию тех наших твердолобых алдаров, которые остаются верными своей праздной ленности… Для себя же считаю непростительным, если какой-либо участок земли, хоть самый крохотный, мне принадлежащий, остается без употребления с пользою для себя».

Генерал Магомет Дударов (1823-1893 гг.), родился в многодетной семье Инала. Еще в детские годы Магомет выделялся среди 14 [!] сыновей Инала своей незаурядностью и разносторонними способностями. Тогда же проявилась его склонность к воинской службе, что и определило жизненный путь Магомета. Образование он получил в Константиновском военном училище. В 18 лет за отличие по службе его произвели в корнеты и прикомандировали к Горскому казачьему полку.

В аттестационной характеристике отмечены другие качества Магомета: «Храбрости блистательной, поведения и бескорыстия примерного». За первые годы службы М. Дударов получил немало наград и новых чинов. В 1850 г. его переводят в Петербург в штаб начальника военных учебных заведений, в подчинении которого находились все военные академии, училища, кадетские корпуса и офицерские школы. Здесь Магомет вновь проявил себя с лучшей стороны и в 1856 г. «высочайшим приказом» произведен в полковники. В 1861 г. Дударов стал командиром Терского конно-иррегулярного полка. В 1871 г. произведен в генерал-майоры.

В неполном списке офицеров-осетин в русской армии [1850-1917 гг.] значатся 22 представителя Дударовых, из коих – 4 генерала (*Дзагурова* 1992, 1995, 2003).

[16] Важной прерогативой феодалов был сбор пошлин с проезжающих через их владения. По свидетельству путешественников, «каждый отдельный вождь взимал большую сумму за право перехода по своей территории. Платили и другие сборы в виде одежды, материи, кожи и пр.» (*ОГРИП*, с. 199).

Астраханский губернатор Н. Бекетов в рапорте от 18 декабря 1769 г. в коллегию иностранных дел писал: «осетинцы за пропуск через мосты и их места в один конец берут с каждого человека по восьми рубах, а с возвратом сделает по 16, в рубаху же получается у них по осьми аршин каждый ценой по 6 по крайней мере и до 5 копеек» (*Гальцев* 1942, с. 90).

Другой информатор сообщает, что до устройства Военно-грузинской дороги купцы и крестьяне, везущие свои товары на рынок, находились во власти местных феодалов, у которых они испрашивали разрешения на проезд, проводников и людей для переноски товаров. «К огромным расходам приходилось, кроме того, присовокуплять подарки в виде сукна, полотна, кож, денег по выбору вождей»; это было единственной возможностью «сохранить бедным купцам хоть часть своей собственности» (*ОГРИП*, с. 213; *Красницкий* 1865, № 32).

К. Кох в дневнике своего путешествия повествует о том, что «тагаурские князья» в XVIII в. за проезд по дороге «снимали определенную дань даже с грузинского царя», а с путешественников требовали «значительные суммы» (*ОГРИП*, с. 223).

В 1799 г. тагаурские феодалы не пропустили в Грузию отряд из 60 новобранцев для армии Ираклия II. Поводом послужило то, что «те тагаурцы напредь сего от грузинских царей награждение получали, а ныне того нет. А когда де оное по-прежнему им тагаурцам давоно будет, тогда де и пропущены они черкесы быть могут» (*Гамрекели* 1968, с. 134).

Иногда пошлина «увеличивалась до размеров, которые указывались личным вдохновением» владельцев (*Лавров* 1883, с. 244). Академик И. А. Гюльденштедт, возглавлявший экспедицию

[1770-1773 гг.] по обследованию южных областей России, из-за высоких пошлин вынужден был отказаться от попытки попасть в Грузию из Дигории. Баделята требовали «в качестве пошлины… 5 рубашек или 40 локтей полотна за каждого человека» из свиты Гюльденштедта и 2 рубашки за каждую лошадь; помимо этого они хотели получить еще по 5 рубашек за каждого помощника, в которых «он нуждался бы для переноски вещей» (*ОГРИП*, с. 72).

Желающий проехать из Чми в Степанцминду [30 миль] должен был упаковать вещи и товары. «Тюки не должны превышать 200-240 фунтов»; к каждому тюку прикреплялись три человека, чтобы нести грузы попеременно и «помогать несущему при прохождении по столь ужасным и полным опасности скалам». Переноска каждого тюка оплачивалась шестью рубашками из грубого полотна длиной в 9 локтей, что «на деньги равно 4 рублям». В Чми купцу приходилось платить собравшимся там алдарам еще 6 кусков полотна в качестве мостового сбора, «во избежание опасности он должен был удовлетворить все остальные попрошайничества». Сверх этого особо платили Дударовым – 6 кусков полотна. И, наконец, на небольшой заставе по дороге в Грузию приходилось «оставлять два куска полотна» (*Reineggs* 1796. S. 33).

По замечанию Леонтия Штедера, отсутствие мостов по дороге в Грузию являлось в значительной степени выгодным для феодалов, т.к. вынуждало купцов переносить товары «с помощью людей», за каждого из них приходилось давать 4-5 рубашек, половина попадала крестьянам. Леонтий встретил моздокский караван, «который 5 дней уже как был занят переноской своих грузов через скалу» (*Steder* 1796. SS. 47-48).

Все работы, связанные с эксплуатацией дроги, выполнялись зависимыми сословиями. Я. Рейнеггс писал, что «мужчины из низших классов занимаются переноской иностранных товаров до тех пор, пока имеют для этого силы» (*Reineggs* 1796. S. 53).

С последней трети XVIII в. контроль над дорогой стал приносить феодалам еще большие выгоды. Изменилась форма оплаты за проезд в Закавказье. «Прежде сего горцы плату за мосты охотно брали холстом, а денег не разумели» – отмечал в 1770 г. капитан Языков (*Цагарели* 1891, с. 264). На это же указывал М. Чул-

ков (1785, с. 327): «там в горах, где можно хлеба доставать, никакие деньги не ходят». Однако, как писал тот же капитан Языков, «ныне же от много проходивших мимо их наших команд, начали деньги разуметь» (*Цагарели* 1891, с. 264).

По сообщению Д. Лаврова, алдары брали с проезжающих в Грузию и из Грузии торговцев «за пропуск через ущелье Тагаурское платою не менее как 10 рублей с каждого купца и 35 коп – с поселянина» (*Лавров* 1883, с. 244).

Ряд договоров осетинских феодалов с царскими властями на Кавказе регламентировал размер пошлин. В марте 1802 г. по распоряжению Кнорринга с алдарами заключили контракт «касательно дороги». Десять фамилий феодалов обязывались содержать «в совершенной исправности и прочности» 13 мостов и дорогу от Балты до Дарьяла, «включая три летних месяца, когда, вследствие сильного наводнения, мосты» разбирались. Алдары обязывались также держать на дороге караул для охраны «проезжающих от нападений хищников. За все это условлено было платить тагаурцам 525 р. в год монетою золотою или серебряной». Кроме того «содержатели дороги» с провозимых товаров могли брать пошлины, которые в начале XIX в. резко возросли. Князь Цицианов в письме императору от 22 марта 1803 г. жаловался, что пошлины с купцов и военных транспортов алдарами взимаются «по их произволу, которые иногда восходят до семидесяти рублей с человека», тогда как при графе Потемкине с пешего брали 30 коп., а с конного – 70 (*ЦГИА*, ф. 1268, д. 241, л. 9). В приказе от 26 октября 1804 г. Цицианов сообщал тагаурским старшинам, чтобы они от Ларса до Казбека, «доколе дорога новая еще не сделана», за вьючную лошадь и вьюк от 9 до 11 пудов брали по 2 рубля серебром, с человека без поклажи по 1 руб. «От Ларса до Владикавказа ту же цену полагаю» (*АКАК*. Т. II, с. 555). Но для феодалов размеры пошлин показались слишком малыми. На дороге начались грабежи и беспорядки. Местная администрация вынуждена была пересмотреть вопрос о пошлинах.

По предписанию графа Гудовича от 11 марта 1809 г. каждый купец с товаром или без него платил 10 руб. серебром, «с простолюдинов» брали 35 коп. серебром, с пеших – 20 коп. В случае

надобности транспортировки товаров от Владикавказа до Ларса феодалы высылали «до 100 лошадей с заплатою за каждый вьюк от 9 до 11 пудов до 2 руб. серебром, а за арбу по 4 руб». Для сбора пошлин доверенные от всех алдаров должны были находиться «в Казбеке и Владикавказе по крайней мере по три человека» (*там же*, с. 222).

Размер пошлин за перевозку товаров в первой трети XIX в. не отличался стабильностью. Уже в конце второго десятилетия пошлина подскочила до 25 руб. (*ОГРИП*, с. 200). В 1825 г., по свидетельству очевидцев, «во Владикавказе с каждой телеги, нагруженной товарами, и с каждого человека, занимавшегося торговлей, взимали от 10 до 35 руб.» (*там же*, с. 213).

Весьма прибыльной для феодалов была постройка и охрана мостов; за каждый построенный мост они брали значительные суммы. В августе 1769 г. «платежом холста и денег построены были осетинцами через реку Терек, по добровольному их волеизъявлению и увещеванию графа Тотлебена, шесть мостов» (*Цагарели* 1891, сс. 60-61). Как только отряд Тотлебена ушел в глубь гор, мосты разобрали. Князь Моуравов в рапорте от 12 декабря 1769 г. сообщал графу Панину, что мостов от «Чми до Анаури» [70 верст] нет (*там же*, с. 75).

При подходе следующей воинской команды мосты вновь наводили, разумеется, за деньги, а затем опять разбирали. Астраханский губернатор Н. Бекетов в конце 1769 г. доносил в коллегию иностранных дел, что несмотря на обещание тагаурцев Тотлебену «те мосты содержать в целости и случае проезжим и для проходимого войска, причем всякое вспоможение чинить… мосты сломаны, и следующий де с эскадроном порутчик Соловьев принужден был за те мосты вторительную плату производить, а как скоро переправился, то мосты те осетинцами разломаны…» (*Бирзе* 1937, с. 216).

Армейским чинам приходилось платить не только за постройку, но и за содержание мостов. В 1770 г. Дударовы и Шанаевы обязались построить на дороге 5 мостов, требуя уплаты «250 рубах из холста… или мерою 2000 аршин холста» (*Гальцев* 1942, с. 79). После того, как Шанаевы от «содержания мостов отказа-

лись», эта обязанность, а, следовательно, и доходы, целиком легли на Дударовых (*там же*, с. 96).

В летние месяцы продолжительные проливные дожди поднимали уровень воды в Тереке, «сим наводнением» разрушались мосты, портилась дорога, которая летом была «чрезмерно грязной» (*ЦГВИА*, ф. 414, д. 22, л. 2 об., 4), а путь от Балты и дальше в горы – «совершенно гибельный» (*там же*, д. 192, л. 295).

[17] В начале XIX в. многие феодалы получили на равнине значительные участки земли. В 1804 г. Мирзабек Дударов *добровольно* уступил свои земли в с. Ларс под военное укрепление (*ЦГИА*, ф. 1268, д. 241, лл. 67-67 об.). За год до этого Цицианов предложил ему землю на равнине и «некоторую сумму денег» (*там же*, лл. 8-8 об.). М. Дударов согласился оставить аул «со всем его строением, и со всею к селению тому принадлежностию, как то: земля, леса и мельницы и все то, что в границах того селения состоит». Взамен он получил пансион 350 руб. в год и землю у крепости Владикавказ» (*там же*, лл. 65-65 об.).

Султан Дударов поселился у редантского поста (*ЦГА РСО-А*, ф. 224, д. 72, л. 88). В 1810 г. Инал Дударов обосновался в 25 верстах от Владикавказа около Елизаветинского укрепления, «по правую сторону Терека и на берегу реки Камбилеевки, приняв на себя обязательство оберегать Моздокскую дорогу от Кабардинских гор с одной стороны, и до Владикавказа с другой» (*там же*, д. 5, л. 21 об.). Здесь же обосновался Таусултан Дударов. В свидетельстве, выданном ему приставом Кабарды генералом Дельпоццо, говорится, что Т. Дударов со своими подданными «имеет скотоводство и хлебопашество при Елизаветинском редуте» (*там же*, ф. 262, д. 190, л. 44). Алдаруко и Хамурза Тхостовы по приглашению коменданта Владикавказа генерал-майора Ивелича в 1808 г. переселились под крепость Владикавказ и основали там аул Осетинский (*там же*, ф. 224, д. 1, лл. 15-15 об.). В 1822 г. часть алдарских фамилий Кануковых, Кундуховых, Мамсуровых, Алдатовых и Есеновых «с кавдасардами и фарсаглагами переселились на Гизели», образовав аулы: Кануков, Асладжерикау, Мамсуров, Тегов и Зоров (*Баев* 1869. № 6, 8). Занимаемая аулами земля составляла 5929 дес. 570 сажен.

[18] В Северной и Южной Осетии широко распространены различные версии преданий об Ос-Багатаре и его потомках. Причина такой популярности коренится в особенностях генезиса предания, сложившегося на основе синтеза 1) этногенетической легенды о происхождении осетин от этнарха Оса; 2) цикла легенд и преданий о Багатаре, древнейшем из циклов о борьбе с внешними врагами; 3) рассказа о сыновьях Ос-Багатара – предания, отразившего социальную структуру Алагирского общества в послемонгольский период (*Гутнов* 1989а, сс. 35-60). Предание о потомках Багатара, хотя оно зафиксировано довольно поздно, отражает картину ранних периодов истории осетин. Персонажи предания наделены именами-символами, обозначавшими социальное положение их носителей.

К сыновьям Багатара возводят свои родословные практически все жители Уаллагира и Южной Осетии. Фамильное имя Царазонта, отмечал В.И. Абаев, возникло в домонгольскую эпоху, в период расцвета аланского государства. Именно тогда у его правителей возникла необходимость отделиться от сословия алдаров; этой цели служил более громкий титул Царазон [от Цезарон] – «наследники цезарей» (*Абаев* 1982, сс. 115-118).

Многие фамилии Южной Осетии считают себя потомками Агуза. Данное фамильное имя в форме Алгуз фигурирует в поэме «Алгузиани». М. Джанашвили утверждал, будто поэма [75 стр.] списана «священником Иоаном Руслевым с оригинала Нузальского» (*Д-и* 1895). Анализ стилевых особенностей этого произведения привел К. Какелидзе и В.И. Абаева к заключению о довольно позднем времени ее написания – на рубеже XVIII-XIX вв. К. Какелидзе и В.И. Абаев выявили и автора поэмы – И. Ялгузидзе (*Абаев* 1982, сс. 471-472; *Пчелина* 1946, сс. 3-4). В поэме повествуется «история Августова сына Алгузо», повелителя осетин, черкесов, чеченцев, кистин, гуннского двора и. д. Его именовали не иначе как «вседержец великих царств, великий государь и самодержец».

И. Ялгузидзе свою родословную выводил от римских императоров. В.И. Абаев допускал вероятность происхождения термина Агузата от Августа. По мнению ученого, в домонгольской Осе-

тии две фамилии претендовали на роль правящих династий: Царазонта [от Цезарон] и Агузата [от Аугустус]. После татаро-монгольского нашествия, когда «народ вернулся в догосударственное состояние», эти фамилии утратили прежние привилегии и растворились в общей массе народа (*Абаев* 1982, сс. 118-123). Такое мнение представляется вероятным, но не бесспорным.

В основе фамильного имени Агузата исследователи видят латинское «Август». Этим титулом, наряду с другим – «Цезарь», традиционно именовались римские императоры, к которым возводили родословную отдельные аланские владетели, претендовавшие на особую роль в Алании (*Абаев* 1980, сс. 117-118).

[19] Дзантиевы не относились к потомкам «царевича» Тага. Тем не менее принадлежали к высшему сословию Тагаурского общества,. В показаниях баделятов сословно-поземельному комитету говорится: «Жантиевы жили в Каккадуре, хотя и не происходят от родоначальника Тагаура, но всегда пользовались правами в народе наравне с тагаурскими алдарами – имели своих подвластных, кавдасардов и холопов, от которых получали такую же дань, какую получали тагаурские алдары и мы [баделята] от своих родов» (*Гутнов* 2012, с. 190).

По другой версии, «Джантиева фамилия происходит от Закавказских Осетин, предок которых лет двести назад перешел на жительство в Тагаурское общество и поселился в ущелье Каккадур, где и по настоящее время живут потомки его, которые с давних времен пользуются равными правами и преимуществами с Эльдарами Тагаурскими, что подтвердили Депутаты Дигорского, Куртатинского и Назрановского обществ» (*Записка* 1860, лл. 3 об.-4).

М. Газданов в статье «К вопросу о происхождении тагаурских алдар» высказал предположение, что в Северную Осетию, в частности в Каккадур, Дзантиевы «переселились из Тырсы».

По нормам обычного права осетин [список Норденстренга 1844 г.], «фамилия Дзантие» принадлежала к 11 фамилиям алдаров Тагаурского общества. Причем, предки Дзантиевых появились здесь «около времени переселения тагаурцев на плоскость». «Осетинская уазданлагская фамилия Дзантие» происходила, «из

рода Агузова». Агуз по генеалогическим преданиям был сыном легендарного прародителя осетин Ос-Багатара. Тагаурские алдары признали Дзантие равными себе и те поселились на пограничных с куртатинцами землях (*Леонтович* 1883, с. 11). Судя по письменным показаниям Кокаевых, Туаевых, Базаевых, Цаллаговых и Уртаевых, в середине XIX в. Дзантиевы в Ламардоне имели большой земельный участок. О знатном происхождении Дзантиевых говорится и в официальных документах. Например, в приказе по отдельному Кавказскому корпусу за июль 1846 г. говорится о присвоении «Знака Отличия Военного ордена *тагаурскому старшине* Дудару Дзантиеву» (*Гутнов* 2008 г., с. 191).

В «Записке» от 8 октября 1858 г. в «Комитет по личным и поземельным правам туземцев Военно-Осетинского округа» представители Дзантиевых отмечали: «Жители деревни Каккадур [что в горах на левой стороне Гизельдона], где мы имеем жительство, за пастьбу своей скотины на принадлежащих нам по наследству от наших предков пастбищных местах, состоящих близ означенной деревни, выходили на барщину, т.е. в летнее время убирали хлеба и сенокосные наши места… Кроме того, в праздничные дни жители обязаны были являться к нам с поздравлением, принося с собою по горскому обычаю хлеб-соль; в первый же день нового года… доставляли в наши дома по вязанке дров». Аналогичная информация содержится в письме Дудара Жантиева от 4 июля 1859 г. Здесь же – интересная информация о «приведении какадурских жителей в святое крещение в 1830 и 1831 годах», когда «за *каждого жителя*, переведенного в православие, Жантиевы получали… по 20 коп. сер.» (*ЦГА РСО-А*, ф. 291, оп. 1, д. 2, лл. 49-50; д. 9, лл. 389 об.–390 об.).

Эти данные относятся к Дзантиевым, проживавшим в Северной Осетии. В 1986 г. во время экспедиции в Тырсыгом Дзинка Дзантиев [1895 г. р.] поведал нам о том, что его предки, жившие в ауле *Цоцолта* Трусовского ущелья, были выходцами из Даргавса. Но *как* и *когда* они попали в Цоцолта – остается загадкой (*Гутнов* 2008, с. 45).

[20] Выше [см. примеч. 3, 4] мы кратко охарактеризовали положение рядовых и зависимых групп населения Осетии – фарса-

глагов и кавдасардов. В целом, в XVIII – середине XIX вв. осетинское крестьянство делилось на несколько категорий, различавшихся по имущественному и правовому положению, степени эксплуатации господствующими сословиями.

Следует отметить имеющиеся разночтения в трактовке как отдельных категорий, так и крестьянства в целом. Например, И.Г. Викторов назвал фарсаглагов «вольными» крестьянами, независимость которых усматривал в праве перехода от одного феодала к другому (*Викторов* 1939, сс. 43-44). Противоположного мнения придерживался Г.А. Кокиев, считавший, что *хехезы* в первой половине XIX в. находились на стадии закрепощения, а остальных крестьян относил к «окончательно закрепощенным»; общественный строй осетин в рассматриваемый период квалифицировал как «феодально-крепостнический» (*Кокиев* 1940, сс. 42, 43, 110). Аналогичные мысли высказывали В.С. Гальцев, Н.А. Смирнов, Б.П. Берозов (*Гальцев* 1956, с. 132; *Смирнов* 1958, с. 229; *Берозов* 1969, с. 106).

К первой, малочисленной группе фарсаглагов относились зажиточные крестьяне, обладавшие значительной земельной собственностью, крупными стадами. Фарсаглаги Тархановы жили в ауле Кадат, где имели жилые дома, хозяйственные постройки, пахотные, сенокосные и пастбищные земли. Такие же угодья имели Бзаровы в ауле Генал (*ЦГА РСО-А*, ф. 224, д. 3, л. 116 об.; д. 10, лл. 1, 13, 15). Томаевы только в Какадуре имели «4 жилых дома с дворами, 4 места молотных, 4 места для хранения навоза, 2 мельницы, 32 загона пахотной земли и 4 места сенокошества» (*там же*, ф. 290, д. 2, л. 51). На примере последней фамилии покажем состояние зажиточных крестьян позднесредневековой Осетии.

Грамоты грузинских царей XVIII в., документы XVIII-XIX вв. российской администрации на Кавказе однозначно говорят о Томаевых, как о «дворянах» [азнаурах], «старшинах» из аула Кора, владевших большими участками земель, имевших зависимых крестьян, в том числе кавдасардов. Где бы они не находились, всюду Томаевы выступали как крупные, крепкие хозяева. Приведем один из архивных документов.

Список
Рокским участкам земли, принадлежащих Григорию и Харитону Томаевым
(НА СОИГСИ, ф. К. Томаева, оп. 1, д. 15)

Пахотные участки	***от кого и за что получили***
1) Кугай-хуым	у Цицка и Коте Томаевых по неизвестной причине
2) Фаллаг фарсы хуым (Муриты хуым)	у Дзахо и Дахчико (ныне у сына Дахчико – Ягора) Плиевых в залог за 1 корову
3) Уалдзаджы хуым	у Дахчико, ныне у Ягора Плиева за 30 рублей
4) Масыгкомы хуым	у Нико Плиева за корову и теленка
5) Этой бонган	у Науи Плиева за 7 рублей
6) – // –	у Теба Томаева за быка и козла
7) Алардыйы быны хуым	у Теба Томаева за быка и козла
8) Царды хуым	у Козоновых за 120 рублей
9) Змисы хуым	у Бега Томаева за 5 рублей
сенокосные участки	
1) Дзадзийы уыгардан	не известно у кого
2) Сбайы фазаны уыгардан	у Дави Сырхаева за 10 рублей
3) Цыфджи уыгардан	у Дави Плиева за 50 или 60 рублей
4) Тозлари уыгардан	не известно у кого
5) Кадысары уыгардан	у Дзанхота Плиева (не известно за сколько)
6) Уаллаг фазы уыгардан	- // –

Помимо кавдасардов, Томаевы имели в зависимости и фарсаглагов, пользовавшихся их земельными участками. Были у них и наемные работники. Сохранилось «Условие», регулировавшее отношения между наемными работниками и их хозяином – Дохцико Томаевым: «1855 года генваря 12 дня даю сие Условие в присутствии пристава господина подполковника кавалера Гайтова, Ардонского аула старшине юнкеру Дохцико Томаеву в том, что я и сын мой Алексей Филиевы обязуемся жить посмерть нашу в

доме Томаевых совместно с ними, и делать им услугу согласно данного условия покойным отцом моим, но с тем только условием, что я и сын мой в крестьянстве им не принадлежим и они не имеют никаких прав продать нас кому-либо на сторону… Пицы и Алексей Флиевы. При сделании сего Условия свидетелями были: Дохцо Демуров, Бибо Малихов, Дар Калагов, Дохце Цогоев. Подписи их заверяю: пристав Алагирских и Куртатинских народов, по кавалерии подполковник Гайтов».

Помимо земельных угодий, большого количества крупного и мелкого рогатого скота, табунов лошадей, Томаевы располагали и немалыми наличными суммами. Об этом можно судить, например, по следующему документу: «1856 года 7 марта я, ниже сего подписавшийся из дворян, Моисей Касаевич Томаев, даю сию подписку дворянам Гавриилу Мамукичу, Михаилу Парсадановичу и Дохчико Иваковичу Томаевым в том, что я занял у вас двести пятьдесят рублей серебром сроком впредь до востребования; так чтобы по истребовании ваших упомянутых денег 250 рублей беспрекословно уплачивать мне вам, в чем и подписываюсь» (*НА СОИГСИ*, ф. К. Томаева, д. 15, лл. 29-29 об.).

3 августа 1859 г. во Владикавказе житель аула Кора Аузби Томаев подал прошение в комитет для разбора сословно-поземельных прав жителей Военно-Осетинского округа. В нем претензии на дворянское достоинство обосновывалось многочисленными грамотами грузинских царей, даровавших Томаевым «дворянское [азнаурское] достоинство». По заверению Аузби, 15 [!] «таких грамот» 12 января 1846 г. были «поданы в Тифлис в Комиссию, учрежденную по распоряжению наместника Кавказа для разбора взаимных жалоб князей Мачабели на своих крестьян в Осетинском округе». Далее А. Томаев подчеркнул, что «в горах, в ауле Кора [имеет] собственные хлебопашные и сенокосные земли и несколько домов крестьян» (*ЦГА РСО-А*, ф. 291, оп. 1, д. 13, лл. 115-115 об.).

Анализ разнообразных источников привел З.Н. Ванеева к выводу, что Томаевы, жившие в Южной Осетии, «получили от грузинских царей дворянское звание и пользовались репутацией знатных родов». Томаевы из верховьев Большой Лиахвы ка-

лым [брачный выкуп] за невесту брали в увеличенном размере; в него входили скот, оружие, медная посуда и др. предметы (*Ванеев* 1990, сс. 28, 100).

[21] В дореволюционной историографии кавдасардами [кумягами] называли детей «владельца и женщины свободного сословия, отданной в *номылус* [именная жена]». Считалось, что «такого рода браки, совершавшиеся между алдарами и фарсаглагами как магометанской, так и христианской религий, допускались, вероятно, по дороговизне и редкости в Осетии рабов» (*Абрамович* 2003. Т. I, с. 39).

Последнее обстоятельство, подчеркивал А. Абрамович, «вынудило более зажиточных людей приобретать в дом подобными сделками рабочие руки для такого вида работ, которые казались несвойственными женщинам высшего происхождения». Повторив буквально слово в слово эту же мысль, один из анонимных авторов продолжил: «Оставляя дом умершего алдара… кавдасард получал некоторую часть как движимого, так и недвижимого имущества владельца. Размер этой части, весьма, впрочем, умеренный, так как осетины не имели большого хозяйства, никогда не был с точностью обозначен народным обычаем; а бывало так, что приглашаемые для этой цели медиаторы, принимая в соображение состояние и численность того лица, из дома которого уходил кавдасард, определяли часть имущества, подлежащую выделу в пользу этого последнего» (*там же*, сс. 44-45).

Специальное исследование тагаурским кавдасардам посвятил Н. Мансуров. «Совершенно *особый род зависимых*, – писал он, – представляли собою кавдасарды Тагаурского общества». К этому сословию принадлежали дети феодалов от наложниц [«номылус»], считавшиеся «ближайшими родственниками своих господ» (*Мансуров* 1982, с. 152). Ссылаясь на Ф.И. Леонтовича, Н.С. Мансуров отмечал: «кавдасарды принадлежали только исключительно привилегированным сословиям; фарсаглаги же не могли иметь кавдардов… Невыгодность экономического положения кавдасардов выражалась также и в том, что никто из них не имел никакого права покинуть родственных им алдаров, а каждый из них обязан был безвыездно жить на отведенных им участ-

ках земли, по наследству переходивших к ним из рода в род, обрабатывать и выдавать своим патронам большую часть продуктов труда хлебом и живностью. В сущности, эта категория зависимых представляла собою… безусловно закрепощенных, не имевших решительно никакой свободы» (*там же*, с. 153).

До сих пор продолжается дискуссия о социальном статусе кавдасардов. Одни исследователи относят их к категории домашних рабов, другие – к зависимым крестьянам.

В оценке социального статуса кавдасардов некоторые противоречия характерны для М.М. Блиева. С одной стороны, кавдасарды и номылус рассматривались ученым как *домашние рабы*. Они «выполняли все домашние и полевые работы. От рабов их отличало лишь то, что они не могли быть проданы другому лицу и в нужных случаях феодал должен был их охранять». С другой стороны, утверждал М.М. Блиев, кавдасарды «являлись наиболее бесправной частью *крестьянства* [курсив мой – Ф. Г.] Тагаурии» (*Блиев* 1964, сс. 23, 28).

Кавдасардам Тагаурского общества посвящен раздел одной из работ Р.С. Бзарова (*Бзаров* 1987, сс. 97-108). Весьма важным представляется вывод ученого о «двух группах в кавдасардском сословии. Источники сохранили термины, употребленные для такого различения самими крестьянами. Свободные кавдасарды именуют себя в прошениях ‘первостепенными’ или ‘вольными’, пытаясь отмежеваться от кавдасардов ‘подвластных’ или ‘алдарских’» (*там же*, с. 107).

Из последних работ выделим монографию И.Т. Марзоева, посвященную выявлению социального статуса привилегированных сословий Северного Кавказа. Интересен вывод историка об одной особенности «социальных отношений в Осетии»: использование фамилии отца тем или иным кавдасардом. В Тагаурском обществе так поступали кавдасарды Мамсуровых, Тулатовых, Алдатовых, Шанаевых, Дзантиевых (*Марзоев* 2011, с. 42).

Как видно, не все вопросы, связанные со статусом *кавдасардов* в структуре Тагаурского общества, решены окончательно.

Обычное право в определенной мере проясняет ситуацию. За кровь кавдасарда платилось как за кровь свободного человека. Он

мог жениться на женщине свободного сословия, если мог выплатить калым соразмерный с ее социальным статусом. Определяя последний, дореволюционные исследователи подчеркнули: «Самая большая зависимость кавдасарда по отношению к тому же лицу, в доме которого он родился и рос, отнюдь не походила на отношение раба к владельцу, а скорее приближалась к положению бедного человека, покровительствуемого своим богатым и сильным родственником» (*Абрамович* 2003. Т. I, с. 44).

Стремясь сохранить объективность в сборе материала, чиновники фиксировали показания по данному вопросу от всех заинтересованных, либо хорошо информированных сторон. В этой связи большую актуальность приобретают альтернативные свидетельства сословий. К таковым можно отнести показания феодалов, фарсаглагов [общинников], самих кавдасардов, соседних владельцев и др.

Итак, кавдасард – человек низшего сословия, рожденный именной женой феодала «номылус». Буквально данный термин переводится как «рожденный в яслях», т.е. в хлеву. В пренебрежительном названии данной группы крестьян отражено их место на социальной лестнице. Они выполняли всю черновую работу в доме и хозяйстве осетинских феодалов. Кавдасарды составляли неотъемлемую собственность фамилии отца и не могли быть ни проданы, ни уступлены в дар. После смерти отца кавдасард имел право получить небольшой надел, но и тогда он оставался зависимым крестьянином и служил своим новым хозяевам.

Аналогичные по происхождению сословные группы имелись едва ли не у всех горских народов. Они, несмотря на сходство происхождения, в своих обществах занимали различное положение. Это, на наш взгляд, связано с неодинаковым политическим весом и экономической мощью их отцов.

Кабардинские князья, дагестанские шамхалы, уцмии, ханы владели крупными социальными организмами. В то же время осетинским феодалам подчинялся, как правило, один аул. Соответственно различались возможности для обеспечения экономического положения и социального статуса потомства от неравного брака. «Объем феодальных привилегий и численность той или

иной категории побочных детей находились в обратно пропорциональной зависимости. Это связано с тем, что размер круга лиц, освобожденных от непосредственного добывания пищи, определялся развитием производительных сил в тех или иных районах, а демографическое регулирование, при всех национальных различиях в его механизме, способствовало поддержанию соответствия между потребностями феодалов и возможностями для их удовлетворения» (*Гутнов* 1987, сс. 78-79).

[22] Судя по имеющимся источникам, у предков осетин в период классообразования еще не было отделенных от народа потестарно-нормативных институтов – следственного и судебного аппаратов, тюрем и т.д. В этих условиях разбор преступлений и осуществление наказания брали на себя [правда, еще не всегда и не во всем] военные лидеры. По свидетельству Аммиана Марцеллина, «аланы судьями…выбирают тех, которые отличаются долгое время на войне» (*Ган* 1884, с. 191). В одном из последних изданий Аммиана данный сюжет переведен иначе: «начальниками они и теперь выбирают тех, кто в течение долгого времени отличался в битвах» (*Аммиан Марцеллин.* 1994, с. 494)

В обществе нартов военные лидеры имели право наказывать соплеменников за невыполнение распоряжений. Так нарт Сослан, собираясь в поход на крепость Хиза, через глашатая объявил: «тот дом, который не пошлет нам воина, тот дом навеки отдаст мне в рабство юношу».

Как видно, судебные функции довольно рано выходят из-под контроля коллектива, все более сосредотачиваясь в руках лидеров социальных организмов.

В антагонистических обществах древние мононормы взаимозащиты получили разное правовое оформление в зависимости от принадлежности члена общества к тому или иному сословию. Классовый характер права применительно к различным социальным слоям проявлялся как в неравной охране личности, так и в неравной ответственности за одни и те же преступления (*Першиц* 1979, с. 91).

В позднесредневековой Осетии частная собственность защищена нормами права. Причем, возмещение за кражу зависело

от тяжести содеянного и статуса сторон. За воровство «из базу старшины» платили штраф – мальчика или девочку, варили пиво. «Кто уворует с мельницы старшины муку, штрафуется быком». За воровство «лошадей, скота или баранов» платили «за каждую голову по девяти». В то же время за воровство скота у рядовых общинников взыскивалось «по три штуки за каждую… украденную» (*Леонтович* 1883, сс. 37-38).

В средневековой Осетии алдары и баделята подчинили себе даже уголовные дела, которые первоначально разрешались с помощью посредников. Феодалы «осуществляли свое право верховной юрисдикции путем взимания с уголовных преступников штрафов в свою пользу» (*Ковалевский* 1886. Т. 1, сс. 45-46). По мнению Н. С. Мансурова, суд посредников [тархонлагов] «представлял собой учреждение более позднейших времен», когда частная собственность и сословное неравенство среди горцев уже приняли присущие им формы феодальной эпохи (*Мансуров* 1894. № 48).

На заключительных этапах классообразования и уже в собственно классовом обществе существенные изменения происходили с мононормами взаимозащиты, особенно кровомщения, получившими разное правовое оформление применительно к различным социальным слоям. Интерес к данному вопросу обуславливается еще и тем, что, по мнению юристов, в период становления классового общества право первоначально оформлялось в области охраны частной собственности, в сфере торговли, займов и т.д., в то время как *убийство* долгое время оставалось областью морали, религии, делом *личной расправы* (*Явич* 1976, с. 25).

Предназначение кровной мести как института в историографии определяется неоднозначно. Возникнув в эпоху родового строя как одно из средств взаимозащиты, кровная месть просуществовала до наших дней. Поэтому, оценивая кровную месть, следует учитывать историческую эпоху, в которой она рассматривается.

Практически во всех горских обществах XIX в. цена крови у разных сословий неодинакова; цена крови знати доходила до астрономических сумм, становившихся формальными, т.к. ника-

кой крестьянин не смог бы уплатить такую виру. У осетин, в частности, кровь феодала оценивалась баснословно высоко: в уплату входили 3240 коров, медный чан, топор, веревка, черный баран, черное руно. Сверх этого убийца одному из членов пострадавшей фамилии отдавал свою дочь замуж без калыма; он же готовил угощение из одного быка и 12 баранов. В добавок ко всему в качестве морального наказания виновный при народе должен был упасть на колени перед тем, «кто ищет кровь… и просить прощения». Кровь же рядового общинника оценивалась в 60 коров (*Леонтович* 1883, с. 28).

Самостоятельный интерес представляют мононормы, которые по аналогии с правовыми можно назвать процессуальными, а также характер предусмотренных ими санкций. Судя по имеющимся источникам, у предков осетин в период классообразования еще не было отделенных от народа потестарно-нормативных институтов – следственного и судебного аппаратов, тюрем и т.д. В этих условиях разбор преступлений и осуществление наказания брали на себя [правда, не всегда и не во всем] военные лидеры.

Самое яркое отражение процесса юридизации мононорм – ужесточение санкций, призванных защищать частную собственность. В некоторых потестарных обществах право на имущество даже между ближними родственниками доказывалось при помощи оружия. Вспомним в этой связи рассказ Геродота о том, что некоторые скифы делают чаши из черепов «родственников, если у них была с ними тяжба, и если они одерживали верх над ними перед царем. Если к [скифу] приходят гости, с которыми он считается, он приносит эти черепа и добавляет при этом, что, будучи ему родственниками, они вступили с ним в войну, и что он одержал победу» (*Доватур и др.* 1982, с. 123). Слово из текста Геродота, которое большинство комментаторов и переводчиков понимает как «родственники», в словарях Passow и Lidell-Scott развернуто – «сородичи, живущие общим хозяйством, под одной крышей». Следовательно, в приведенном сюжете речь идет о борьбе за право на имущество, а поединок родственников перед «царем» – ритуально-судебный, по определению Э. А. Грантовского (*Грантовский* 1981, сс. 61-71).

В позднесредневековой Осетии частная собственность защищена нормами права. Причем, возмещение за кражу зависело от тяжести содеянного и статуса сторон. За воровство «из базу старшины» платили штраф – мальчика или девочку, варили пиво. «Кто уворует с мельницы старшины муку, штрафуется быком». За воровство «лошадей, скота или баранов» платили «за каждую голову по девяти». В то же время за воровство скота у рядовых общинников взыскивалось «по три штуки за каждую…украденную» (*Леонтович* 1883, сс. 37-38).

Как видно, судебные функции довольно рано выходят из-под контроля коллектива, все более сосредотачиваясь в руках лидеров социальных организмов.

[23] Скудность письменных источников XV-XVIII вв. создает серьезные трудности для воссоздания процесса роста феодального землевладения. Согласно отдельным вариантам генеалогических преданий тагаурских алдаров, время оформления домена относится к периоду жизни правнуков Тага. По фольклорной традиции, они осели «в ущелье Гизельдон, основали там аул Даргавс, а потом построили Саниба [по-грузински означает Троица] и другие аулы. В эти аулы *приглашены* были на жительство люди из других соседних обществ, и потомки Тага сделались их главами и владетелями, в силу того, что они произошли от царской крови». По другой версии, правнуки Тага на р. Гизельдон «выбрали никому не принадлежащее место. Здесь они основали аул Даргавс»; братья Тулат и Кундух заложили аул Саниба, а Есен – Верхний Саниба (*Klaprot* 1812, Bd. I. SS. 344-348).

Указание генеалогических преданий на то, что тагиата являлись основателями всех аулов и «приглашали на жительство людей из других мест» – один из «аргументов», при помощи которого обосновывались права на контроль над всеми землями общества. Откровенная тенденциозность данного сюжета очевидна. Тем не менее, он содержится в адатах осетин – списке Норденстренга (1844 г.). По статье 4, потомки Тага «поселились на реке Даргавсе, где тогда не нашли никаких жителей», а по статье 5, «Фарсаглаги составляют самое многочисленное сословие народа. Они по-настоящему не тагаурцы, а переселенцы от разных дру-

гих племен, принятые тагаурцами и с давних времен включенные в их общество» (*Леонтович* 1883, с. 10, 12). Закономерно встает вопрос о репрезентативности ст. 4 и 5 – является ли их содержание отражением реального положения вещей, или же они появились в результате некритического отношения Норденстренга к фольклорным сюжетам?

Норденстренг, записывая нормы обычного права обществ Восточной Осетии, пользовался свидетельствами «почетным стариков». В самих показаниях «почетных стариков» имеются субъективные элементы. По свидетельству лиц, собиравших материалы, горцы относились к этому мероприятию «подозрительно и недоверчиво». Субъективность рассматриваемого источника возрастала при редактировании составителями сборника. Князь Голицын уверял, что «мог бы сделать некоторые замечания касательно разницы, существующей между показаниями стариков и тем, что внесено в книгу» (*там же*, с. 60).

При сопоставлении некоторых положений «Адатов…» Леонтовича с материалами сословных комиссий выясняется неточность первых. Как указывалось выше, по ст. 5 фарсаглаги, составляющие самое многочисленное сословие, «не по настоящему тагаурцы, а переселенцы от разных других мест». Эта запись почерпнута из родословной алдаров, которая приводится в той же работе (*там же*, с. 9-11). Таким путем алдары обосновывали свои права на земли Тагаурии. А в крестьянских преданиях повествуется о том, что они первыми поселились в горах и к приходу предков феодалов вся земля находилась в руках фарсаглагов (*ЦГА РСО-А*, ф. 256, д. 9, св.2, лл. 36-37; д. 10, св. 2, лл. 49-51; *там же*, ф. 290, д. 29, лл. 40-41). Но последние редакции не нашли места в сборнике Леонтовича.

Как видно, 5 статья адатов тагаурских осетин появилась под влиянием генеалогических преданий местных алдаров. Строго говоря, ее нельзя даже назвать нормой обычного права, т.к. оно исключительно конкретно – все элементы правовых норм до крайности детализированы, что большинством исследователей связывается с конкретностью архаического мышления. Каждая статья адатов предельно лаконична и посвящена специальному

вопросу. Нормы права представляют собой конкретные юридические казусы, заимствованные из конкретной жизни и применяемые в аналогичных случаях (*Гуревич* 1969, с. 393-395; *Першиц* 1979, с. 224). На этом фоне в ст. 5 адатов особенно отчетливо виден отпечаток фольклорной традиции осетин, не говоря о ст. 4, в которую Норденстренг включил фрагменты сразу нескольких родословных алдаров. Влияние генеалогических преданий прослеживается и на некоторых других нормах права в списке Норденстренга. Объектом спора стала 13 статья: 8 из 11 алдарских фамилий «продали фарсаглагам в полное потомственное владение участки земли», лишившись «платежа податей от фарсаглагов». От трактовки данной записи зависит решение вопроса о частнокрестьянской земельной собственности – имела ли она глубокую историю, или же появилась после так называемой «продажи» на рубеже XVIII-XIX в.

М.М. Ковалевский использовал эту статью для подтверждения своей идеи об эмансипации фарсаглагов. «Одним из способов, которым была достигнута на западе эмансипация среднего сословия от феодальной аристократии, – писал он, – была покупка земель в собственность у разорившейся знати». Таким же путем, т.е. покупкой земель у тагиатов, многие фарсаглаги приобрели независимость (*Ковалевский* 1886. Т. 1, с. 40). По мнению Е. Максимова, алдары «постепенно продали» (*Максимов* 1892, с. 14) свои земли, т.е. для него переход земель в руки крестьян казался длительным процессом, а не единовременным актом.

Оба взгляда представляются нам неверными. Незначительные размеры хозяйства у подавляющего большинства крестьян не позволяли накопить необходимую для покупки земли сумму. Во всех описаниях и исследованиях XVIII-XIX вв. подчеркивалось, что жизнь горца-осетина – это постоянная борьба за существование. В 1755 г. тагаурские старшины писали в челобитной Елизавете Петровне: «во всем же имеем великую нужду и недостаток, и некоторые наши подлые люди ни малой пахотной земли не имеют, где бы могли для своего довольствия сеять хлеб и прочее, а также и скот довольный содержать не могут» (*Кокиев* 1933. Т. 1, с. 43). Пашни, разбросанные в го-

рах небольшими клочками, составляли незначительную часть всей поверхности склонов. Горцы «веками вели упорную борьбу с природой. Они… выбирали из недр камни, чтобы образовать почву, годную для хлебопашества». Сама обработка земли была очень затруднительна. По мнению наблюдателей XIX в., ни один житель равнины никогда так тщательно не обрабатывал свою землю, как горец. Земля вспахивалась весной по несколько раз, осенью удобрялась, часто ее требовалось орошать. Несмотря на такой адский труд, редко кто из крестьян не покупал хлеба на равнине, чтобы как-нибудь дотянуть 2-3 месяца до нового урожая. А «большинство из них» могло «прокормиться хлебом только 6-7 месяцев» (*Кипиани* 1894, сс. 24, 26), т.к. «плодородность этой страны незначительна» (*Вахушти* 1904, с. 139). Крестьянское скотоводство не могло получить сколько-нибудь значительного развития: большинство сенокосных и пастбищных угодий находилось в руках феодалов. Излишков, которые могли привести к накоплению достаточной для покупки земли суммы, не было. Цены же на землю в горах были баснословными.

Точно определить стоимость земли в средневековой Осетии трудно, сведения об этом туманны. По сообщению анонимного автора второй половины XIX в., земля «стоит того животного, которое на ней может поместиться, так кусок земли, который займет лежащая корова, ценится в корову, другой стоит овцу и т.д.» (*Главные сведения*… 1868. № 46). Согласно сведениям Е. Максимова, за десятину, близкую к усадьбе, платили от 1200 до 1870 руб., за боле отдаленные – 350-400 руб., незаливные луга – от 500 до 700 руб., за десятину (*Максимов* 1892, с. 33). Эти данные относятся ко второй половине XIX в., возможно, они завышены. «За более достоверное передают старики, – отмечал А. Ардасенов, – что 10 руб. платили за пространство, дававшее постоянного сбора 7 снопов» (*В. – Н. – Л.* 1896, с. 7). Десять рублей – сумма немалая, столько стоила корова.

Осетинская полевая мера называлась «бонконд» или «бонцау» – участок, вспаханный за день. По мнению М. З. Кипиани, участок дневной пахоты равнялся 300 кв. саженям (*Кипиани*

1894, с. 25). По подсчетам В. Туккаева, «бонцау» приблизительно равнялся 1024 кв.саженям. Это «тоги бонцау» – участок, который давался за кровь убитого. В хозяйстве «бонцау» такой величины почти не встречался; размеры среднего «бонцау» колебались в пределах 624-800 кв. саженей (*Туккаев* 1894, №101). При столь баснословных ценах на землю и почти полном отсутствии доходов крестьяне не могли купить землю у алдаров, да еще в таком большом количестве. Тем не менее советский историк З.Н. Ванеев также считал, что алдары продали крестьянам свои земли. После этого фарсаглаги, якобы, освободились от всех платежей повинностей феодалам. По общему правилу, крестьяне. отбывали повинности только в том случае, если поселялись на землях алдаров (*Ванеев* 1959, с. 184).

Иной точки зрения придерживался Б.В. Скитский. Продажу алдарских земель фарсаглагам он объяснял успешным ходом крестьянской борьбы. «В обстановке крестьянской войны» власть феодалов слабела, они «должны были уступать крестьянам», если им не оказывали помощь извне. Алдары «предпочитали продавать свои земли фарсаглагам, т.е. за выкуп освобождать их от зависимости». Продажа земель тагиатам была, по его мнению, не добровольной – «она была уступлена восставшему народу» (*Скитский* 1972, сс. 158-159), однако документальной аргументации своего предположения он не привел.

В.Б. Пфаф на основе богатого фактического материала высказал мысль, согласно которой и после «продажи» алдары «оставались во главе общества», хотя и «отказывались от прежней дани» (*Пфаф* 1871. Вып. 1, с. 206). Иное решение нашел М.М. Блиев. Он пришел к выводу о том, что речь может идти о сделке. Ни адаты, ни какой другой источник не сообщает, почему феодалы пошли на эту сделку, ничего не сообщается и об ее условиях, но «судя по зависимости, в которой оказались крестьяне Тагаурии… продажа земли была проведена явно не в пользу социальных низов» (*Блиев* 1970, с. 32).

Полностью доверяет Норденстрангу Р.С. Бзаров, по утверждению которого, подвергать сомнению «приведенные в адатах 1844 г. сведения нет никаких оснований». Восстанавливая исто-

рию алдарского землевладения, Р.С. Бзаров следует за содержанием статей 4, 5 и 13, хотя на этих статьях отчетливо видна печать фольклорной традиции. В «аристократической» редакции генеалогического предания, приводимого Норденстренгом в статье 4, Бзаров нашел «точное указание места», где первоначально поселились тагиата со своим подвластными – Даргавс. Дальнейшее расширение территории общества происходило «за счет новых селений потомков Тага и присоединения владений Дударовых». В объяснении происхождения фарсаглагов Тагаурии Бзаров исходил из установок той же родословной и статьи 5, по которой фарсаглаги «по настоящему не тагаурцы, а переселенцы из разных других племен, принятые тагаурцами и с давних времен включенные в их общество» (*Бзаров* 1988, сс. 49-51). Исследователь неоправданно смело, на наш взгляд, доверяет анализируемым «нормам» права, не обращая внимания на содержавшиеся в них элементы фольклорной традиции.

Таким образом, можно констатировать солидарность исследователей по одному пункту объяснения 13 статьи сборника адатов Норденстренга – в признании перехода части земель в Тагаурском обществе от феодалов к крестьянам. Иными словами, по их мнению, процесс поглощения крестьянских земель к XVIII в. [до «продажи»] уже завершился и вся земля находилась в руках алдаров. Однако осталось неясным, каким образом при террасном земледелии феодалы стали собственниками всего земельного фонда; как алдарам удалось сделать то, чего не удалось феодалам других обществ.

Тагиата не являлись верховными собственниками всех земель общества. Наряду с их владениями продолжали существовать крестьянские пахотные участки, которыми фарсаглаги распоряжались по своему усмотрению. Так было и в начале XIX в., и в XVIII в., и в XVII в. и т.д. Возникновение и развитие феодальной земельной собственности не смогло уничтожить крестьянское землевладение, хотя оно становилось объектом притязаний со стороны алдаров. Поглощение фарсаглагских земель феодалами является одним из главных процессов аграрной истории и генезиса феодализма в Осетии, но он не завершился. Пашенные

наделы, созданные трудом не одного поколения, принадлежали крестьянам и охранялись обычным правом трудовой заимки. Едва ли не правилом было сосуществование запашки феодалов и фарсаглагов. Социальные низы с большим упорством оберегали свои наделы от посягательств со стороны высших сословий. Поэтому, на наш взгляд, вообще не было никакого перехода земли от феодалов к крестьянам. Наделы фарсаглагов – потомственная собственность, а не результат «продажи». Такой вывод вытекает не только из общей картины аграрной истории Северной Осетии.

К сожалению, ни один из авторов, как мы в этом убедились, не поставил вопроса о достоверности 13 статьи адатов, собранных капитаном Норденстренгом; все исследователи исходили из ее истинности.

Сомнительность 13 статьи выявляется при ее сопоставлении с другими источниками: материалами путешественников, участников кавказских экспедиций Академии наук России, прошениями и показаниями крестьян различным сословно-поземельным комитетам и т.д. Ни в одном документе XVIII – середины XIX вв. не упоминается «продажа» земель. Если бы она имела место, то событие столь крупного масштаба нашло бы хоть маломальское отражение в описании очевидцев, побывавших в Осетии во второй половине XVIII – начале XIX в. Ничего не сообщают об этом ни крестьяне в многочисленных прошениях в сословные комитеты, ни осетинские публицисты, хорошо знавшие нормы обычного права. Интересно, что до введения в научный оборот списка адатов Норденстренга ни один из дореволюционных кавказоведов не рассматривал «продажу» земель, хотя многие из них долгое время находились в Осетию, изучали быт и нравы народа, нормы обычного права. Так, за 10 лет до Норденстренга в Осетии побывал А. Яновский, сделавший запись адата из области сословных отношений, права наследования, семейных отношений и т.д., собрал подробные этнографические, экономические, статистические и административные данные. Основанный на столь богатом материале очерк «Осетия» по своему научному уровню, по общему признанию специалистов (*Васильева* 1975, с. 22; *Цибиров* 1981, с. 74), стал лучшим разделом коллективного труда

«Обозрение Российских владений за Кавказом». В очерке нет и намека на «продажу» земли.

Чем же объясняется появление 13 статьи? Норденстренг поверил алдарской легенде о «царском» происхождении их мнимого предка Тага [ст. 4], как и тому, что он первым поселился в ущелье. Поэтому капитан был убежден, что «фарсаглаги не *настоящие* тагаурцы, а переселенцы от разных других племен, принятые тагаурцами и с давних времен включенные в их общество». С другой стороны, он не мог не обратить внимание на наличие у части фарсаглагов собственных, хотя и незначительных наделов. А земельная собственность фарсаглагов Кусовых, Козровых и Дзгоевых не уступала по своим размерам владениям иных алдаров. Норденстренг не прошел мимо этого факта, что нашло отражение в 25 статье его записи адатов: «Фарсаглаги имеют право владеть собственною землею, приобретенную покупкой или полученную по наследству». В горных аулах Дударовых и Кануковых фарсаглаги, имевшие частную земельную собственность, были редким исключением. В имениях же остальных феодалов определенная часть крестьян владела различной величины участками. «Фактом» продажи земли этими алдарами своим крестьянам Норденстренг решал проблему появления частной собственности у фарсаглагов. В основе этой ошибки лежит неспособность Норденстренга представить верную картину зарождения и развития частной и феодальной земельной собственности в горах, а историки приняли его объяснение за реальный факт.

[24] Данная норма генетически связана с традиционной формой взаимопомощи. В течение веков в ней произошли существенные изменения. Постепенно она приобрела характер в основном односторонних или во всяком случае асимметричных обязательств индивидов низшего статуса и легализовалась в качестве регулярных повинностей. В период сельскохозяйственных работ [сев, жатва, покос] фарсаглаги эксплуатировались при помощи института «зиу». Имущие приглашали крестьян на работу как на обычную взаимопомощь, а не на отбывание повинности; труд «компенсировался» застольем, включая обильную выпивку и всевозможные блюда, на которые уходило мясо нескольких бара-

нов. Конечно, не у каждого горца находились средства для такого угощения. Систематически, из года в год приглашения делались людьми зажиточными. Не случайно на Северном Кавказе в ходу была поговорка: «Уплати работнику то, что ему положено, а затем вымотай из него душу» (*Карачайлы* 1929, с. 82).

Рассматриваемая практика в хозяйстве феодалов всего Кавказа представляла собой вид отработок – это прибавочный труд крестьян, состоявший в обработке ими своим инвентарем земли феодала (*Хашаев* 1961, с. 257; *Гарданов* 1967, с. 202; *Магометов* 1968, с. 44).

Аналогичная форма эксплуатации имела широкое распространение и в других феодальных обществах (*Першиц* 1985, сс. 55-56), например, западно-европейских. Так, в Англии в дни «помочей» крестьянам выдавалась закуска, квас и пиво. При этом хозяин поместья выступал в роли «благодетеля». Барщина с харчами в Англии XIII в. стала своеобразной формой оплачиваемого труда. Более того, практиковалось натуральное премирование барщинного труда. В монастырских вотчинах виллан, участвовавший в сенокосе, уходя вечером домой, мог прихватить охапку сушеной травы, а во время жатвы разрешалось взять сноп хлеба (*Косминский* 1947, с. 375-376). К барщине с харчами часто прибегали феодалы Леона и Кастилии (*Корсунский* 1976, с. 114).

В скотоводстве [не только у горцев Кавказа, но и у ряда других народов] существовало несколько способов завуалированной эксплуатации. Внимание исследователей привлекла передача скота на выпас неимущим крестьянам. Эта форма эксплуатации неоднократно описана в литературе, среди историков и этнографов известна как *австау* у осетин, *ортак* у кабардинцев и кумыков, *саун* у казахов, *саан* у киргизов, *вадиа* у арабов и т.д. Кавказоведы считают данный способ эксплуатации феодальным (В. К. Гарданов, Б. Алиев, Ш. Ахмедов, М. С. Умаханов и др.). Долгое время этого мнения придерживались и специалисты, изучающие быт кочевых народов [С. П. Толстой, С. А. Токарев, М. П. Вяткин, С. Е. Толыбеков]. Однако позднее Л. П. Потапов, С. З. Зиманов и Ю. И. Семенов пришли к иному выводу: саун – «не специфически феодальная, а кабальная форма эксплуатации, издольная аренда

скота, аналогичная издольной аренде земли у оседлый земледельцев». Склоняясь к последней точке зрения, А.И. Першиц в то же время отмечает, что в феодальном обществе саунные отношения были не столько самостоятельной формой эксплуатации, сколько методом вовлечения социальных низов в господствовавшие феодальные отношения. Аренда скота привязывала работника к феодалу и делала его исправным плательщиком повинностей. Нередко арендатор становился неоплатным должником, и аренда скота, как и личная зависимость от заимодавца, из временных практически становились пожизненными (*Першиц* 1976, сс. 306-307). Это положение подтверждается данными из жизни народов Северного Кавказа.

В Осетии богатый скотовод давал на время фарсаглагу свой скот или часть его. Овцы отдавались на срок от трех до пяти лет. Более распространенным был второй вид аренды. По истечении срока заимодавец брал из стада столько овец, сколько давал. После этого приплод делился поровну. При аренде скота на три года арендатор получал одну треть, а собственник две три стада (*Леонтович* 1883, с. 30; *Зиссерман* 1879. Т. II, с. 40; *Максимов* 1892, с. 40). В любом случае заимодавец оказывался в выигрыше, а крестьянин-скотовод получал небольшое вознаграждение за труд. Но если взятые крестьянином овцы гибли в непогоду, угонялись и т.д., то заимодавец требовал компенсацию. У народов Северного Кавказа отмечены различные вариации этого института, но суть его одна и та же. Этот институт – своеобразная барщина в хозяйстве с преобладающим значением скотоводства.

[25] Размер и характер повинностей, получаемых Дударовыми с живших на их землях крестьян, отличался, иногда даже в пределах одного аула. В рапорте от 31 мая 1849 г. в Комиссию по сословным правам Владикавказского военного округа гвардии поручик Дударов отметил по этому поводу: в 1810 г. «отец мой, подпоручик Инал Дударов первый переселился сюда со всеми подвластными, жившими на его земле фарсалаками, [он] позволил селиться у себя в деревне и другим на тех же правах и обязанностях, как и старожилы, при нем и при других домах фамилии Дударовых. Повинности и подати эти состояли в следующем: с каждого двора

каждый хозяин в год один раз в свое время должен был приносить один рубль серебром, одного барана, воз сена, один день пахоты, когда же поспеют хлеба, то опять должны убрать его, с каждого двора в покосное время по одному косарю должны были собраться и все вместе с утра до вечера косить сено». А если «кто из подвластных людей отказывался иногда от платежей повинностей, то начальство посылало воинские команды для взыскания оных» (*ЦГА РСО-А*, ф. 233, д.1, л. 120).

В 1833 г. весь аул поручика Дударова отказался от уплаты повинностей. Видимо, это связано с «неурожаем хлебов и трав» на Северном Кавказе в 1833 г. Аналогичная картина наблюдалась «во многих губерниях». В горных районах еще летом предвидели «недостаток в продовольствии бедного класса людей». Тем не менее комендант Владикавказа генерал-майор Аранский послал для усмирения «бунтовщиков» команду казаков. Самые старшие жители аула – Бота Жанжиев, Ход Албегов, Мусса Кадиев, Ага Батяев, Гажи Албегов – были арестованы и «посажены на гауптвахту, где они содержались около 5 месяцев, пока не согласились и не дали подписку, что на будущее время не будут делать подобных ослушаний». Остальные были наказаны плетьми (*ЦГА РСО-А*, ф.233, оп. 1, д. 5, л. 22-22 об.).

Главной опорой царизма в период присоединения Осетии к России были феодалы и организация поселений на равнине первоначально возлагалась, преимущественно, на них. Рассматривая заселение Владикавказской равнины в начале XIX в., не следует упускать из вида, что крестьянство в этом процессе не столько выполняло волю феодалов, сколько исходило из собственных интересов, интересов своего хозяйства, личной выгоды. С переселением на равнину фарсаглаги связывали надежды на лучшую жизнь. Здесь крестьянин получал больший надел, чем в горах, собирал больший урожай и т.д.

С другой стороны, все статьи хозяйства фарсаглага в равнинных аулах были обложены рентой в пользу алдара. Едва ли не каждый шаг крестьянина приносил доход феодалу. Размер ренты в различных вотчинах не был одинаков – у одних алдаров он был выше, у других ниже. Некоторые исследователи объясняли

это тем, что феодалы, «чувствуя абсолютную бесконтрольность», взимали с подвластных подати в таком размере, который считали необходимым. Сомнительное утверждение. При бесконтрольном увеличении ренты феодальная эксплуатация теряла экономический смысл. Лишняя продукция в господских амбарах доставляла радость только мышам. Между тем, для получения излишков необходимо было гонять крестьян на барщину или опустошать их закрома, обостряя социальные противоречия. Это лимитировало масштабы феодальной эксплуатации. Почему же размер крестьянских повинностей в Северной Осетии даже в одном ущелье был различным? В этом отношении интересное наблюдение сделал А. Л. Зиссерман: чем крупнее владение алдара, тем сильнее эксплуатация крестьян. На равнине весьма «заметно подчинение и нередко раболепие к алдарам, крупным землевладельцам»; и в горах алдар «эксплуатирует своих ближних», но в меньшей степени (*Зиссерман*, 1879. Т. 2, с. 382).

Переселение на равнину в начале XIX в. и как следствие этого укрепление феодального способа производства вызвали к жизни неизвестные ранее формы классовой борьбы. На новом месте феодалы сделали ставку на повышение натуральных повинностей, избавляясь тем самым от многих производственных забот. Само крестьянское хозяйство на новой базе – равнинных земледельческих районах – было способно к сравнительно быстрому и значительному увеличению продуктовой ренты. Разумеется, фарсаглаги сопротивлялись увеличению повинностей – будь то в форме натуральных повинностей или отработок. Состояние источников не позволяет выяснить численное соотношение конфликтов из-за барщины и поборов натурой. Но следует учесть, что барщина в абсолютном размере выросла незначительно, а в относительном размере это увеличение было незаметным. Натуральные же повинности сильно выросли, в некоторых хозяйствах отдельные оброчные статьи увеличились в пять раз. В советской историографии бытовала идея, что в средние века из крестьян легче было «выколотить» непосредственный труд, чем увеличить оброк. Поэтому, на наш взгляд, протест фарсаглагов вызывался повышением оброка.

[26] Формы и размер повинностей у разных владельцев Кануковых отличались [также как и у Дударовых]. Это видно из сопоставления данных сборника адатов Норденстренга с материалами сословных комитетов (*Леонтович* 1883, сс. 12-14). Например, в «Докладной записке доверенного от фамилии Кануковой, поручика Касполата Канукова в комитет по личным и поземельным правам туземцев Военно-Осетинского округа» [19 июля 1859 г.] сказано: «Предки фамилии Кануковой некогда занимали землю в горах называемую Кобанской, и если кто из пришельцев спросит дозволения поселиться на их земле, и они согласятся принять его под свое покровительство, то пришелец первый раз должен заплатить одну корову, затем по истечении года он платит [и выполняет работы – Ф. Г.] владельцам земли следующее: весною пашет один день земли [хозяина аула – Ф. Г.], дает маленького барана, осенью дает копну сена, большого барана и семимерный куль хлеба; кроме этого, когда случается праздник религии владельцев, то каждый пришелец приносит ему часть из своих домашних продуктов, и в заключение он обязан раз в год давать под съезд лошадь. И это продолжалось много лет» (*ЦГА РСО-А*, ф. 291, оп. 1, д. 2, лл. 72-72 об.).

После основания представителями Кануковых аула на р. Гизель «пришельцы на эту землю платили им [основателям аула – Ф. Г.]: весною один день пахоты, во время сенокоса один день косить, осенью отдать 1 руб. сер. и одну копну сена, а во время праздника то же, что платили и в Кобани» (*там же*, лл. 72 об.-73).

Как видно, структура и размер повинностей, вносимых зависимым населением в пользу родственников Касполата Канукова, отличались в разных местах Тагаурского общества, контролируемых алдарами Кануковыми.

[27] В «Прошении» от 23 апреля 1849 г. Караша Дударова начальнику Владикавказского военного округа генерал-майору Ильинскому говорится: «По прошению жителя нашего аула фарсалака Бидарова, Вашим Превосходительством разрешено было переселиться ему в станицу Ардон, но фарсалаки, переселяясь из Аула Алдар в другое место жительства, имели право забирать с собой только скот, хлеб и все движимое имущество, а строение

оставалось в пользу Владельцев; посему при переселении Бдаровых объявлено было мною о намерении Бдаровых перевезти строение их с собою». Исполняющий обязанности пристава горских народов, к которому обратился К. Дударов, объявил обеим сторонам, чтобы они дождались решения Ильинского. «Ныне же Бидаровы вопреки приказания исправляющего должность пристава Горских народов, тайным образом и в ночное время перевезли на место нового жительства своего, без изъятия, все строение не дождавшись решения» Ильинского. Караш просил у Начальника Владикавказского округа «истребовать с Бдарова упомянутое строение, перевезенное им Бидаровым на новое место жительства, дабы не лишать меня [К. Дударова] также прав, которые охраняются у нас и по настоящее времена … если бы Бидаровы имели право воспользоваться строением, то не перевезли бы оное в ночное время и тайно» (*ЦГА РСО-А*, ф. 233, оп. 1, д. 5, лл. 12 об.-13).

В «Прошении поверенных осетинского общества начальнику округа Ильинскому» [от 19 апреля 1849 г.] дискуссия вокруг правомочности поступка Бидаровых продолжилась. «С Вашего разрешения, – по словам поверенных, – Заурбек Бидаров, спасаясь от притеснений Дударовых, переселился в Ардон. Когда он собирался перевозить свою саклю, «то Тагаурец Караш Икаров сын Дударов разобранный и положенный на арбы материал и прочее строение с прочими того аула жителями выпряг быков, с арбами оставил, и не дал, говоря, что все то за переселение должно, якобы, остаться». Но т.к. материал, лес для постройки жилья, наконец, сама работа «по возведению дома принадлежала Бидарову, то сакля должна быть его». Прошение подписали: Хамурза Албегов, Тучин Галаев, Гади Кадиев, Цуки Козырев, Куса Касаев и Сослан Хосаонов» (*там же*, лл. 16-17).

Дискуссия вокруг строений Бидарова на этом не завершилась. «Прошение Иналовой деревни Ильинскому» [4 мая 1849 г.] содержит интересные сведения по этому «делу». Крестьяне, переселившиеся отсюда «по некоторым обстоятельствам в деревни Заманкульскую, Эльхотовскую и Батако-Юртовскую, забирали свое строение, дворовую ограду и вообще все свои пожитки как

свою собственность» (*там же*, лл. 18-18 об.). Крестьяне привели еще один пример: «у помошника пристава Беслана Тулатова [основателя Беслана] было до 100 дворов фарсаглагов, но при переселении на другое место у них ничего не отняли» (*там же*, с. 19).

Тагаурский алдар, гвардии поручик Магомет Дударов, по словам общинников аула, стал «распространять над нами [крестьянами – Ф. Г.] власть свою», требовать, чтобы сельчане «в виде подати производили ему работу, соответственную только подвластным людям… в настоящее время удержал у переселившегося из нашей деревни на Ардон… Бидарова все строение которых приобретено ими собственными трудами» (*там же*, л. 18 об.).

В результате активной переписки между генералом Ильинским, поверенных от Тагаурских алдаров и жителями «Иналовой деревни вольных фарсаглаг» собралось весьма «пухлое» дело, но однозначное решение так и не было принято.

[28] Как уже отмечалось, малочисленную группу фарсаглагов составляли зажиточные крестьяне, обладавшие довольно значительной земельной собственностью, большими стадами. Земельная собственность фарсаглагов Кусовых, Козровых, Дзгоевых, Бугуловых и др. не уступала по своим размерам владениям иных алдаров. Фидаровы и Кусовы, например, жили в горном ауле Саниба, пользовались землями наравне с алдарами Есеновыми и Алдатовыми, «никто из этих фамилий один к другому не имеет никаких преимуществ». Пахотные, сенокосные и пастбищные земли имели Бзаровы в ауле Генал (*там же*, ф. 224, оп. 1, д. 3, л. 116 об.; д. 10, лл. 1, 13, 15).

Зажиточные фарсаглаги владели табунами лошадей, крупного рогатого скота, овец. У Козровых, Кусовых и Дзгоевых, живших на урочище Кардиусар, водном из набегов «угнали целый табун лошадей», в другом случае у Кусовых угнали «до ста штук рогатого скота и лошадей» (*там же*, д. 3, л. 18). Всего же за первые 15 лет жизни на урочище [1818-1832 гг.] крестьяне потеряли до 3000 голов скота, более 6000 стогов сена (*там же*, ф. 262, оп. 1, д. 111, л. 114). В распоряжении крестьянской верхушки находились и крупные наличные суммы. Например, прапорщик Берд Кусов [служивший под началом генерала Фази и погибший в 1836 г.]

на имя своих сыновей, Пшенахо и Заурбека, в Сохранную казну в Москве положил 3165 руб. (*там же*, ф. 224, оп. 1, д. 10, л. 39).

В хозяйстве богатых фарсаглагов использовался труд кавдасардов и рабов. По адату только привилегированные сословия могли владеть кавдасардами. Но жизнь ломала вековые традиции и вносила коррективы в нормы обычного права, нарушать которые зажиточных крестьян заставляла острая нужда в рабочих руках. В рассматриваемый период зажиточные фарсаглаги имели кавдасардов. По несколько семейств имели, например, А. Цериков, Н. Хаматов; у Томаевых было 36 кавдасардов мужского пола (*там же*, ф. 290, оп. 1, д. 2, лл. 103 об. – 104, 112, 120-121).

В 40-х – начале 50-х гг. XIX в. по инициативе местной администрации зажиточные крестьяне основали ряд т.н. «вольных» поселений, служивших барьером между Западным и Восточным театрами военных действий на Кавказе. В рапорте от 28 ноября 1845 г. генерал-лейтенанту Завадовскому комендант Владикавказа генерал-майор Нестеров подчеркнул *необходимость* создания крестьянских поселений на равнине: «тогда можно бы ручаться, что Шамилевы нарочные не ездили бы с Кубани в Чечню, что ныне, к сожалению, повторяется очень часто» (*НА СОИГСИ*, ф. 16, оп. 1, д. 3, л. 23).

[29] Возможно здесь мы имеем дело с отголоском средневековой практики «призвания князей». Она имела широкое хождение в древних и средневековых обществах. Множество примеров «призвания князей» знает история Древней Руси. Из сообщений летописца «о появлении Ивана Ростиславича в Галиче зимой 1145 г. можно сделать вывод» о его *приглашении* горожанами, Галицким вече. Другой пример – решение киевского веча, которое «позвало в князья Изяслава Мстиславича, внука Мономаха, заявив ему: «Ты наш князь, поиди [в Киев – Н. К.], Олговичев не хоцим»… Этими словами вече настаивала на своем праве выбирать себе князей». На инициативы киевского веча в «призвании князя» ссылались и неудачливые претенденты на престол (*Котляр* 2006, сс. 250-251).

Один из последних примеров на эту тему – сборник ежегодника «Древнейшие государства Восточной Европы. 2005 год. Рюриковичи и Российская государственность», вышедший в 2008 г.

Для темы «призвание князей» особенно близки статьи Е. В. Пчелова, В. А. Петрухина, Е. А. Мельниковой, Н. Ф. Котляра и др.

Рассматриваемая практика применялась и на Северном Кавказе. Еще в 1065 г. свергнутый с престола Дербента эмир Абдалмалик нашел убежище в Хайдаке. В 1070 г. «*народ* ал-Баба снова признал эмира Абдалмалика из Хайдака; его привезли в город [баллад], *вручили ему власть*, и он стал *сражаться* [курсив мой – Ф. Г] с ширванцами». Но через 5 лет его вновь изгнали (*История Дагестана* 2004, сс. 197-198).

В Прошении 1845 г. алдары отметили: «Без защиты и покровительства фамилий происходящих от родоначальника нашего Тагаура, фарсалаги в прежние времена существовать не могли» (*ЦГА РСО-А*, ф. 233, оп. 1, д. 3, лл. 15 об. – 16).

По заявлению жителей магала Уцури, их социум был слаб, подвергался частым нападениям знати Сюрги и Кайтага. Желая обезопасить свои границы, уцурийцы прибегли к помощи уцмия. За это последний получал от населения покровительствуемых аулов дань [или налог]. Местом постоянного пребывания уцмия являлся аул Башлы. Башлинцы смотрели на уцмия, как на своего «предводителя и защитника как от внешних врагов, так и от внутренних». По их понятиям, «поддерживание внутреннего порядка и преследование злонамеренных людей лежало на обязанности уцмия,… общество отдавало в его распоряжение всех своих тулганов [земскую стражу]». По словам самих башлинцев, за то, что уцмий «держал наше знамя, защищал нас от внешних врагов и поддерживал внутренний порядок, пользовался правом на некоторых общественных землях в известное время года пасти свои стада или отдавать их под пастьбу посторонним лицам за плату в свою пользу… Кроме сего в пользу уцмия поступала половина штрафа, взыскивавшегося с жителей за убийство, воровство, увоз женщин». Бывало, что башлинцы, недовольные деятельностью и поведением уцмия, «изгоняли его из своего селения» (*ФОД*, сс. 220-221).

Примерно в XVII в. нижнедженгутаевцы пригласили родоначальника мехтулинских князей для управления своим аулом. «Но пришедший князь требовал содержание, – сказано в документе.

– Тогда наши деды, помимо других пособий, оказываемых своим правителям, дали им кутаны Аданак, Юхари-кутан, Идакум, Парнакси, Урута, доходы от которых служили вознаграждением за их попечение в интересах аула, которое выражалось в том, что *князья должны были учинить суд и расправу тяжб в самом ауле и предводительствовать ополчением аула в сражениях и стычках с соседями*» (*Гаджиев* 1988, сс. 161-162).

Народные предания рисуют картину «призвания» кабардинских князей. Мисостовы, Джембулатовы и Атажукины были призваны «для охранения… от насилия… с каждой упомянутой фамилии кабардинских князей на три года [выбирали] по одному князю, которые кроме такового охранения обязаны были провожать ездящих по своим надобностям в разные места и отыскивать у них кем-либо только похищенное или явно отнятое, за каковое трехлетнее охранение от всяких насилий и обид платили поименованным трем князьям 1500 баранов и 100 штук рогатого скота; и сверх того, кто из них умел лучше их охранять, тому по просьбе его давалось особое уважение, да сверх того давали старшему князю всей Кабарды, которой бы он фамилии ни был, с каждого дома по одному барану» (*Кожев* 2005, с. 134).

Аналогичная практика бытовала и в других регионах Северного Кавказа. Часть балкарских таубиев, наследников Мысака, первоначально поселилась отдельно от своих соплеменников. «Предание говорит, что балкарцы изъявили согласие признать его своим таубием, если он покорит/туземцев. Ему с дружиной удалось это сделать, и он стал пользоваться среди балкарцев значительным влиянием. Затем Мысака снова отправился к маджарам и привел оттуда с собою своего ленного властителя Басиата, при котором Мысака в Маджарии состоял узденем» (*Миллер и Ковалевский* 1884, с. 554).

В своих ущельях балкарские таубии «обладали большими политическими правами. Члены этих фамилий стояли во главе соседских общин, были их покровителями и фактически руководителями». В условиях бесконечных столкновений соседних социумов на первом плане стояла способность претендента на «призвание» обеспечить безопасность населения. От умения та-

убиев «организовать отпор неприятелю, оградить жителей от набегов зависели спокойствие и благополучие общества». Это способствовало росту авторитета балкарской знати (*Битова* 2005, сс. 142-143).

Роль военного фактора в становлении у алан новой аристократии иллюстрируется устными и письменными источниками. В этой связи интересно указание «Памятника эриставов» [завершена в начале XV в.] на причины возвышения Бибилури [аланских князей] – осуществление ими военного руководства: «если куда предпринимались походы, [они] становились предводителями сражавшихся и не находилось никого, кто [мог бы сразиться] в единоборстве с Ростомом [родоначальником аланской ветви ксанских эриставов – Ф. Г.]. И возлюбил его весь народ цхразмисхевский». Устная традиция осетин возвышение привилегированных слоев также связывает с исполнением общественных функций – охраной общества от внешней опасности и организацией грабительских походов (*Гутнов* 2001, сс. 179-198).

В позднее средневековье, как можно судить из «Описания кабардинского народа 1748 г.», «владельцы их весною и в осень, во время сева и собирания хлеба выезжают на поле и прикрывают работу своих подданных» (*КРО,* т. II, с. 160). Вероятно, об этой же практике кабардинские князья сообщали П. С. Потемкину в письме конца августа 1787 г. В нем содержалась просьба князей об отсрочке сбора войска, ибо «ныне узденья… каждой находятся у своих хлебов и стараются оные поскорее собрать» (*Кажаров* 1993, сс. 30-31). В данном случае слово *собрать* не следует понимать прямолинейно и связывать его с феодалами. Очевидно, они «у своих хлебов» находились для охраны крестьян.

По источникам XVIII в., «владельцы… весною и в осень во время сева и собирания хлеба выезжают в поле и прикрывают работы своих подданных» (*Гаджиев* 1979, с. 52).

В завершенной в 1812 г. книге С. М. Броневский писал: «Во время жатвы и сенокоса князья разъезжают по полям вооруженные, как для надзирания за сельскими работами, так и для прикрытия работников и живут месяца по два в лагерях [кошах] со всею воинскою осторожностью» (*Броневский* 1999, с. 192).

И. Бларамберг в 1834 г. отметил ту же особенность у черкесов: «Во время уборки урожая и сенокоса князья и дворяне, вооруженные до зубов, объезжают верхом свои поля как для того, чтобы проследить за работами, так и для того, чтобы защитить своих крестьян; в течение месяца или двух они остаются в полях, принимая всевозможные военные предосторожности» (*Бларамберг* 2005, сс. 140-141).

У западных адыгов князь «почитается владельцем покровительствуемых им аулов и земель им принадлежащих, обязан оные защищать и оберегать» (*Леонтович* 1882, с. 120).

По собранным в 1825 г. сведениям «Ингуши, Назраны, Карабулаки ежегодно платят по очереди Кабардинским князьям по рублю серебром с дома, и тот князь, который получит те деньги должен весь год от обид их защищать и дает для того человека, сей во всем довольствии состоит от них же с лошадью, ему же еще дают несколько и платы за сохранение их» (*ЦГА РСО-А*, ф. 233, оп. 1, д. 4, лл. 7-7 об.).

Феодалы контролировали производственные процессы, на что указывают данные этнографии. Так, у кабардинцев начало пахоты санкционировалось владельцем аула. В случае нарушения этого правила даже всеми крестьянами общины следовало строгое наказание. Фольклор кабардинцев сохранил указание на это. В историческом предании «Прерванная пахота» повествуется о том, как *пши* [князь] Шабатуко отправился в набег и долго не возвращался. Жители его селения, вышли «на пахоту, *не дождавшись дозволения пши*». Князь неожиданно вернулся и пришел в ярость от самовольного поступка крестьян. Погнав их в селение, Шабатуко запретил им начинать пахоту, пока они не построят ему «сарай с двойной дверью». В поисках защиты крестьяне отправили двух выбранных ходоков к соседнему князю с просьбой повлиять на Шабатуко и попросить его отсрочить на неделю постройку сарая, тем самым предоставить общинникам возможность завершить пахотные работы. Однако владелец села в резкой форме отверг посредничество соседа, назвав его «собачьим отродьем». Позднее оскорбленный сосед убил в поединке Шабатуко (*Кажаров* 1993, сс. 34-45).

Зависимая от алдаров Дзантиевых часть населения Каккадура «без дозволения Жантиевых» не могла «приступать к уборке земли, хлебов и сена» (*ЦГА РСО-А*, ф. 291, оп. 1, д. 9, л. 390).

[30] На Северном Кавказе основной формой брака являлась купля-продажа невесты. Брак «у горцев был и теперь еще есть, – писал в конце XIX в. Л. В. Малинин, – простой акт купли-продажи, простое договорное условие коммерческого характера» (*Малинин* 1890, с. 34.). По мнению Ковалевского, горцы смотрели «на женщину, как на имущество» и рабочую силу. Поэтому и после смерти мужа вдова не могла распорядиться своей судьбой. «Участвуя в платеже калыма, семья не соглашается потерять во вдове рабочую силу, приобретенную на ее собственные средства» (*Ковалевский* 1885, сс. 322-323). Данный момент нашел отражение даже в уголовном праве осетин. Так, в случае бегства убийцы феодала, все имущество ответчика, *исключая жену*, поступало в распоряжение родственников убитого (*Дубровин* 1871. Т. 1. Кн. 1, с. 360).

Выкупной брак предполагал уплату калыма за невесту. Малинин рассматривал плату за невесту, как денежную пеню, заменявшую право мести т.к., по его убеждению, до появления калыма невест крали, а это вело к кровной мести (*Малинин* 1890, сс. 22-23). В трактовке И. Карачайлы калым – «материальное обеспечение мужчиной женщины, женихом невесты на тот случай, если бы они не сошлись характером, если бы оказалось, что им надо разводиться» (*Карачайлы* 1924, с. 20).

Суть выкупного брака на феодальном Северном Кавказе заключалась, в первую очередь, в приобретении жены-работницы. В Осетии институт «именных жен» служил этим целям (*Гакстгаузен* 1857. Ч. 1, с. 105; *Грабовский* 1869, с. 12; *Малинин* 1890, с. 27; *Линден* 1916, с. 265). «Именные» жены и их дети составляли зависимое сословие и выполняли черновую работу в хозяйстве феодалов (*Освобождение* 1868, с. 44; *Баев* 1869. № 6; *Леонтович* 1883, с. 15; *Хетагуров* 1960. Т. IV, с. 320). Если же учесть, что и в крестьянских дворах жен также рассматривали как рабочую силу, то вывод о выкупном браке, как о средстве приобретения рабочей силы [не исключая других целей, например, для продолжения рода], представляется наиболее вероятным.

Калым служил своеобразным индикатором «достоинства крови» и не был одинаков у различных классов и в разных обществах. Так, у тагаурских, куртатинских и алагирских влиятельных фамилий Осетии плата за невесту доходила до 1000 руб. серебром или 100 быков (*Малинин* 1890, сс. 25, 28; *Шанаев* 1870, с. 13; *Гаглоиті* 1974, с. 114). У уазданлагов [«благородных людей»] Нарской котловины Осетии размер ирада [калыма] составлял 100 коров, причем непременно скотом отдавалась пятая часть, а остальное – пашнями, оружием, медными предметами и т.д. Ирад крестьян колебался в пределах 25-30 коров (*Хетагуров* 1960. Т. IV, с. 369). Балкарские таубии, помимо дорогих подарков родным невесты платили от 700 до 1000 руб. серебром, а знатный род Урусбиевых – 1500 руб.; «лица простого сословия – не свыше 300 руб.» (*Грабовский* 1869, сс. 14-15; *Малинин* 1890, с. 30). Как владельцы аулов, горские феодалы получали определенную часть из крестьянского калыма. В то же время на свадьбу феодала крестьяне делали «подарки» – по барану со двора (*ЦГА РСО*-А, ф. 291, д. 2, лл. 59 об. – 61; Грабовский 1869, с. 18).

[31] По нормам обычного права, кавдасарды имели право владеть землею, «приобретенною *покупкою* или полученною по наследству» (*Леонтович* 1883, с. 15). Фиксация нормами обычного права возможности покупки земли кавдасардами свидетельствует о том, что таковые сделки не были единичными. Иногда крестьяне покупали участки даже у своих феодалов. Так, в 1865 г. алдар Кануко Кануков продал своему кавдасарду Дудару «пахотные и сенокосные земли, находящиеся в ауле Кобань, называемые 1-я Вес Олмарта, 2 и 3 Олмарта Рахте, 4 Андыра, 5 Цадыфаз, 6 Сакадах, 7 Олдра, 8 Воикнарс, 9 Мамайнук, 10 Рабын, каменный и деревянный дома, мельницу, части пастбищных мест, называемые Ху-Завт, Хос-Харан-рах, Ахсар-Завт, и лес ценою четыреста десять руб. сереб. И деньги получил сполна, после этого никто из моих родственников вступаться в оные земли и строения не должны, так и равно и я…» Сделка скреплялась «Подпиской», данной Дударуку бывшим владельцем и его родственниками, «Удостоверением» управляющего Тагауро- Куртатинским участком и «Свидетельством» об этой покупке, подписанного предсе-

дателем народного суда Осетинского округа, депутатами от крестьян, алдаров и баделятов (*НА СОИГСИ*, ф. 16, д. 3, лл. 118-126).

Покупка земельных участков свидетельствует о больших возможностях хозяйства кавдасардов. Один из них, по имени Савцук, принадлежавший юнкеру Джатиеву, имел 14 загонов земли, 2 быков, 14 коров, лошадь, ишака, 5 овец (*Викторов* 1939, с. 63). После присоединения Северной Осетии к России, особенно с начала XIX в., хозяйство части кавдасардов стало ориентироваться на рынок. Торговля приносила определенный доход крестьянам. Некоторые из них даже выкупались на волю. В 1845 г. Габуза, Хазби и Али Атаевы за 500 рублей серебром выкупились на волю. В выданном им свидетельстве их бывший владелец Эльмурза Абисалов обязывался впредь не иметь с ними никаких отношений, «окроме родственнического» (*ЦГА РСО-А*, ф. 290, д. 6, л. 10-10 об.).

ПРИЛОЖЕНИЯ

Приложение № 1

Докладная записка об осетинских кавдасардах

«Кавдасард [в буквальном значении слова, *рожденный в яслях*] происходит от женщины свободного и несвободного состояния, отданной за калым несколько выше обычного между тагаурцами в номилус [именная жена]; причем, однако, соблюдаются свадебные и брачные обряды. Такого рода браки, совершаемые алдарами и фарсаглагами, не противные магометанской религии, существуют под разными наименованиями между племенами осетинского происхождения, и, надо полагать, что допущены они по дороговизне и редкости рабов в Осетии, почему знатные и богатые люди подобного рода браками приобретали себе в дом рабочие руки для таких работ, кои казались не свойственными женщинам высшего происхождения.

Дома осетин исстари строились так, что под одну крышу ставили хозяйскую саклю, конюшню и службы, которые разделялись одними общими сенями; номилус, исполнявшая черные работы, занимала часть, определенную для слуг и конюшни, а старшая жена помещалась собственно в доме. Вот откуда ведет свое название кавдасард. По малой определенности прав и обычаев осетинского племени, искаженных ими самими со времени водворения на Северном Кавказе русского владычества, – отношения различных сословий между осетинами очень темны и, что касается до кавдасардов, нам неизвестны.

Малолетние кавдасарды росли в доме, в котором они родились при матери или без нее вместе с детьми старшей жены хозяина дома, которых они называли братьями и старшими сестрами. Эта же родственная связь проявлялась и в дальнейшей жизни, оставался ли кавдасард в доме старшего брата, или жил особым домом. Кавдасард мстил за старшего брата, был ли он алдар или

фарсаглаг, – все равно; точно так же, как сей последний мстил за своего меньшего, кавдасарда. Так было, в прежние годы; с изменением же общественного положения тагаурцев, получивших только при нашем правительстве наименование алдар, имело влияние и на отношение их к своим кавдасардам, явилась полная вражда, вследствие того, что кавдасарды обращались до третьего и четвертого поколения в зависимых людей, весьма близких к состоянию рабов, и выйти из этой зависимости от сильных и поддерживаемых самим начальством людей, – какими были алдары, стоило кавдасарду больших трудов.

Кавдасард, кроме редких случаев, при жизни алдара и даже фарсаглага, в доме которого он родился, от него не отделялся и, только при отказе женить кавдасарда, он оставлял дом своего алдара, требуя прямо себе части. Вообще отделу кавдасарда всячески препятствовали их названные родственники, и совершался он при посредстве медиаторов, что и понятно; ибо дом терял в кавдасардах рабочие руки.

За кровь кавдасарда платилось то же, что и за кровь свободного человека; кавдасард мог жениться и на свободной женщине, если он был в силах выплатить сообразный с ее положением калым.

При самой большой зависимости кавдасардов к тем лицам, в доме которых они рождены, что можно отнести к 20 и 30 годам текущего [XIX-го] столетия, зависимость эта все-таки не походила на зависимость раба к владельцу, а приближалась более, если можно так выразиться, к зависимости младшего бедного человека к богатому и сильному родственнику, и такие отношения продолжались до тех пор, пока жил кавдасард в доме, в котором родился; после смерти главы этого дома, кавдасард мог итти куда ему угодно, жить отдельно своим домом, и хотя случалось по большей части, что кавдасард услуживал наследникам умершего владельца, но услуги его были добровольные, а не обязательные, и за услуги свои он получал вознаграждение или подарки, или даже участие в сборах, которыми пользовались тагаурцы с проезжающих по Военно-Грузинской дороге.

Оставляя дом умершего алдара или фарсаглага, кавдасард получал на свое обзаведение часть из оставшегося от него

[алдара-Ф. Г.] имения, как земли, так и движимого имущества; размер этой части был весьма, впрочем, умеренный, ибо тагаурцы не имели большого хозяйства, обычаем народным никогда определен не был, а делалось это так, что приглашенные медиаторы [в этом посредничестве заслуживает внимания одна особенность, что число медиаторов из алдаров было одним человеком больше против числа медиаторов из других сословий; так, между 5 медиаторами допускалось 3 алдара и 2 из фарсаглагов или кавдасардов] определяли, что надлежало выделить кавдасарду, причем бралось в соображение состояние и численность семейства того лица, из дома которого отходил кавдасард.

Бывали примеры, что влиятельные люди не выпускали из домов своих отцов-владельцев, оставшихся после него кавдасардов, но такие случаи порождались насилием.

Нельзя отрицать и того, что алдары при жизни своей распоряжались кавдасардами как работниками, хотя в то же время и не отказывались от родственных с ними отношений; следовательно, зависимость последних к первым и в таком случае носила некоторым образом характер родства и кровной связи, хотя принятых нравами осетинского племени, но порицаемых другими соседними племенами; раз основавшись своими домами, кавдасарды пользовались правами свободного человека, хотя за ними и оставалось их родовое название кавдасардов.

Кавдасарды, поселившиеся своими домами, никакой поземельной повинности не платили своим старшим братьям алдарам, потому что жили на своей собственной земле, доставшейся им в наследство от тех алдаров. в домах которых они родились, или им подаренной за служение алдарам. Поземельную повинность кавдасарды платили только в тех случаях, если с обоюдного согласия на земле алдара поселялись чуждые ему кавдасарды, но и это случалось довольно редко и только в фамилии Дударовых, пользовавшихся обширными землями, следовательно, обязательных повинностей у кавдасардов в сущности, не было, кроме добровольных приношений из видов расположить в свою пользу алдара, как влиятельного человека, более известного соседям и начальству.

Предмет спора между кавдасардами и теми, кои простирают на них притязания, заключается в том, что кавдасарды доказывают обязательное свое отношение к лицу или лучше к владельцу дома, в котором они родились, прекращающимся со смертью этого лица или владельца, между тем как эти последние присваивают право владения кавдасардами в течение 3 поколений; по показаниям же фарсаглагов – продолжительность времени зависимости кавдасарда зависела от степени значения, силы и умения владельца подчинить себе составившееся у него в доме семейство кавдасарда.

По всей вероятности, таковое определение есть наиболее подходящее к истине, следовательно, срок зависимости кавдасарда – есть прямое следствие насилия и общественного беспорядка, уничтожаемого не только правительственною волею, но и самим обычаем удержать кавдасарда силою. Взяв за основание такие особенности народного быта в Осетии, я не нахожу со своей стороны препятствия к решению этого вопроса, а именно:

С обнародованием на Северном Кавказе личной свободы всем зависимым сословиям, кавдасарды сами собой должны быть включены в категорию таких зависимых с тем, что взрослые из этого сословия, если пожелают, могут или оставаться в домах тех людей, у которых они рождены, считаясь свободными, или отойти от них, получив по определению, согласно существующего доселе обычая, некоторое вознаграждение от своих домохозяев за те услуги, кои они успели оказать в предшествовавшее время. Малолетние кавдасарды должны считаться свободными без всякого вознаграждения со стороны домохозяев и быть обеспечены правительством в средствах к жизни, так как родители их, состоявшие из одних матерей, не имеют сами никаких средств существования, кроме возможности труда в домах своих родственников или по найму.

Если бы случилось, что домохозяева пожелали бы принять в свое семейство приемышами малолетних кавдасардов, в особенности сирот, у них рожденных и теперь проживающих, то дозволить им это, с обязательством не удерживать этих сирот силою по достижении ими возраста, но и не обязывать делать им какое-ли-

бо вознаграждение, так как кавдасард в таком случае пользовался содержанием в то время, когда услуги его не могли быть значительными.

Номылус с прижитыми ею детьми предоставить право возвратиться к своим родственникам с уплатой своему именному мужу или домовладельцу установленной обычаем цены, именно 50 рублей, что, по мнению моему, охотно будет исполняться родственниками, которые таким установлением за 50 рублей, выплачиваемых скотом или другими предметами, приобретают в дом рабочие руки, и, согласно мнению начальника Осетинского округа, полагаю необходимым воспретить жителям этого округа отдавать дочерей своих в номылус, как обыкновение безнравственное и нетерпимое нашими законами и человеческою совестью.

Коллежский советник Кодзоков».

(*Кокиев* 1940, сс. 126-129).

Приложение № 2

Рапорт начальника Осетинского округа от 21-VII 1866 г. начальнику Терской области «Об осетинских кавдасардах и их отношениях к местным феодалам»

«Вопрос о правах и отношениях кавдасардов к их владельцам неоднократно обращал на себя внимание ближайшего начальства, но все попытки к удовлетворительному разрешению этого вопроса при предместниках моих [что можно усмотреть из дел, хранящихся в комиссии по разбору прав туземцев] не имели успеха отчасти, вероятно, по необыкновенной запутанности прав и отношений кавдасардов к их владельцам, отчасти же, по моему мнению, оттого, что единственный способ для уяснения сего вопроса, заключающегося в снятии показаний от самих туземцев, для приведения их к общему соглашению, не исполним по полному отсутствию искренности и правдивости их во всяком деле, где замешан их личный интерес, где к открытию истины не

существует никаких документов и, как во всяком неправом деле, обе стороны стремятся только к тому, чтобы, пользуясь запутанностью обстоятельств, продлить существующий, но уже отживающий порядок вещей.

Однако, до настоящего времени, не находя другого способа для разъяснения кавдасардского вопроса, как вышеизложенный, т.е. отобрание показаний от самих владеющих кавдасардами, я еще раз обратился к нему, но и эта попытка не имела желательного успеха. По моему распоряжению выборные народом депутаты из сословий: алдар, фарсаглагов и кавдасардов, после продолжительных между собой толков и горячих споров, единогласно мне объявили, что они ни к какому соглашению не пришли и притти не могут, при чем добавили, что вопрос, подобный кавдасардскому, отданный на обсуждение самих туземцев, только увеличивает старые и порождает новые между ними распри и неудовольствия и что, наконец, пусть лучше само начальство определит права их и отношения к кавдасардам.

Предположение мое отобрать показания депутатов под присягой тоже осталось безуспешно, так как сами же депутаты откровенно сознавали, что исходом дела неизбежно будет ложная присяга, и при таких доводах я не счел себя вправе настаивать на ней.

Чтобы, наконец, достичь какого-нибудь результата, я предложил депутатам дать показания свои, и таковые в копии при сем прилагаю.

Можно усмотреть из этих показаний, что алдары присваивают себе право владения кавдасардами в 3 поколениях, считая от первого владельца, приобретшего кавдасардов; депутаты кавдасардов право это ограничивают смертью первого владельца; по показаниям же фарсаглагов, продолжительность времени владения кавдасардами зависела от права сильного и от умения владельца подчинить своему влиянию живущее у него семейство кавдасардов.

Теперь же уничтожать совершенно кавдасардство невозможно, но поставить в более ясное отношение кавдасардских детей к их родителям, очеловечить право их, словом, принять участие в судьбе кавдасардов, есть конечно, прямой долг правительства,

долг тем более удобоисполнимый и легкий, что в данном случае власти нисколько не представится итти наперекор коренного народного права, так как долгосрочность владения кавдасардами порождена только правом сильного и общественной неурядицей прошлых времен.

Сообщая все вышеизложенное, я прихожу к твердому убеждению, что теперь же необходимо поставить правилом следующее:

Во-первых, чтоб кавдасарды со смертью своего первого владельца и с наступлением совершеннолетия своего получали бы право на полную свободу.

Во-вторых, чтобы, получив свободу, они пользовались бы землей на плоскости на общинном праве, а в горах наделом известной части бывших владельцев, из имуществ же своего владельца получали бы, по существующему уже обычаю, необходимую часть скота, домашней утвари и проч. по приговору медиаторов.

В-третьих, если за смертью владельца кавдасарды его остались малолетними, то до наступления их возмужалости назначить опеку, обязанность которой следить, чтобы наследники бывшего владельца содержали бы и кормили своих кавдасардов как следует.

В-четвертых, владелец, отдавая замуж свою кавдасардку, берет калым за нее себе, но в свою очередь обязан платить калым за невесту своего кавдасарда, которому при том не имеет права воспрещать жениться.

В-пятых, для прекращения распространения кавдасардства на будущее время воспретить всем туземцам вверенного мне округа отдавать дочерей в номилусы, а установить, чтобы дочери кавдасардов не выдавались опять в кавдасардки, а выходили замуж за свободных людей.

Наконец, в-шестых, отменить совершенно обычай, существующий в некоторых обществах, по которому заплативший за номилус двойной калым присваивает в холопство как ее, так и происшедшее от нее потомство.

Начальник округа полковник Эглау».

(*Кокиев* 1940, сс. 121-123).

Приложение № 3

ПРОЕКТ РЕШЕНИЯ СОСЛОВНОГО И ПОЗЕМЕЛЬНОГО ВОПРОСА В ОСЕТИНС КОМ О КРУГЕ, СОСТАВЛЕННЫЙ МАЙОРОМ КРАСНИЦКИМ. 1859 г.

«Положения общие

§ I. Народонаселение туземцев Осетинскаго округа разделяется на общества: а) Дигорское, б) Тагаурское, в) Алагирское, г) Куртатинское, д) Нарское, е) Мамисонское, ж) Закинское и з) Зрукское.

Общество Дигорское подразделяется па собственно Дигорское, Стурдигорское, Донифарское и Лесгорское. Алагирское общество состоит из обществ Сидамонского, Кусагонского и Царазонского. В Куртатинском обществе есть небольшое отдельное общество Цимитинское.

§ 2. Все туземцы Осетинскаго округа, по различию прав состояния, делятся па четыре разряда: к 1-му принадлежат Дигорские бадилята, Тагаурские алдары и Стурдигорские царгасата; ко 2-му старшины Алагирские и Куртатинские, Нарские, Мамисонские, Закинские и Зрукские, и Донифарские гагуата; к 3-му Дигорские вес-доны, кумиаки и хехесы, Тагаурские кавдасарды и фарсалаги, и все свободные люди Куртатинского, Цимитинского, Лесгорского, Донифарского, Алагирского, Нарского, Мамисонского, Закинского и Зругского обществ; к 4-му крепостные люди или холопы всех вообще Осетинских обществ.

Бадилятами называются лица высшего сословия в Дигории; царгасатами те же лица в Стурдигории и алдарами те же лица в Тагаурии, Кумиаки в Дигории и кавдасарды и Тагаурии называются лица, происшедшие от именных жен (т.е. побочных) лиц высшего сословия. Хехесами в Дигории и фарсагами в Тагаурии называются потомки переселенцев в эти общества из других обществ.

Права общие личные

§ 3. Все Осетины названных обществ, находясь под покровительством законов Империи, пользуются особыми правами на обычаях и постановлениях высшего начальства установленными.

В смысле ст. 1326, кн. 1, тома IX, закона о состояниях.

§ 4. Только достигшие совершеннолетия вступают в права состоянию их присвоенные.

В смысле ст. 4, кн. 1, тома IX, закона о состояниях.

§ 5. Осетины, без Высочайшего повеления, не могут быть обложены ни какими податями и казенными повинностями, за исключением подводной ныне ими отбываемой. Они также освобождаются от повинности рекрутской.

Там же, в смысле ст. 1213 и по предположению Комиссии сообразно местных обстоятельств.

§ 6. Никто из Осетин к состоянию 1-го и 2-го разрядов принадлежащих не имеет права требовать платы от лиц прочих состояний, никаких, у существовавших прежде по обычаям, в большей или меньшей степени личных повинностей и праздничных приношений.

По предположению Комиссии.

§ 7. Осетины также могут ходатайствовать о приписке к сословиям существующим в Империи, с соблюдением существующих на то постановлений.

В смысле ст. 1310, кн. I, тома IX, закона о состояниях.

§ 8. Никто из Осетин не может быть лишен прав состояния или ограничен в этих правах иначе как по суду за преступление.

В смысле ст. 9, там же.

§ 9. Лишение прав состояния не распространяется ни на жену осужденного ни на детей его рожденных уже или зачатых прежде сего осуждения, если они не участвовали в его преступлении. Они сохраняют свои права даже и в том случае когда последуют за осужденным.

Стат. 10, там же.

§ 10. Никакая давность не может служить препятствием для восстановления прав состояния, утерянных не преступлением, а в следствие каких-либо обстоятельств.

В смысле ст. 13, там же.

§ 11. Осетины всех состояний имеют право, споры и тяжбы между собою, по делам, не подлежащим суду по законам Империи, представлять разбору посредников (медиаторов).

В смысле § I, прилож. к ст. 339, об устройстве в казен. селен., том XII, часть II, уст. о город, и сельск. хозяйстве.

§ 12. За преступления и проступки Осетины подвергаются взысканию, на основании уложения о наказаниях, по обычаям и постановлениям местного начальства.

Сообразно постановлений и по местным обстоятельствам.

§ 13. Все Осетины, отличающиеся какими-либо похвальными действиями на пользу службы и отечества, могут быть удостаиваемы награды на основании общих положений.

В смысле ст. 1342, о состоянии инородцев, IX тома, закона о состояниях.

§ 14. Осетины без различия прав состояния, получившие на службе военной или гражданской чины или ордена, пользуются всеми правами, сопряженными с получением этих наград.

В смысле ст. 1353, там же.

§ 15. Если дед и отец Осетина состояли в службе и чинах, приносящих личное дворянство не менее 20 лет каждый, то сыну, по достижении 17 летнего возраста и поступлении равномерно в службу, дозволяется просить потомственного дворянства.

В смысле ст. 33, V тома, Свода воен. постановлений.

§ 16. Осетины без различия прав состояния могут всеми законными способами приобретать и отчуждать все без изъятия роды имуществ движимых и недвижимых.

В смысле ст. 653, IX тома, закона о состояниях.

Примечание 1-е. В Осетии, каждый имеющий средства, по обычаям имеет право владеть холопами, и лишить осетин этого права, без соблюдения постепенности, преждевременно, а потому на первый раз Комиссия находит необходимым дозволить владеть крепостными людьми тем, кто имеет их в настоящее время, запретив как им, так и всем прочим Осетинам, приобретать вновь крепостных людей. Право владения людьми, находящимися в настоящее время в крепостной зависимости, переходит только в прямом колене; когда же наследников в прямом колене нет, то крепостные люди получают свободу. Другие постановления, служащие постепенным переходом к уничтожению крепостного состояния, изложены ниже в главе о правах этого состояния.

Примечание 2-е. Желающим продать своих крепостных людей предоставляется право ходатайствовать о покупке их правительством, которое внеся деньги, может постепенно по раскладке взыскивать с купленного им и освобожденного от крепостной зависимости на пополнение истраченных сумм, ежегодную плату. Крепостных людей в Осетии мало и издержки на покупку их не могут быть значительными. Для отстранения же злоупотреблений по продаже крестьян в другие племена, с утверждения этого проекта, необходимо запретить продажу их из Осетии.

§ 17. Дозволяется всем Осетинам продавать везде и во всякое время свои изделия и скот; но при желании открыть постоянную торговлю, в городах и русских селениях, они подчиняются условиям существующим на этот предмет как общим, так и частным тех мест, где пожелают открыть торговлю.

В смысле ст. 1343, кн. 1, тома IX, закона о состояниях.

§ 18. Они также пользуются правом свободной выделки и продажи в аулах араки, пива и бузы; но при желании открыть торговлю ими, в городах и русских селениях, также подчиняются существующим на этот предмет постановлениям.

По предполож. Комиссии.

§ 19. Осетины всех состояний могут приобретать покупкою и строить дома в городах с подчинением правилам для этого установленным.

В смысле ст. 657, кн. I, IX тома, закона о состояниях.

§ 20. Дозволяется Осетинам входить, как между собою, так и между другими лицами, в обязательства по подрядам и другим условиям, согласно существующих на это постановлений.

Сообразно с постановлениями Империи.

§ 21. Каждый Осетин, владеющий имуществом на правах собственности, при разделе его между своими наследниками, может, сверх законов Империи, руководствоваться правами шариата и обычаями.

Примечание: Женщины, не имевшие до настоящего времени по обычаям никакого права на получение наследства, на будущее время получают это право, в размере, который должен быть опре-

делен особым положением по народному приговору и при содействии местного начальства.

По предположению Комиссии.

§ 22. Каждый Осетин, владеющий собственностью, имеет право завещать ее по духовному завещанию, письменному, или в самых крайних случаях словесному.

Примечание: По законам Империи словесные духовные завещания не действительны; но так как в Осетии весьма мало грамотных, то неизбежно допущение словесных завещаний, но с тем однако же, чтобы для отстранения злоупотреблений было составлено особое об них положение.

§ 23. Родители и восходящие родственники властны выделять детей своих и потомков, назначая им часть из своего имущества.

Стат. 994, кн. III, граждан, законов, том. X, части I.

§ 24. Дети не могут и по достижении совершеннолетия требовать от родителей выдела частей из имущества сим последним принадлежащего.

В смысле ст. 195, там же.

§ 25. Осетины, лишенные всех прав состояния, участвовать в получении наследства не могут.

В смысле ст. 1107, о наслед. по закону вообще, там же.

§ 26. Вследствие потери прав собственности по уголовному суду за преступления, все прежнее имущество осужденного в каторжную работу или в ссылку на поселение, со дня постановления и объявления ему окончательного о том приговора, поступает его законным наследникам точно так же как поступило бы после смерти естественной. К ним также поступает и всякое имущество, которое могло бы достаться виновному по наследству после его осуждения, если только на имении нет какого либо взыскания. Имущество сосланного в ссылку на время отдается в опеку.

В смысле ст. 11, кн. I, тома IX, зак. о состоянии.

Примечание: малолетний не может ни управлять непосредственно своим имением, ни распоряжаться им, ни отчуждать его по каким бы то ни было укреплениям, ни уполномочивать на то других, а именьем управляют на правах опекуна

или родители или родственники, или же, если их нет, то лицо по выбору общества.

В смысле статей об опеке и попечительстве над несовершеннолетними.

§ 27. Достигшие совершеннолетия вправе вступать во владение имением.

В смысле ст. 221, кн. I, X тома, части I, граждан, законов.

§ 28. Право на открывшееся наследство принадлежит наследникам с самой кончины владельца или же с объявления приговора о лишении его всех прав состояния.

В смысле ст. 1254, кн. III, час. I, X тома граждан, законов.

§ 29. Наследники властны принять или отречься от наследства.

В смысле ст. 1255, 1265 и 1266, там же.

§ 30. Кто отказался от наследства, тот не обязан платить долгов лежащих на наследстве.

В смысле ст. 1268, кн. 3, тома X, законов гражданских.

§ 31. Всякий Осетин имеет полное право приносить жалобу начальству на противозаконное нарушение прав его состояния и ходатайствовать о защите для восстановления отнятого у него не по закону права.

В смысле существующих постановлений.

§ 32. Дети Осетии без различия прав состояния могут быть принимаемы и обучаемы в общих уездных и приходских училищах, гимназиях, частных училищах, пансионах, университетах, академиях и других высших учебных заведениях.

По предположению Комиссии.

§ 33. Они так же могут, по особому усмотрению начальства, быть принимаемы для обучения в учебные фермы и училища садоводства при них учрежденный, а также в Кавказское училище виноделия.

На основании ст. 34, тома XII, устава о городском и сельском хозяйстве.

§ 34. Все Осетины имеют право добровольно поступать в службу военную и гражданскую и увольняться от оной на основании существующих постановлений и согласно прав состояния ниже этого определенных.

По смыслу ст. 188 и 189, IX тома, закона о состояниях.

§ 35. Различие вероисповедания и племени не препятствует определению на службу, если желающие вступить в оную имеют на это право по существующим постановлениям.

В смысле ст. 2, III тома Свода, законов о служ. гражданск.

§ 36. Всякий Осетин, желающий поступить на службу в регулярные войска, если не окончил курса в каком либо из учебных заведений, обязан выдержать по роду войск экзамен в науках; не выдержавший же экзамена принимается рядовым, хотя бы принадлежал и к состоянию высшему.

В смысле ст. 7, кн. I, части II, V тома Свода воен. постановлений.

§ 37. Осетины, которые по незнанию русского языка не в состоянии будут выдержать испытания в науках при поступлении на службу, подвергаются экзамену в последствии; при производстве же в офицеры войск иррегулярных обязаны знать хотя бы на столько русскую грамоту, чтобы могли прочесть скорописную бумагу и подписать свой чин и фамилию.

Согласно ст. 25 и 918, кн. 1, тома V. Свод. воен. постанов.

§ 38. Обучавшиеся в низших учебных заведениях, или не имеющие аттестатов учебных заведений, при поступлении на службу гражданскую по праву своего происхождения обязаны выдержать в том месте куда на службу определиться пожелают, предварительное испытание в основательном знании русского языка, грамматики, чистописания и арифметики.

В смысле ст. II и 12, кн. 1, III тома, граждан, законов.

§ 39. Окончившие курс в высших и средних учебных заведениях определяются на службу военную и гражданскую с правами предоставляемыми им ученой степенью, званием или самым аттестатом заведений, в которых обучались.

В смысле ст. 10, там же.

§ 40. Каждому из Осетин, какого бы он исповедания не был, дозволяется вступать в брак по закону исповедания, с соблюдением принятых обычаев.

В смысле ст. 90, кн. 1, X тома, граждан, законов.

§ 41. Лицам мужеского пола ранее 18-ти, а женского 16 лет от рождения, запрещается вступать в брак.

Ст. 3, кн. 1, X тома, граждан, законов.

§ 42. Запрещается родителям заключать по обычаю преждевременные условия о соединении браком их малолетних детей, по достижении совершеннолетия.

Согласно с распоряжением местного начальства.

§ 43. Запрещается вступать в брак с безумными и сумасшедшими.

Ст. 5, кн. I, X тома, граждан, законов.

§ 44. Никто из Осетин не имеет права увозить дочерей от родителей до вступления в супружество, по существующему обычаю.

По постановлению начальства.

§ 45. Запрещается Осетинам обычай брать женщин за калым в свои так называемые именные жены.

То же.

§ 46. Лицам, исповедующим христианство запрещается многоженство.

В смысле ст. 20, кн. I, X тома, граждан, законов.

§ 47. Жены лиц сосланных в ссылку, с лишением всех прав состояния, если не пожелают оставаться при своих мужьях, могут просить о расторжении брака и вступлении в другое супружество.

В смысле ст. 97, там же.

§ 48. Женам, мужья которых в течении 5 лет находятся в безвестном отсутствии, дозволяется просить разрешения о вступлении в другой брак.

Там же, ст. 54.

§ 49. Муж сообщает жене своей, если она по роду принадлежит к состоянию низшему, все права и преимущества, сопряженные с его состоянием, чином и званием.

Статья 100, там же.

Примечание: Правило это не распространяется на женщин до вступления в брак лишенных всех прав состояния за проступки.

§ 50. Жена именуется по званию мужа и не теряет права этого и тогда, когда он за преступление будет лишен прав своего состояния.

Статья 101, там же.

§ 51. Браком не составляется общего владения в имуществе супругов; каждый из них может иметь и вновь приобретать отдельную свою собственность.

Статья 109, там же.

§ 52. Все дети Осетин, рожденные в законном браке, признаются законными, хотя бы они родились: I) по естественному порядку, слишком рано от совершения брака, если только отец не отвергал законность их рождения; 2) по прекращению или расторжению брака, если только между днем рождения или днем смерти отца, или расторжения брака прошло не более 306 дней.

Статья 119, там же.

§ 53. Признаются незаконными: 1) дети Осетин, рожденные вне брака, хотя бы родители их и были в последствии сопряжены законным браком; 2) происшедшие от прелюбодеяния; 3) рожденные после смерти мужа, или расторжения брака, спустя более 306 дней; 4) рожденные в браке признанном незаконным.

В смысле ст. 132, там же.

§ 54. Дети Осетин, прижитые от именных жен (кавдасарды и кумаяки), до запрещения начальством содержать их, хотя по обычаям признаются законными детьми, но права на присвоение себе фамилии отца не имеют, а называются но имени его, и из наследства по смерти отца получают по обычаю меньшую часть противу детей от первой жены.

По обычаям и предположению Комиссии.

§ 55. Дети Осетин христиан, рожденные от именных жен после запрещения содержать их, хотя признаются незаконными, но установленной по обычаю доли при разделе наследства не лишаются.

То же.

Примечание: то же правило относится к мусульманам.

§ 56. Власть родительская, как по правам личным, так и поземельным, простирается на детей обоего пола и всякого возраста, с различием и в пределах, законами и обычаями установленных, одинаково для всех состояний и исповеданий.

В смысле ст. 164, кн I, X тома, граждан, законов.

Права личные Осетин I-го разряда.

§ 57. По правам состояния к 1-му разряду как сказано в § 2, принадлежат Дигорские бадилята, Стурдигорские царгасата и Тагаурские алдары, с сохранением этих названий.

§ 58. Права состояния 1-го разряда в Осетии приобретаются: 1-е) родом и 2-е) браком.

В смысле ст. 37, кн. 1, тома IX, закона о состояниях.

Примечание: Пожалованием, получением чинов и орденов, приобретается право не на присоединение к 1-му разряду состояния в Осетии, а согласно законов, одному из состояний Империи.

§ 59. Осетин 1-го разряда сообщает свое состояние всем законным его детям и потомкам обоего пола.

В смысле ст. 38, там же.

§ 60. Осетин 1-го разряда пользуется всеми правами и преимуществами своего звания, хотя бы он никогда в службе не состоял.

В смысле ст. 192, там же.

§ 61. На службе, в низших воинских и гражданских чинах, Осетины 1-го разряда сохраняют права тому состоянию присвоенные.

В смысле ст. 193, там же.

§ 62. Осетин 1-го разряда без суда не может быть лишен ни жизни ни права состояния.

В смыс. ст. 196 и 237, там же.

§ 63. Осетин 1-го разряда свободен от всякого телесного наказания, как по суду так и без суда, и во время содержания под стражею, без особого распоряжения начальства, власть не ниже Начальника отдела имеющего, не может быть закован в железа.

В смысле ст. 199, там же, с добавлением сообразно местных обстоятельств.

Примечание: женщины Осетинки, без различия прав состояния, свободны от телесного наказания.

§ 64. Осетины 1-го разряда, во время содержания в тюрьмах, свободны от употребления на работы общественные и по распоряжению Правительства назначаемые.

§ 65. Осетины 1-го разряда свободны навсегда от личных податей и рекрутской повинности.

В смысле ст. 200 и 201, там же.

§ 66. Осетин 1-го разряда, обладая недвижимою собственностью в городе, обязан исполнять все гражданские тягости наравне с городскими обывателями, но от личных податей и службы остается свободным.

В смысле ст. 202, там же.

§ 67. Осетин 1-го разряда допускается к подрядам и поставкам без записки в гильдию и без всякого за то платежа.

В смысле ст. 204, там же.

§ 68. Осетин 1-го разряда сообщает права своего состояния жене, несмотря на происхождение и брак предшествовавший, за исключением случая в § 49 означенного.

В смысле ст. 5 и 42, там же.

Примечание: права эти принадлежат также и вторым женам мусульман.

§ 69. Дочь Осетина 1-го разряда, выходя в замужество за лицо состояния низшего, сохраняет права своего состояния, но мужу и детям этого не сообщает. Вдова Осетина 1-го разряда, какого бы она ни была происхождения, сохраняет права состояния своего мужа даже и в том случае если в последствии выйдет замуж за лицо низшего состояния.

В смысле ст. 45, там же.

§ 70. Осетинам мусульманам, принадлежащим по правам состояния к 1-му разряду в Осетии, не имеющим детей от законных жен, дозволяется ходатайствовать о присвоении их фамилий и прав состояния их детям рожденным от именных жен до запрещения содержать их.

По предположению Комиссии.

Примечание: правило это относится и до Осетин 1-го разряда христиан.

§ 71. Дети Осетин 1-го разряда, кроме права на определение в воспитательные заведения в § 32 означенные, могут быть принимаемы в военно-учебные заведения.

По смысле ст. 1080 и 1175, кн. III, тома III, Свода, воен. постановл.

§ 72. Осетины 1-го разряда, желающие поступить в службу военную и гражданскую, по правам своего состояния принимаются на правах потомственных дворян Империи.

По предположению Комиссии.

Личные права Осетин 2-го разряда

§ 73. Ко 2-му разряду Осетин причисляются старшины Алагирские, Куртатинские, Нарские, Мамисонские, Закинские, Зрукские и Донифарские гагоаты (§ 2) с сохранением этих названий.

§ 74. Права Осетин 1-го разряда, означенные в §§ 58, 59, 60, 61, 62, 63, 64, 65, 66, 67, 68, 69 и 70 принадлежат также и Осетинам 2-го разряда.

§ 75. Осетин 2-го разряда допускается к подрядам и поставкам на правах личных дворян, т.е. не иначе как со взятием торгового свидетельства, соответственно откупной сумме.

По смыслу ст. 204, кн. 1, IX тома закона, о состояниях.

§ 76. Дети Осетин 2-го разряда могут быть принимаемы на воспитание в военно-учебные заведения, но в видах исключения по особому ходатайству местного начальства.

По предположению Комиссии.

§ 77. Осетины 2-го разряда, желающие поступить в службу военную, по правам своего состояния принимаются на правах вольноопределяющихся 1-го разряда.

То же.

§ 78. В службу гражданскую Осетины 2-го разряда принимаются по правам состояния канцелярскими служителями 2-го разряда.

То же.

Личные права Осетин 3-го разряда

§ 79. К 3-му разряду Осетин причисляются: Дигорские весдоны, кумиаки и хехесы, Тагаурские кавдасарды и фарсалаги, и все свободные люди [кроме старшин причисленных ко 2-му разряду] Куртатинского, Цимитинского, Лесгорского, Донифарского (кроме гагуат), Алагирского, Нарского, Мамисонского, Закинского и Зругского обществ.

§ 80. Осетины 3-го разряда сообщают права своего состояния своим детям.

В смысле ст. 642, кн. 1, IX тома, закона о состояниях.

§ 81. Сверх рождения и брака, к 3-му разряду причисляются в Осетии:

1а) Дети Осетин 1-го и 2-го разрядов, прижитые ими от именных жен. В разряд этот они поступают после смерти своих отпев и по получении определенной обычаем части из его наследства, именуясь кумиаками и кавдасардами.

б) Крепостные люди, выкупом или другим законным способом, получившие свободу, причем получают название вольноотпущенников.

На основании обычаев и по предположению Комиссии.

§ 82. Осетин 3-го разряда свободен от телесного наказания и по суду и без суда.

Предположение Комиссии.

§ 83. Каждый Осетин в 3-м разряде состоящий имеет право приобретать в собственность и отчуждать всеми законными способами: 1) ненаселенные земли; 2) дома в городах и селениях, с соблюдением существующих постановлений.

По смыслу ст. 653, кн. 1, IX тома, закона о состояниях.

§ 84. Дети Осетин 3-го разряда допускаются по приему и воспитательный заведения, означенные в § 32; на воспитание же в кадетские корпуса не принимаются.

§ 85. При определении в службу военную по добровольному желанию и по правам состояния, Осетины 3-го разряда поступают на правах вольноопределяющихся 2-го разряда; в гражданскую же службу принимаются канцелярскими служителями 3-го разряда.

По предположению Комиссии.

§ 86. Именная жена, Осетинка, после смерти заплатившего за нее калым, оставшаяся бездетною, не остается в доме наследников на всю жизнь за служанку, как было по обычаю до сих пор, но получает по выделе доли наследства полную свободу и право переселиться из дома наследников умершего куда пожелает.

Предположение Комиссии.

Личные права Осетин 4-го разряда

§ 87. Лица, в давние времена, взятые Осетинами в плен или купленные в других племенах, были обращаемы в рабство. Потомки этих лиц, составляют ныне крепостное состояние Осетинских обществ. Лица этого крепостного состояния причисляются к 4-му разряду Осетин.

§ 88. До настоящего времени Осетины крепостного состояния почти не пользовались никакими правами и состояли в полной и безотчетной власти своих владельцев; ныне же предоставляются им следующие права.

§ 89. Никто из людей свободного состояния, какого бы рода, племени и закона ни был и на каких бы землях не имел водворение, не может быть обращаем в крепостное состояние или кем либо укрепляем, хотя и сам он изъявил на то добровольное желание; всякие о том договоры, условия, обязательства или акты, должны быть признаваемы не действительными и ничтожными.

На основании ст. 998, кн. 1, IX том, зак. о состояниях.

§ 90. Браком ни в каком случае не сообщается крепостное состояние и лица женского пола вступившие в замужество за крепостных людей хотя и остаются в повиновении владельцу по мужу, но не теряют чрез то вовсе свободного своего состояния и по смерти мужа не могут быть обращены в число крепостных; брак же крепостной вдовы или девки, с согласия владельца, с вольным человеком, освобождает ее от крепостного состояния.

В смысле стат. 1021, там же.

§ 91. Когда муж, по закону или по отпускной его владельца, выйдет из крепостного состояния, то вместе с тем и жена его получает свободу.

Ст. 1022, там же.

§ 92. Права свободного состояния, приобретенные женою чрез замужество с свободным лицом, не теряются ни смертию мужа, ни выходом ее после того в новое замужество за крепостного.

Ст. 1023, там же.

§ 93. Лицу крепостного состояния представляется право предъявлять иск о принадлежности к свободному состоянию, но

с тем чтобы он положительно доказал что он отец его или дед, не состояли в крепостной зависимости.

Примечание к ст. 1003, там же.

§ 94. Лица, достигшие лет означенных в примечании к этому параграфу, ниже сего изложенному, попавшие в крепостную зависимость чрез выкуп у непокорных горцев, после положения, о издании положения о Кавказских ясырях и холопах, по предъявлении о том ясных доказательств, из крепостного состояния исключаются и включаются в 3-й разряд Осетин, с наименованием вольноотпущенниками.

По смыслу 4-го пункта ст. 996, и прилож. к ней, там же.

Примечание: По § 3-му положения о Кавказских ясырях и холопах, (см. приложение к 4-му пункту ст. 996, кн. 1, IX тома законов о состояниях), выкупленные должны прослужить выкупившим: 5-тилетнего возраста – 25 лет, 10-тилетнего – 20 лет, от 10-ти до 15-ти – пятнадцать лет, от 15-ти до 20-ти – 12 лет, от 20-ти до 30-ти – 10 лет, от 30-ти до 40-ка – 8 лет, от 40-ка до 50-ти лет – 5 лет.

§ 95. Законные дети, рожденные в крепостном состоянии, признаются по отцу крепостными, хотя бы мать их была свободного происхождения.

Ст. 1016, кн. I, IX тома, закона о состояниях.

§ 96. По матери крепостное состояние сообщается только незаконнорожденным ее в этом состоянии детям.

Ст. 1020, там же.

§ 97. Крепостные люди, после смерти владельца не имеющего наследников совсем или же мужеского пола, получают свободу наименованием вольноотпущенниками.

По предположению Комиссии.

§ 98. Дети Осетин, рожденные после освобождения отца их из крепостного состояния не признаются крепостными, хотя бы они зачаты были и прежде этого времени.

В смысле ст. 1017, кн. 1, IX тома, закона о состояниях.

§ 99. Дети сосланных по суду крепостных людей, прижитые ими до ссылки, остаются крепкими их прежнему владельцу, но прижитые ими уже во время пребывания в ссылке не подлежат крепостному состоянию.

В смысле ст. 1018, там же.

§ 100. Все лица крепостного состояния обязаны состоять в повиновении их владельцам, исполняют в точности обязанности законами и обычаями на них возложенные.

В смысле ст. 1027, там же.

§ 101. Владелец может налагать на крепостных своих людей всякие работы и требовать исправления личных повинностей, с тем только, чтобы они же не претерпевали чрез это разорение.

В смысле ст. 1045, там же.

§ 102. Запрещается владельцу отдавать крепостных людей в работу, на Алагирский серебросвинцовый и другие такого рода заводы, по условиям собственно от лица его заключенным.

В смысле ст. 1049, там же.

§ 103. Различие вероисповедания владельцев с крестьянами не уменьшает обязанностей сих последних к своим господам; с своей стороны и владельцы не должны препятствовать крепостным своим людям в свободном и совершенном исполнении обязанности их веры.

Ст. 1028, там же.

§ 104. Запрещается владельцу принуждать крепостных своих людей к вступлению в супружество против их желания, назначая по неволе женихам невест и невестам женихов.

По смысле ст. 1032, там же.

§ 105. Хотя лица крепостного состояния в Осетии не избавляются от телесного наказания, [кроме женщин как сказано в § 63], но так как это наказание, как никогда не существовавшее между туземцами, считается в высшей степени позорным, то и употребление его должно быть применяемо только за проступки в самых крайних случаях и не иначе как по определению Начальства, власть не ниже начальника округа, и не свыше 25 розог.

Предположение Комиссии.

§ 106. Осетин крепостного состояния, без согласия своего господина, не может переходить к другому владельцу или поступать в другое состояние, или переселяться на другие земли.

В смысле ст. 1037, кн. 1, IX тома, закона о состояниях.

§ 107. Крепостная вдова или девка, без согласия владельца, не может выйти в замужество.

В смысле ст. 1038, там же.

§ 108. Запрещается имеющим в Осетии крепостных людей продавать их в другие руки, как в самой Осетии так и в другие племена; проданные после утверждения этого правила крепостные люди получают свободу.

По предположению Комиссии.

§ 109. Запрещается Осетинам, не имевшим до этого времени крепостных людей, приобретать их покупкою, как в самой Осетии так и в других племенах.

Предположение Комиссии.

§ 110. При разделе наследства крепостные люди могут передаваться от отца к сыну и внуку; в боковое же родство и лицам женского рода во владение они перейти не могут, а получают свободу.

Предположение Комиссии.

§ 111. Владелец, по отношению своему к крепостным людям, обязан: доставлять им пропитание и не допускать их до нищенства.

В смысле ст. 1104, кн. 1, IX тома, закона о состояниях.

§ 112. Владелец, уличенный в жестоком обращении с своими крепостными людьми, подвергается в первый и второй раз денежному штрафу, а в третий раз лишается права на владение крепостными людьми, которые безвозмездно получают свободу.

Предположение Комиссии.

§ 113. Во всех делах, по разбирательствам в участковых, окружном и областном судах, предоставляется владельцу право искать и отвечать за своих крепостных людей; но и крепостные люди могут быть на суде и сами за себя.

В смысле ст. 1119, кн. 1, IX тома, закона о состояниях.

§ 114. По взысканиям с владельцев, крепостные их люди не могут быть отдаваемы в работы.

По смысле ст. 1124, там же.

§ 115. Запрещается продажа крепостных людей с публичного торга.

По смысле ст. 1125, там же.

§ 116. Люди крепостного состояния, отыскивающие свободу, до решения дела состоят в повиновении владельца, но он обязан, в участковом, окружном или областном суде, дать подписку, что без ведома начальства не будет налагать на отыскивающих свободу никакого наказания.

В смысле ст. ИЗО, там же.

§ 117. Вдовам семейств отыскивающих свободу дозволяется, с разрешения владельца, выходить в замужество, в случае же несогласия его, брак не может быть совершен до окончания дела.

В смысле ст. 1132, там же.

§ 118. Владелец, до окончания дела, не может ходатайствовать об отдаче в солдаты крепостных людей отыскивающих от него свободы.

В смысле ст. 1135, там же.

§ 119. Крепостные люди, с письменного дозволения владельца, засвидетельствованного в участковом суде, могут покупать и другими законными способами приобретать в собственность земли, дома и всякого рода недвижимые имущества, учреждать фабрики и заводы. В этом случае, а так же при приобретении лавок и домов в городах, они соблюдают общие по этому предмету правила. Дома и заведения, построенные крепостными людьми на землях владельца, принадлежат этому последнему.

В смысле ст. 1138, 1140, 1141 и 1142, там же.

§ 120. Владельцу предоставляется право отпускать крепостных своих людей на волю или при жизни, по данной им отпускной, или же после смерти по духовному завещанию.

В смысле ст. 1148 и 1152, там же.

§ 121. Крепостные люди имеют право вносить владельцу за себя выкуп и владелец не должен отказать им в этом и не имеет права требовать за освобождение с крепостного человека выкупную сумму более определенной для этого.

По предположению Комиссии.

§ 122. Владельцы могут отпускать на волю своих крепостных людей, выделяя им и землю, если таковую имеют в собственном

своем владении, с заключением по добровольному согласию и с засвидетельствованием в одном из местных судов условия которое подробно вписывается в отпускную.

В смысле ст. 1150 и 1163, кн. 1, IX тома, закона о состояниях.

§ 123. Осетин, получивший один раз законно свободу от крепостной зависимости ни под каким предлогом обращаем вновь в это состояние быть не может.

В смысле ст. 1179, там же.

§ 124. Крепостной человек, составивший себе подложную отпускную, или другой документ, освобождающий его от крепостной зависимости, по обличении в этом не возвращается к владельцу, а подвергается наказанию за подлог по смыслу статьи 2282 уложения о наказаниях, а владельцу, в случае особого ходатайства ближайшего начальства, дается от казны денежное вознаграждение.

В смысле ст. 1182 и примеч. к ней, там же.

§ 125. Крепостной человек получает с семейством своим свободу от крепостной зависимости, если он находился в плену у непокорных горцев не менее пяти лет, если только он был взят из рядов милиции или находясь в услуге у своего владельца, находившегося в рядах войск во время сражения. Побег к непокорным не считается пребыванием в плену.

В смысле ст. 1199, там же.

§ 126. Жена ссыльного крепостного состояния, если пожелает, может следовать в ссылку за своим мужем.

Ст. 1203, там же.

§ 127. Крепостной человек, проданный, или уступленный по какой бы то ни было сделке (кроме передачи по смыслу § 110 в наследство) во владение другому лицу, если это будет обнаружено, получает свободу без всякого вознаграждения владельцев.

По предположению Комиссии.

§ 128. Крепостные люди могут усыновлять сирот и подкидышей.

§ 129. Усыновление для лиц крепостного состояния заключается в приписке к семейству подкидышей, с разрешения местного начальства, но с тем, чтобы в свидетельстве об усыновлении была

сделана оговорка, что усыновленный считается от крепостной зависимости свободным.

По предположению Комиссии.

§ 130. Усыновление сироты крепостного состояния, лицом крепостного же состояния с оговоркою об освобождении усыновляемого от крепостной зависимости допускается только с согласия владельца сироты.

Предположение Комиссии.

§ 131. Лица крепостного состояния могут добровольно поступать в службу военную на правах вольноопределяющихся 3-го разряда, а в гражданскую канцелярскими служителями 3-го разряда, но не иначе как по освобождении от крепостной зависимости.

То же.

Права общие поземельные

§ 132. В Осетинском округе поземельное владение по родам надела существует:

а) Владение личное: I) по наследству; 2) по приобретению куплей или другими законными способами; 3) по пожалованию правительства.

б) Владение: во-первых общинное, издавна существующее; во-вторых по отмежеванию от Правительства.

§ 133. Каждый Осетин, без различия состояний, может владеть поземельною собственностью доставшейся ему по наследству, приобретать ее и отчуждать всеми законными способами.

В смысле ст. 166 устава о колониях (XII том).

§ 134. Право собственности, по владению землей, распространяется как на поверхность земли, так и на все, что внутри ея находится.

В смысле ст. 654 кн. 1, IX тома, закона о состоянии и ст. 424 кп. II, X тома гражданских законов, части I.

Примечание: Владение, отведенными в общинный надел от Правительства землями простирается только на поверхность их.

§ 135. Все реки, речки, протоки и озера имеющим рыбу, суть собственность тех аулов или лиц, чрез земли которых протекают или в землях которых находятся.

В смысле ст. 344, XII тома (об устройст. в казач. селениях).

§ 136. Осетины имеют право продавать, отдавать в залог и вообще отчуждать всеми законными способами только те земли, которые составляют их личную собственность, доставшуюся им по наследству, купле, пожалованию или другим каким законным способом.

Согласно существ, постановлений.

§ 137. Всякая передача земель для владения в другие руки, без совершения письменного о том акта, запрещается.

Примечание: об этом должно быть составлено в туземных управлениях особое положение, сообразное быту туземцев.

§ 138. Земли, отведенные от казны аулам или фамилиям в общинный надел, продавать и отдавать в залог запрещается даже и по общему приговору.

В смысле ст. 671, IX тома, закона о состояниях.

Примечание: общественные выгоны в горах Осетинского округа, на этом же основании, не могут быть продаваемы и отдаваемы в залог.

§ 139. Все земли общественные, принадлежащие обществам издавна, а также и отведенные в общественный надел от казны, принадлежат Осетинам в вечное и потомственное владение, но не в личную кого либо, а в общественную каждого аула, общества или фамилии собственность.

В смысле ст. 159 устава о колониях (т. XII).

§ 140. Имеющие собственные земли, владеют ими на общих законах о собственности частной.

Согласно постановлений.

§ 141. Леса, не объявленные казенными и не отмежеванные в частную собственность, состоят впредь до составления о них особого положения в общем пользовании.

По предположению Комиссии.

§ 142. Все Осетины, владеющие на каком бы то ни было праве землями, без особого Высочайшего повеления поземельными повинностями обложены быть не могут.

То же.

§ 143. Никто из Осетин, без особенных уважительных причин

и без разрешения начальства, не может переселяться из одного аула в другой и вступать во владение неутвержденными за ними в личный или общественный надел землями.

То же.

§ 144. Дозволяется Осетинам делить наследственные земли по обычаям, но только не те, которые пожалованы в личный потомственный надел от казны. Земли эти переходят в наследство сообразно с законами Империи.

Предположение Комиссии

Права Осетин, владеющих личною потомственною поземельною собственностью

§ 145. Всякий Осетин имеет право производить на своей земле торговые, мануфактурные и другие материалы, разводить сады, виноградники и проч.

В смысле ст. 126 и 132, XII тома, устава городского и сельского хозяйства.

§ 146. Каждому Осетину, имеющему собственные участки земли, дозволяется на них устраивать заводы и фабрики, без записки в гильдии.

Согласно установлений.

§ 147. Частные землевладельцы, при покупке и продаже своих земель и при других условиях по передаче и проч. владеемых ими участков, впредь до усмотрения начальства, освобождаются от установленного при подобных сделках взноса пошлины.

Предположение Комиссии.

§ 148. Каждый Осетин, владеющий собственными землями, может приглашать на сии участки поселенцев, с ведома начальства по обоюдному согласию.

§ 149. Для обеспечения взаимных выгод Осетин землевладельцев и поселяющихся на их землях, постановляются следующие правила;

§ 150. Владельцы собственных земель обязаны, с живущими уже и вновь поселяющимися на их землях лицами всех состояний и племен, заключать добровольные письменные условия об обязательствах землевладельца к поселенцам и о тех повинностях,

которые поселенцы должны отправлять за пользование владельческими землями.

В смысле ст. 886 и 902 О царанах и татарах Таврической губернии, кн. I, IX тома, закона о состояниях.

§ 151. Никто из землевладельцев не может принять к себе поселенцев, не заключив с ними письменного условия. Условия эти могут быть заключаемы на сроки от 3-х до 20-ти лет.

В смысле ст. 888, 889 и 903, там же.

Примечание: Условия эти, впредь до усмотрения начальства, могут быть заключаемы на простой бумаге.

§ 152. Владельцы, принявшие к себе до этого времени, без заключения письменного условия, поселенцев, при взаимных обязательствах друг к другу, должны руководствоваться имеющими составиться для сего, по распоряжению местного начальства, правилами.

В смысле ст. 887 и 908, там же, и по предположению Комиссии.

§ 153. Обязанности поселенцев к землевладельцам могут состоять: или в определенном, по обоюдному согласию их, денежном платеже, или во взносах части земледельческих и иных произведений, или же в определенных днях работы на землевладельца, или наконец в определенных, также с надлежащею точностью, особенных уроках этих работ.

В смысле ст. 891 IX тома, закона о состояниях.

§ 154. В договоры, заключаемые с поселенцами из Осетин 3-го и 4-го разрядов, могут быть включаемы условия об отправлении ими обязанностей домашней прислуги, или о назначении их в разные хозяйственные должности как то: пастухи, пасечники, лесничие и проч.

Примечание: в условиях также должно быть оговорено: могут ли поселенцы пользоваться лесом, принадлежащим в собственность землевладельцу.

В смысле ст. 892 и 893, там же.

§ 155. Если кто из поселенцев, на владельческой земле, пожелает устроить какое либо хозяйственное заведение, – сад и то, о котором в общем условии ничего не было сказано, то обязан за-

ключить с землевладельцем новое письменное условие во всех подробностях.

В смысле ст. 894, там же.

§ 156. При переходе поселенца, по окончанию договорного срока, с земли владельца в другое место, он может взять с собой свой скот, собственные земледельческие орудия и все свое движимое имущество; но дома на земле владельческой построенные, если о том не было постановлено особого условия, остаются за владельцами, а сады и виноградники, если также о них не было заключено особого условия, предоставляется поселенцу продать, однако же без права на землю, если только землевладелец не пожелает, по оценке произведенной местным ближайшим начальством с депутатами суда, оставить за собою.

В смысле ст. 899, там же.

§ 157. Осетины, поселенцы на владельческих землях, по окончании условия, если имеют свои земли, могут возвращаться на них или же в те аулы к которым они приписаны; владельцы же земель, от которых поселенцы уходят, так равно и те к которым они хотят перейти, обязаны предварительно дать о том сведения ближайшему начальству.

В смысле ст. 906, там же.

§ 158. В случае неисполнения условий, владелец может сослать поселенцев с своей земли, объявив им о том предварительно, не иначе как по окончании осенних работ. Поселенцы, до окончательного перехода, обязаны непременно исполнять все повинности по условиям, заключенным с землевладельцами земель с которых они переходят.

В смысле ст. 905, там же.

§ 159. Поселенцы могут приносить на владельца, на землях которого они живут, местному начальству жалобы в случаях притеснений и несоблюдении заключенных условий за пользование землей.

В смысле ст. 912, там же.

§ 160. Поселенцы, желающие устроить кирпичные и черепичные заводы, или заняться выжиганием извести на зем-

лях владельцев, обязаны заключить с ними по этому обоюдно письменное условие.

Права и обязанности, личные и поземельные Осетинских аульных обществ

Права личные

§ 161. Все Осетины, поселенные аулами на общественных, или по отводу от казны в общинный надел, землях, составляют из себя аульные общества.

В смысле ст. 663 и 664, кн. 1, IX тома, закона о состояниях.

§ 162. Эти аульные общества пользуются особыми правами. И преимуществами ниже этого определенными.

§ 163. Аульные общества, по общему приговору, могут ходатайствовать у начальства об отдаче в арестантские роты, ссылке в Сибирь и отдаче в солдаты, тех Осетин из их общества, которые дурным поведением и безнадежностью к исправлению заслуживают этого наказания.

В смысле ст. 647, кн. I, IX тома, закона о состояниях и ст. 194 устава иностран. колоний.

Примечание: обвинения не могут быть голословны, а должны подтверждаться фактами.

§ 164. Аульные общества именем своим и собственною ответственностью, могут входить в оброчное содержание казенных и частных земель и угодий, равно к содержанию готовых станций на суммы законом представленные.

В смысле ст. 668, IX тома, закона о состояниях.

§ 165. Аульные общества, без разрешения начальства, не могут принять к себе на жительство кого бы то ни было и за нарушение этого правила подвергаются ответственности.

Предположение Комиссии.

Права поземельные

§ 166. Земли, состоящие в общинном ведении, принадлежат ли они аулам или фамилиям, издавна или же отведены от казны, считаются общественным имуществом и во всех делах тяжеб-

ных защищаются правом имуществ казенных; владение этими землями предоставляется аульным обществам, или фамилиям, с увольнением, впредь до усмотрения Правительства, от платежа поземельной повинности.

В смысле ст. 669, кн. I, IX тома, закона о состояниях и по предположению Комиссии.

§ 167. Распределение земель целому обществу принадлежащих на участки, зависит от аульного общества.

В смысле ст. 670, там же.

§ 168. Всякая продажа, заклад или уступка этих участков запрещается.

В смысле ст. 671 и 919, там же.

§ 169. Остающиеся после умерших Осетин участки из общественных земель, не могут быть делимы на части наследникам и женам их отдаваемы в наследство и, оставаясь всегда при тех аулах или фамилиях, которым отмежеваны, они подлежат распоряжению обществ.

В смысле ст. 672, там же.

§ 170. Аульным обществам дозволяется с разрешения начальства: приобретать аулам земли покупкою их, или у частных людей, или от казны, в случаях продажи земель казенных.

В смысле ст. 674, там же.

§ 171. Аульным обществам дозволяется с разрешения и под наблюдением местного начальства, мена предоставленных в их владение казенных земель с частными землевладельцами, с заключением письменных условий и передачей документов на владение обменными участками.

В смысле ст. 675, там же.

§ 172. Аульным обществам, по общему согласию и с разрешения начальства, дозволяется излишние участки земли отдавать в пользование лицам всех состояний, как русских, так и туземцев, с заключением условий на сроки, не далее как на 50 лет.

В смысле ст. 676, там же.

§ 173. Если кто из Осетин пожелает осушить болота, или разработать и удобрить не удобные земли, от которых общество не имеет никакой пользы или весьма малую, такому давать исклю-

чительное пользование этими не удобными землями, по обоюдному письменному условию, утвержденному местным окружным начальством, с обществом того аула, которому не удобная земля принадлежит, на сколько лет по обоюдному согласию положат.

В смысле ст. 179, XII тома, устава благоуст. в казенных селениях.

§ 174. Аульные общества могут ходатайствовать об отдаче под разные заведения земли, сроком не более 50 лет, по письменному условию, частным промышленникам, преимущественно туземцам их обществ.

В смысле ст. 676 кн. I, IX тома, закона о состояниях.

§ 175. Без дозволения аульного общества никто из Осетин, хотя бы и того же аула, не может заводить на общественных землях хуторов.

В смысле ст. 134, XII тома [устава о благоустройстве в казачьих селениях]

Председатель Комиссии, по разбору прав
туземцев Осетинского округа

Помощник председателя Генерального штаба
поручик Баев

Делопроизводитель
поручик Михайловский».

[*ЦГА РСО-Алания*, ф. 291, оп. I, д. 25, лл. 1-30 об.]

Приложение № 4

Коренные обыкновения (древние обычаи), существующие между осетинами

«Большая часть осетин, с отдаленных времен по настоящий 1830 год, не признававших над собою почти никакой власти, удерживаемы были в своем кругу от взаимных друг против друга своевольных поступков древними коренными обыкновениями,

которые горцы всегда почитали священными и в виде законов передавали из рода в род. Сии обыкновения, вместе с радушным гостеприимством составляют единственную связь, поддерживаемую существование кавказских народов. Если бы время ослабило или уничтожило уважение к сим древним обычаям, тогда ничем не обузданные члены сих диких обществ, обратились бы к взаимному истреблению и собственными костями покрыли бы вершины грозного Кавказа.

Коренные обыкновения, существующие между осетинами и основанные частью на уложении грузинского даря Георгия VII, суть следующая:

1. Убийство, нанесенная рана и даже побои требуют непременного и кровавого отмщения, а потому взаимное преследование, переходя от одного поколения к другому, продолжается беспредельно; если только враждующие семейства не будут примирены уплатою за кровь или родственным соединением, посредством брака.

2. Примирение враждебных семейств искуплением крови производится третейским судом: кровь сильного родом ценится в несколько раз дороже бессильного и бедного человека.

3. Каждый хозяин обязан охранять гостя своего не только от убиения, но даже и от малейшего оскорбления; но если бы случилось, что кто-нибудь пролил кровь его, то в таком случае он обязан отмстить убийце, как за члена своего семейства, или взыскать [долю], равную тому, чего бы стоила, по медиаторскому положению, собственная его кровь. Сверх сего убийца еще обязан разделаться с родственниками убитого им человека.

4. Кровь женщины ценится вполовину против крови мужчины ее рода.

5. Муж, хотя властен за неверность лишить жизни жену свою, но после такого ее преступления обязан доказать ясно ее родственникам, в противном же случае должен заплатить им цену ее крови.

6. Уличенный в воровстве обязан сделать обокраденному удовлетворение в два раза более противу учиненной им покражи, да еще в пять раз более оной заплатить штраф своему помещику.

7. Многие древние церкви на Кавказе, особенно чтимые горцами, почитаются неприкосновенными убежищами даже для преступников, избегающих мстительного преследования, а потому всякий убийца, вор и грабитель находится в безопасности во все время своего укрывательства во внутренности или в ограде такой церкви.

8. Если осетин, находящийся в какой-нибудь крайней опасности, прибежит в дом сильного родом человека и, достав принадлежащую ему шапку, наденет ее на голову, то это знак, что он прикрыл себя его могуществом, а потому с той самой минуты он принимается под защиту всей его фамилии и после сего убить или обидеть его значит убить или обидеть одного из членов сего рода. Таковое заступление приобретается еще двумя следующими способами:

Всякий угнетенный и гонимый, если войдет в дом сильного человека и возьмет в руки железную цепь, висящею над всяким домашним очагом и обовьет оную вокруг шеи своей, то это знак, что он подвергает судьбу свою соизволению хозяина дома, а потому надеется получить от него верное покровительство и заступление от гонений.

Кто станет на колена перед сильным человеком и, накрыв полою его платья свою голову, произнесет следующие слова: «Я свою голову привязал к твоей поле, ты вместе со своим богом должен меня защищать и не давать ни в какую обиду, а потому смело участь мою вверяю твоему великодушию».

9. Кто в гневе для причинения зла или с намерением учинить воровство, сломает двери в каком-нибудь доме, то повинен хозяину оного заплатить штраф по назначению третейского суда.

10. Кто с злым умыслом для нанесения ущерба испортит или выворотит из своего места деревянный желоб, посредством коего обыкновенно по всякой осетинской мельнице пропускается вода в виде водопада, тот хозяину той мельницы обязан заплатить три коровы или пятнадцать рублей серебром.

11. Похитивший насильственно целомудрие у девицы, обязан отдать за нее подлежащий урат или выкуп и взять ее в замужество, в противном же случае, заплатить отцу за ее бесчестие, ка-

ковое назначено будет избранными медиаторами, смотря но уважению, основанному на силе ее рода.

12. Соблазнитель чужой жены весьма редко подвергается за сие убиению от ее мужа, если только он, подобно дитяти, возьмет в рот обнаженную грудь жены обиженного и тем ознаменует, что с сей минуты становится ее сыном и следственно чуждым всякого худого противу ее помышления. Таким еще образом в Осетии гонимые изыскивают себе иногда покровительство и защиту у людей сильных и причисляются ими в число членов своего семейства.

13. Если кто неповинно обличал кого-нибудь в воровстве и, дабы вынудить от него признание, убил в пищу его предкам на их могилах какое-нибудь нечистое животное, а после сего откроется, что такое воровство учинил другой, тогда он обязан напрасно оклеветанному им человеку заплатить цену его крови и на могилах его предков сделать ему и всем его родственникам богатое угощение.

14. Никто не имеет права в Осетии произвольно, один, сам собою приступить к сенокошению, а должен выйти на определенное место в один день со всеми обитателями целого округа или ущелья. Для назначения такого дня, установлен совещательный праздник в июле месяце, называемый осетинами атенек, на который собираются все жители к одной какой-нибудь древней и уважаемой ими церкви.

15. Когда тоскливый голос кукушки огласит собой нагорные леса и тем возвестит наступление отрадной весны, тогда каждый осетин, нуждающийся в сене, имеет полное право взять оного сколько ему нужно у другого осетина, имеющего в нем избыток. Но если кто-нибудь учинит сие ранее, то повинен заплатить хозяину за взятое им у него сено.

16. Древнее обыкновение, свято чтимое осетинами, дозволяет им в неделю заниматься различными работами и рукоделиями только три с половиною дня или ровно половину недели: у них воскресенье, понедельник, пятница и первая половина субботы, суть праздничные и назначены для отдохновения. Одна только крайняя необходимость может допустить осетина приняться за

работу в пятницу и субботу и разрешение на сие он обязан купить кровью тучного барана, принесенного в жертву и мясом оного угостить ближайших своих соседей.

Права наследства

Права наследства в той части Осетии, которая состоит в поместном владении, искажены собственным произволом помещиков и основаны на следующих постановлениях:

17. Помещик по смерти своего крестьянина, если сей последний не оставит по себе взрослых детей мужского пола, делается прямым его наследником; малолетних же сирот берет в собственный свой дом, а потом продает оных кому-нибудь, имеющему право приобретать крепостных людей.

18. Если в нераздельной фамилии умрет один бездетный член ее, то изо всего имения отделяется та часть, которая должна была бы принадлежать покойному в случае раздела и оная отдается помещику.

19. По смерти отца, когда оставшиеся после него сыновья пожелают жить порознь, то младшие делят имение между собою по равным частям, а старший, как и в Грузии, за первенство рождения получает излишек по взаимному согласию или по медиаторскому определению. Дочери же не наследуют ничего, а довольствуются только платьем и различными уборами, каковыми наделил их отец при жизни своей. Сие последнее наследственное право существует во всей силе, как в вольных, так и в подлежащих поместной власти осетинских ущельях».

Письма из Осетии. 1830 г. // ПП КОО. Кн. 1. Цхинвали, 1981, сс. 40-44.

Приложение № 5

Записка О происхождении личных и поземельных правах и взаимных отношениях жителей Военно-Осетинского округа. 1860 г.

«Тагаурское общество, как выше упомянуто, разделяется на 4 класса или сословия. 1й класс народные Старшины, Тагауры или Эльдары, составляют высшие сословия и считаются коренными жителями; 2-й, фарсалаки, вольные люди, пришедшие к Тагаурам из других мест. 3-й кавдасарды, побочные дети, прижитые Эльдарами и посторонними лицами от крепостных девок, а также от дочерей фарсалаков, покупаемых в жены кавдасардом и 4е холопы, которые приобретены покупкою или же взяты в плен в прежнее время.

Тагаурцы принадлежат к племени Осетин. Народонаселение их простирается до 6990 мужеска пола, в том числе членов высшего сословия – Эльдаров 564 души. Половина Тагаурцев исповедует христианскую религию, а другая – магометанскую. Небольшая часть Тагаурцев живет в горах на своей собственной земле разделенной на участки, коей считается удобной и неудобной, в скалах под вечными снегами до 57000 десятин, а прочие поселены на плоскости, на отведенных правительством участках земли, которой оказалось по правую и левую сторону Терека 61954 десятины.

О происхождении и значении Эльдар

Эльдары в числе 8 фамилий: Тулатовой, Кундуховой, Алдатовой, Тугановой, Мамсуровой, Есеновой, Кануковой, Шанаевой, выводят свое происхождение от родоначальника их Таги, или Тагаура, – наследника Армянского царства, который по смерти отца хотя вступил на престол; но вскоре, по причине предстоявшей ему опасности со стороны двоюродных братьев, возмутивших против него народ, бежал из Армении с несколькими человеками дворовых людей и прибыл на Кавказ. Сначала Тагаур поселился в Абхазии, потом [неизвестно почему] перешел в Осетию и в Кур-

татинском ущелье построил себе башню, где прожил до глубокой старости, пользуясь в преданном ему народе большими почестями и уважением.

Тагаур имел двух сыновей: Камбия и Шана, от которых произошло настоящее потомство Эльдаров. Сыновья Камбия Тлат, Алдат и Знаур, по праву первородства, желая сосредоточить власть в своих руках, убили двоюродных братьев своих, рожденных от Шана, дяди их, кроме малолетнего Тотика. По совершении этого убийства, Камбий с сыновьями своими и несколькими приверженцами, бежал от Куртатинцев, из боязни их мести. Не имея нигде пристанища Камбий долго скрывался в лесах, наконец поселился в ущелье Гизель-Дон, куда пригласил на жительство людей из разных соседних племен и из них основал там аул под названием Даргавс. В последствии, после смерти Камбия, сыновья его: Тлат и Алдат перешли в Фридони построили там аул Саниба, а Есен, сын Знаура, занял земли в ущелье Куридон, где построил также свой аул и назвал его Верхний Саниба.

Наследники Тлата позже оставили Санибу и перешли на жительство в ущелье Кобань». До середины XIX в. многие Эльдары жили «на прежних местах, а прочие поселились на плоскости «на землях, отведенных уже Русским Правительством.

К числу Тагаурских Эльдар принадлежат еще три фамилии: Дударовы, Джантиевы и Тхостовы [последние, правда, свою родословную выводят от Тага – Ф. Г.]. Фамилии эти, хотя и не происходят от Тагаура. Родоначальника настоящих Эльдар; но они пользовались одинаковыми правами с Эльдарами и вместе с ними утверждены уже в этом достоинстве.

По собранным сведениям видно, что предок Дударовых – Дудар… перешел на жительство к Тагаурцам назад тому лет 300; первоначально он занял Ларсскую землю, никому не принадлежавшую; потом с увеличением народонаселения, потомки его заняли Чмийскую землю, и наконец, постепенно Балтинскую и Редантскую.

Фамилия Тхостова хотя выводит происхождение свое от Тагаура, показав в представленных ими родословных, что предок их Тхост – сын Таги, но Депутаты Тагаурские отвергли это пока-

зание и решительно не признали их по происхождению от общего родоначальника их от Тагаура. Откуда или из какого звания происходит эта фамилия, Депутаты ничего об этом объяснить не могли. А относительно того, как показали некоторые Эльдары в особом объяснении 10 марта 1860 года, что эта фамилия Тхостова не только не принадлежит по происхождению к сословию Эльдар, но многие члены носят даже другую фамилию, именно: называются Зазуевыми, а не Тхостовыми… по имени отца их Зазуя.

Джантиева фамилия происходит от Закавказских Осетин, Предок которых лет двести назад перешел на жительство в Тагаурское общество и поселился в ущелье Каккадур, где и по настоящее время живут настоящие потомки его, которые с давних времен пользуются равными правами и преимуществами с Эльдарами Тагаурскими, что подтвердили Депутаты Дигорского, Куртатинского и Назрановского обществ.

Права и преимущества Эльдар

Тагаурские Эльдары в прошении 1846 года и объяснениях своих говорят, что фарсалак, перешедший на жительство к Эльдару с его дозволения, за право пользоваться его землею, обязан платить ему по обоюдному условию повинности, подчиняться во всем как своему владельцу; в противном случае, а также за дурное поведение, Эльдар имел право прогнать его со своей земли. Если фарсалак желает переселиться от одного Эльдара к другому, то имеет на то полное право, во всякое время, с тем однако же, что в том и другом случаях, все недвижимое его имение: жилище и другие хозяйственные обзаведения, остаются в пользу владельца…

Кавдасард обязан жить безотлучно у своего господина; но если пожелает по каким-либо уважительным причинам переселиться к другому Эльдару, он может этого достигнуть, но не иначе, как с дозволения своего господина. Переселившись в другое место, кавдасард не выходит из под власти своего господина, а за право пользоваться землею нового владельца, платит ему повинности наравне с фарсалаками.

Эльдары не имели права продавать или заложить кавдасарда, а обязаны предоставлять ему право пользоваться землею…

В прежние времена кавдасарды были телохранителями Эльдар, и в военное время свято исполняли волю его, а за ослушание подвергались строжайшему взысканию и даже могли быть лишены жизни.

Кумияки, как рабы, находились в полном распоряжении Эльдара.

Фарсалаки, кавдасарды и кумаяги не могли ни за какие отличия получать права на возвышение своего происхождения, т.е. на переход из одного класса в другой, напротив того, кавдасарды и фарсалаки за разные преступления делались кумаяками. Фарсалаки, желая обратить на себя внимание Эльдар и быть под их покровительством, брали у них для вскормления младенцев и считали это знаком особой милости для себя со стороны Эльдар. В случае смерти Эльдара фарсалаки налагали на себя траур. За каковую приверженность и вообще оказанные услуги они получали подарки от Эльдар, сверх оружия и скота, еще и землю для хлебопашества и сенокосов… за проезд по Военно-грузинской дороге… Эльдары получали постоянно с проезжающих установленную плату, и сбор этот простирался до 30 тысяч рублей серебром в год. Из суммы этой никто не имел права на получение части, кроме одних только Эльдар, а если бы кто-либо захотел воспользоваться тайно, тот подвергался с семейством своим строгому взысканию. Генерал-Лейтенант Барон Вревский в докладной записке от 28го Марта 1851 года за № 11м объяснил, что вся земля на плоскости, как видно из собранных фактов, принадлежал Кабардинцам, которым горные жители за дозволение спускать на плоскость скотину и баранов, давали условную плату, а потом с появлением Русских дань эта прекратилась…

Опровержения Фарсалаков и Кавдасардов

Фарсалаки и кавдасарды в поданных ими прошениях объясняют, что Тагаурским Эльдарам они никаких податей не платили, когда жили в горах, за право пользования землею, потому что каждый имел собственную землю в горах, а с переселением на плоскость, по предложению генерала Ермолова, назад тому около 40 лет, Эльдары, пришедшие к ним из гор гораздо позднее,

хотя стали присваивать себе это право и требовать подать насильственным образом, уверяя, что занимаемая ими земля, собственность Эльдар, но Фарсалаки и Кавдасарды не исполняли их требования и угроз, в особенности с того времени, когда они стали жить отдельно от Эльдар. Фарсалаки и Кавдасарды говорят, что они полное имели право переходить с одного места на другое, не спрашивая в этих случаях дозволения Эльдар.

…Сверх того, кавдасарды в прошениях своих, поданных в 1845 и 1850 годах, говорят о происхождении своем так: они, вместе с Эльдарами, происходят от одного предка их Тагаура, потомки которого по обычаю магометанскому имели двух жен, одну из них брали из сословия фарсаглагского. От этих то браков рожденные дети и получали название кавдасардов, которые по смерти отца, при разделе имения, получали такую же долю, как другие дети, рожденные от первой жены, взятой из равного с Эльдарами сословия, и после такого раздела, родственники их уже не имели притязания на доставшуюся им долю из выделенного имения.

Свидетельства посторонних обществ.

Депутаты кабардинские от высшего сословия в 1858 году в отобранном от них допросе объяснили, что в Тагаурском обществе им известны только следующие фамилии: Дударовы, Кундуховы, Кануковы, Тулатовы, Мамсуровы, Есеновы и Шанаевы, которые пользовались в народе правами узденей 1й степени, но особого названия не имели, и почему называются теперь Эльдарами им неизвестно. Слово Эльдар на Осетинском языке означает *князь*, а у Осетин князей не было. В объяснении отобранном в 1860 году Депутаты кабардинские сказали, что о происхождении Эльдар они ничего не знают и предания об этом у них не существует. О правах их над народом [кроме кавдасардов и кумияков, которые были в полной зависимости], а также об отношениях их между собою они в подробности не знают. По брачным связям, кровомщению Тагаурские Эльдары равны с дигорскими бадилятами, балкарскими таубиями и кабардинскими узденями 1й степени, но с князьями кабардинскими в родство не вступали, по неравенству в достоинствах по происхождению.

Депутаты Балкарского общества сказали в 1858 году, что по отдаленности жителей их от Осетии, они никакого знакомства с тагаурцами не имели, а слышали только о существовании их, и поэтому ничего не знают о происхождении и правах их в народе…

Депутаты Алагирского и Куртатинского обществ в 1858 году отозвались, что о существующих в Тагаурском обществе Эльдарских фамилиях они не знают, а есть между ними лица, которые действительно пользовались особыми правами и преимуществами в народе. Были ли в этом обществе когда-либо Эльдары им неизвестно; но некоторые фамилии по достоинству равнялись с кабардинскими узденями 1й степени, Дигорскими бадилатами и их Старшинами… в объяснении же 1860 года Депутаты Алагирские уже поименовали все 11ть фамилий Эльдарских фамилий, сказав, что они пользуются почетом и уважением во всех соседских обществах, и именовались узденями 1й степени, а Эльдарами они никогда не назывались. Все ли 11ть фамилий происходят от одного их родоначальника, имеют ли они одинаковые права, и какие отбывали повинности подвластные им люди, они не знают.

Депутаты Галгаевского общества, опрощенные в 1860 году, объявили, что в Тагаурском обществе есть несколько сословий, высшее из них называлось прежде Тагай, а потом неизвестно почему, начали именовать их Эльдарами. Галгаевцы говорят, что фарсалаки и кавдасарды были всегда в зависимости от Эльдар и платили им по обязательству или по обычаю подати, но фарсалаки, как люди свободные, беспрепятственно могли переходить от одного Эльдара к другому…

Депутаты 21го июля сего [1860] года в присутствии комитета лично объявили следующее:

Фарсалаки и кавдасарды.

…2е) Насчет прочих фарсалаков, а именно: Цомартовых, Чегемовых, Тостратовых, Хаблиевых, Рубаевых, Фидаровых, Карсановых, Калсаговых, Гуцовых, Цораевых, Дегоевых, Мисиковых, Бзаровых, Саламовых, Айларовых, Забиевых, Тосиевых, Доевых, Бердикоевых, Цгоевых и Хосановых… Депутаты Тага-

урские сказали, что хотя все эти люди поведения безукоризненного, но предпочтения особого не имеют между подобными им фарсалаками. В настоящее время половина лиц из Цомартовой и Чегемовой фамилий, отправились в Турцию, туда же ушли и Хосановы, а Тостратовы, Хаблиевы и Забиевы, не принадлежат даже к сословию фарсалаков, а они чистые кавдасарды Эльдар Дударовых, к этому последнему сословию принадлежат и Айларовы…»

(*НА СОИГСИ*, ф. 16, оп. 1, д. 26, лл. 1-14 об.)

БИБЛИОГРАФИЯ

АВПР – Архив внешней политики России:
Ф. Осетинские дела.
НА СОИГСИ – Научный архив Северо-Осетинского института гуманитарных и социальных исследований.
ЦГАДА – Центральный государственный архив древних актов:
Ф. Госархив.
ЦГИА – Центральный государственный исторический архив:
Ф. 796. Синод.
Ф. 1018. Гр. Паскевич-Эриванький.
Ф. 1149. Департамент законов государственного совета.
Ф. 1263. Комитет министров.
Ф. 1268. Кавказский комитет.
ЦГВИА – Центральный государственный военно-исторический архив:
Ф. 414. Статистические сведения о Российской империи.
ЦГА РСО-А – Центральный государственный архив Республики Северная Осетия-Алания:
Ф. 224. Г. Баев.
Ф. 233. Комитет по разбору личных и поземельных прав жителей Владикавказского округа.
Ф. 254. Комитет для разбора личных и поземельных прав горцев левого крыла Кавказской линии.
Ф. 256. Комиссия по правам личным и поземельным всех туземцев Терской области.
Ф. 262. Комиссия для разбора сословных прав горцев Кубанской и Терской областей.
Ф. 290. Управление военного начальника Владикавказского военного округа.
Ф. 291. Комитет для разбора личных и поземельных прав горцев Военно-Осетинского округа.
ЦГА РД – Центральный государственный архив Республики Дагестан:
Ф. 379. Кизлярский комендант.

Абаев В. И. 1926. Алгузиани // Изв. СОНИИ. Вып. II, сс. 465-474.
Абаев В. И. 1949. Осетинский язык и фольклор. М.-Л.: Изд. АН СССР. I. – 598 с.
Абаев В. И. Историко-этимологический словарь осетинского языка. М.-Л.: Изд. АН СССР, 1958. Т. I. – 655 с. Л.: Наука, 1973. Т. II. – 448 с. Л.: Наука, 1989. Т. IV. – 325 с.
Абаев В. И. 1968. Осетинский социальный термин *Алдар* // Изв. СОНИИ, 1968. Вып. XXVII, сс. 115-123.
Абаев В. И. 1980. Происхождение осетинских фамильных имен *Carasonta* и *Aghuzata* // Литературная Осетия. № 60, сс. 115-121.
Абаев В. И. 1982. Нартовский эпос осетин. Цхинвали: Иристон. – 106 с.
Абрамович А. 2003. Очерк сословного строя в горских обществах Терской и Кубанской областей // Сборник документов по сословному праву народов Северного Кавказа. 1793-1897 гг. Нальчик. Т. I, сс. 7-69.
Авалиани С. 1911. Заслуги Ф. И. Леонтовича в изучении обычного права русских инородцев // Журнал министерства юстиции. № 6, сс. 159-176.
Авалиани С. 1916. Заслуги М. М. Ковалевского в изучении обычного права народностей Кавказа // Журнал министерства юстиции. № 8, сс. 366-371.
АБКИЕА – Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов XIII-XIX вв. / Сост., ред., введ. и вступ. статьи к текстам В. К. Гарданова. Нальчик: Изд-во «Эльбрус», 1974. – 635 с.
Азимов В. А. 1999. Суд и процесс в обычном праве народов Дагестана // Обычное право в России: проблемы теории, истории и практики. Ростов н/Д., сс. 191-204.
Айларова С. А. 2002. Обновляющийся Северный Кавказ: общественно-политическая мысль 60-90-х гг. XIX в. Владикавказ: Изд-во СОГУ. – 213 с.
Айларова С. А. 2003. Общественная мысль народов Северного Кавказа в XIX веке. Владикавказ: Изд-во СОГУ. – 366 с.

Айтберов Т.М. 1983. Эпистолярные и документальные материалы о классовой борьбе в Аварии, Казикумухе и Табасаране в XVII в. // Классовая борьба в дореволюционном Дагестане. Махачкала, сс. 148-159.
АКАК – Акты, собранные кавказской археографической комиссией. Тифлис:
1866. Т. I. – 821 с.
1867. Т. II. – 1242 с.
1868. Т. III. – 765 с.
1869. Т. IV. – 1012 с.
1875. Т. VI. Ч. II. – 961 с.
1878. Т. VII. – 994 с.
1881. Т. VIII. – 1030 с.
Алборов Б.А. 1979. Некоторые вопросы осетинской филологии. Орджоникидзе: Ир. – 311 с.
Алдар 1982. О сословных правах горцев // ППКОО. Кн. 2. Цхинвали, сс. 155-165.
Александров В.А. 1984. Обычное право крепостной деревни России XVIII – начало XIX в. М.: Наука. – 255 с.
Аммиан Марцеллин. 1994. Римская история/Ред. Л. Ю. Лукомского. СПб. – 559 с.
Андреев А. 1891. От Владикавказа до Тифлиса. СПб., 1891. – 155 с.
Анчабадзе З.В., Робакидзе А.И. 1973. К вопросу о характере кавказского горского феодализма // ИКЯ. 1973. Т. XVIII, сс. 111-126 (на грузин. яз.).
Андреев А. От Владикавказа до Тифлиса. СПб., 1891. – 155 с.
Анчабадзе Ю.Д. 1984. Этнографические сюжеты в трудах Ф.И. Леонтовича // СЭ. № 4, сс. 81-91.
Афасижев Т.И., *Хаджуова З.А.* 1999. Обычное право у причерноморских адыгов // Обычное право в России: проблемы теории, истории и практики. Ростов н/Д., сс. 353-357.
Ахмадов Я.З. 1982. О роли мусульманского духовенства в общественной жизни Чечни // Общественные отношения у чеченцев и ингушей в дореволюционном прошлом. Грозный, 1982, сс. 56-61.

Бабич И.Л. 1997. Эволюция обычного права адыгов в советское и постсоветское время // ЭО. № 3.
Баев С. 1869. Тагаурское общество и экспедиция генерал-майора князя Абхазова в 1830 г. // Терские ведомости. № 6, 8, 10.
Бейтуганов А.З. 1999. Обычное право кабардинцев // Обычное право в России: проблемы теории, истории и практики. Ростов н/Д., сс. 144-157.
Бейтуганов А.З. 1999а. Сравнительный метод в изучении обычного права // Обычное право в России: проблемы теории, истории и практики. Ростов н/Д., сс. 304-307.
Бентковский И. 1880. Моздокские крещеные осетины и черкесы, называемые «Казачьи братия» // Ставропольские губернские ведомости. № 3-6.
Берозов Б.П. 1969. Из истории переселения осетин в Кубанскую область // САР. Орджоникидзе, сс. 106-119.
Берозов Б.П. 1979. Земельная реформа и отмена крепостного права в Северной Осетии. Орджоникидзе. – 77 с.
Берозов Б.П. 1980. Переселение осетин с гор на плоскость [XVIII – XX вв.]. Орджоникидзе: Ир. – 240 с.
Бзаров Р.С. 1987. Древняя традиция в общественном строе осетин-алагирцев первой половины XIX в. // Проблемы исторической этнографии осетин. Орджоникидзе, сс. 11-34.
Бзаров Р.С. 1988. Три осетинских общества в середине XIX века. Орджоникидзе: Ир, – 155 с.
Бирзе А.М. 1937. Попытки освоения природных богатств Осетии в XVIII столетии // Красный архив. № 4, сс. 174-218.
Битова Е.Г. 2005. Балкарская знать в условиях включения в административно-политическую систему Российской империи // ИВ. Вып. II. Нальчик, сс. 141-164.
Бларамберг И. 2005. Историческое, топографическое, статистическое и военное описание Кавказа. М.: Изд. Нарышкин А.Г. – 432 с.
Блиев М.М. 1964. Осетия в первой трети XIX века. Орджоникидзе: Сев.-Осет. кн. изд-во. – 173 с.
Блиев М.М. 1970. Русско-осетинские отношения. Орджоникидзе: Ир. – 380 с.

Бобровников В.О. 1999. Судебная реформа и обычное право в Дагестане // Обычное право в России: проблемы теории, истории и практики. Ростов н/Д., сс. 157-191.
Броневский С.М. 1823. Новейшие географические и исторические известия о Кавказе. Т. 1. – 352 с. Т. 2. – 465 с. М.
Броневский С.М. 1999. Новейшие географические и исторические известия о Кавказе. Извлечения по Центральному и Северо-Западному Кавказу. Нальчик: «Эль-Фа». – 223 с.
Броссе М. 1861. Исторический обзор дипломатических сношений между Российскими государями и Грузинскими царями и владетелями. СПб. – LXXV с.
Бутков П.Г. 1869. Материалы для новой истории Кавказа с 1722 по 1803 год. СПб. Ч. 1-3. Ч. 1-548 с. Ч. 2-601 с. Ч. 3-620 с.
Ванеев З.Н. 1959. Средневековая Алания. Сталинир: Госиздат Юго-Осетии. – 184 с.
Ванеев З.Н. 1989, 1990. Избранные труды по истории осетинского народа. Цхинвали: Ирыстон. Т. I. – 418 с. Т. II. – 432 с.
Ванети З. 1935. Общество нартов // Изв. ЮОНИИК, 1935. Вып. XII, сс. 125-179.
Васильева 1975. Проблемы истории Осетии в русской науке X1X века. Орджоникидзе. – 174 с.
Вахушти 1904. География Грузии/Введ., пер. и примеч. М.Г. Джанашвили // Зап. КОИРГО, 1904. Т. XXIV. Вып. 5. – 241 с.
В. – Н. – Л. 1896. Переходное состояние горцев Северного Кавказа. Тифлис. – 41 с.
Викторов И.Г. 1939. Северная Осетия. Исторический очерк // Северная Осетия. Орджоникидзе, сс. 1-178.
Виноградов В.Б., Межидов Д.Д., Успаев Г.И. 1981. Религиозные верования в дореволюционной Чечено – Ингушетии. Грозный. – 111 с.
Гагиев В.Т. 2011. Тумы. Чанки. Кавдасарды. Владикавказ: УРАН СОИГСИ. – 138 с.
Гаглойти З.Д. 1974. Очерки по этнографии осетин. Тбилиси: Мецниереба. Т. 1. – 186 с.
Гаглоев Х.Д. 1964. Из истории судопроизводства у осетин // Изв. ЮОНИИ, 1964. Вып. XIII, сс. 257-260.

Гаглойти Ю. С. 2010. Избранные труды. Т. I. – 814 с.
Гаджиев А. С. 1988. О некоторых особенностях генезиса феодализма в Дагестане // РФОНСК. Махачкала, сс. 159-166.
Гаджиев В. Г. 1988. Изучение истории феодализма в Дагестане // РФОНСК. Махачкала, сс. 29-39.
Гаджиев М. С., Давудов О. М., Шихсаидов А. Р. 1996. История Дагестана с древнейших времен до конца XV в. Махачкала: ДНЦ РАН. – 450 с.
Гадло А. В. 1979. Этническая история Северного Кавказа IV – X вв. Л.: Изд. Ленинград. Ун-та. – 271 с.
Гакстгаузен А. 1857. Закавказский край. Ч. 1, 2. Ч. 1-242 с. Ч. 2-219 с. СПб.
Гальцев В. С. 1942. Материалы по истории осетинского народа. Орджоникидзе: Госиздат СО АССР. – 362 с.
Гальцев В. С. 1956. Перестройка системы колониального господства на северном Кавказе в 1860-1870 гг. // Изв. СОНИИ. Т. XVIII, сс. 127-150.
Гамрекели В. Н. 1968. Документы по взаимоотношениям Грузии с Северным Кавказом в XVIII в. Тбилиси: Мецниереба. – 335 с.
Ган К. 1884, 1890. Известия древних греческих и римских писателей о Кавказе // СМОМПК, Вып. IV, IX. Вып.IV – 248 с. Вып.IX – 215 с.
Гарданов В. К. Обычное право как источник для изучения социальных отношений у народов Северного Кавказа в XVIII – начале XIX вв. // СЭ, 1960. № 5, сс. 12-29.
Гарданов В. К. 1967. Общественный строй адыгских народов [XVIII – вторая половина XIX в.]. М.: Наука. – 332 с.
Гарданов В. К. 2004. В. К. Гарданов – историк и этнограф. Нальчик: «Эль-Фа». – 405 с.
Гвритишвили Д. В. 1961. Из истории социальных отношений в позднефеодальной Грузии. Тбилиси: Изд-во Тбил. у-та. – 278 с.
Главные сведения о горских племенах, на которые распространяется деятельность общества восстановления православного христианства на Кавказе // Кавказ, 1868. № 40, 42, 44, 46, 48.

Грабовский Н.Ф. 1869. Свадьбы в горских обществах Кабардинского округа // ССКГ. Вып. II. Раздел VI, сс. 1-24.
Грабовский Н. 1872. Ингуши – 111 с.
Грантовский Э.А. 1981. О некоторых материалах по общественному строю скифов // Кавказ и Средняя Азия в древности и средние века. М., сс. 61-71.
Гриценко Н.П., Хасбулатов А.И. 1979. Классы и классовая борьба в Чечено – Ингушетии в XI-XIX вв. // Социальные отношения и классовая борьба в Чечено – Ингушетии в дореволюционный период [XI – нач. XX в.]. Грозный, сс. 8-30.
Грязнов Д.Г. 1999. Природа обязательности правового обычая // Обычное право в России: проблемы теории, истории и практики. Ростов н/Д., сс. 307-316.
Гугов Р.Х. 1999. Кабарда и Балкария в XVIII веке и их взаимоотношения с Россией. Нальчик: «Эль-Фа» – 685 с.
Гуревич А.Я. 1969. Социальная психология и история. Источниковедческий аспект // Источниковедение. Теоретические и методические проблемы. М., сс. 384-426.
Гуревич А.Я. 2009. Избранные труды. Норвежское общество. М.: Изд-во «Традиция». – 470 с.
Гуриев Т.А. 1970. Отражение монгольских влияний в эпосе и языке алан (осетин). Автореф. докт. дис. – 35 с. В надзаг.: Ин-т востоковедения АН СССР. М.
Гутнов Ф.Х. 1987. Тумы, чанки и кавдасарды в период феодализма // Изв. СКНЦВШ. Ростов н/Д. № 1, сс. 74-79.
Гутнов Ф.Х. 1989. Источниковедческие проблемы нормативной этнографии Осетии // Проблемы этнографии осетин. Орджоникидзе, сс. 36-49.
Гутнов Ф.Х. 1989а. Генеалогические предания осетин как исторический источник. Орджоникидзе: Ир. – 177 с.
Гутнов Ф.Х. 1999. Мораль и право в средневековой Осетии // Этнографическое обозрение. № 4, сс. 27-36.
Гутнов Ф.Х. 2001. Ксанские и арагвские эриставы // Дарьял. № 3, сс. 179-201.
Гутнов Ф.Х. 2004. Века и люди. Из истории осетинских сел и фамилий. Вып. 2. Владикавказ: Ир. – 223 с.

Гутнов Ф.Х. 2008. Тырсыгом: Исторические этюды // Отчий край. Трусовское ущелье. Кудское ущелье. Кобийская котловина. Владикавказ: Проект-Пресс, сс. 43-52.
Гутнов Ф.Х. 2011. Аланы: научно-популярные очерки истории. Владикавказ: ИПО СОИГСИ. – 208 с.
Гутнов Ф.Х. 2012. Осетинские фамилии. Владикавказ: Респект. – 536 с.
Д-и М. 1895. Об осетинской истории // Новое обозрение. № 4076.
Данилевский Н. 1851. Кавказ и его горские жители в нынешнем их положении, с объяснением истории, религии, языка, облика и т.д. 2-е изд. М. – 230 с.
Де Мариньи Тэбу. 2002. Путешествие по Черкесии. Нальчик: «Эль-Фа». – 283 с.
Джаксон Т.Н. 2008. Рюриковичи и Скандинавия // ДГВЕ. 2005 год. Рюриковичи и Российская государственность. М., сс. 203-227.
Джанаев А.К. 1948. Феодальное землепользование в Стыр-Дигории // Изв. СОНИИ. Т. XV. Вып. III, сс. 1-101.
Джанашвили М. 1897. Известия грузинских летописей и историков о Северном Кавказе и России // СМОМПК, 1897. Вып. XXII, сс. 1-196.
Дзагурова Г.Т. 1992. Под российскими знаменами. Владикавказ: Ир. – 144 с.
Дзагурова Г.Т. 1995. Осетины в войнах России. Владикавказ: Алания. – 238 с.
Дзагурова Г.Т. 2003. Сыны Отечества. Владикавказ: Проект-Пресс. – 643 с.
Дзадзиев А.Б., Дзуцев Х.В., Караев С.М. 1994. Этнография и мифология осетин. Краткий словарь. Владикавказ. – 284 с.
Дзалаева К.Р. 2009. К вопросу о родословной просветителей Шанаевых // Генеалогия народов Кавказа. Традиции и современность. Владикавказ, сс. 92-104.
Дзасохов Б. 1931. Северная Осетия. М.: Власть Советов. – 67 с.
Дзаттиаты Р.Г. 1985. Раннесредневековый могильник в селении Едыс [Южная Осетия] // СА. № 2, сс. 198-210.

Дзидзоев М. У. 1979. Общественно-политическая и государственно-правовая мысль в Северной Осетии. Орджоникидзе: Ир. – 260 с.
Доватур и др. 1982. – Доватур А. И., Каллистов Д. П., Шишова А. И. Народы нашей страны в «Истории» Геродота. Тексты, пер., комм. М. – с.
Дубровин Н. Ф. 1871. История войны и владычества русских на Кавказе. Т. 1. Кн. 1. – 640 с. СПб.
Думанов Х. М. 1990. Социальная структура кабардинцев в нормах адата. Первая половина XIX века. Нальчик: Эльбрус. – 262 с.
Думанов Ф. Х. 2003. Общественно-политический строй Балкарии в XVIII – первой половине XIX века // Вестник КБИГИ. Вып. X, сс. 86-94.
Дюмезиль Ж. 1976. Осетинский эпос и мифология. М.: Вост. лит-ра. – 276 с.
Дюмезиль Ж. 1986. Верховные боги индоевропейцев. М.: Наука. – 234 с.
Ерошкин Н. П. 1981. Крепостническое самодержавие и его политические институты. (Первая половина XIX в.). М.: Мысль. – 252 с.
Есиев А. 1901. Обычное земельное право и право землевладения у горных осетин Терской области. Владикавказ. – 22 с.
Есиев А. 1911. Землевладение в горах // Терек. № 4069.
Зиссерман А. Л. 1879. Двадцать пять лет на Кавказе. Т. I. – 424 с. Т. II. – 441 с. СПб.
Иванов Г. М. 1959. К вопросу об образовании социально-экономических понятий // Уч. Зап. Томского ун-та, 1959. № 31. Сер. Политэкономия, философия, сс. 156-177.
Из документальной… 2000. – Из документальной истории кабардино-русских отношений. Вторая половина XVIII – первая половина XIX в. Нальчик: «Эльбрус». – 478 с.
Ильин Г. Ф. 1985. О так называемой налоговой эксплуатации // Классы и сословия в докапиталистических обществах Азии. М., сс. 68-73.

Илюшечкин В.П. 1983. К анализу производительных сил докапиталистических классовых обществ // ФН. № 6, сс. 10-19.
Илюшечкин В.П. 1990. Эксплуатация и собственность в сословно-классовых обществах. М.
Исаева Т.А. 1981. Политические взаимоотношения Чечено – Ингушетии с Россией в конце XVI – первой половине XVIII в. // Взаимоотношения народов Чечено – Ингушетии с Россией и народами Кавказа в XVI – начале XX в. Грозный, сс. 9-23.
История Дагестана 2004. – История Дагестана с древнейших времен до наших дней/Отв. ред. А.И. Османов. Т. I, М.: Наука. – 627 с.
История 1985. – История крестьянства в Европе. Эпоха феодализма. Т. 1. Формирование феодально-зависимого крестьянства/Отв. ред. З.В. Удальцова. М.: Наука. – 608 с.
ИПОЭК – История первобытного общества. Эпоха классообразования. М.: Наука, 1988. – 608 с.
К. 1929. К истории работорговли на Северном Кавказе // Революция и горец. № 5, сс. 39-43.
КРО – Кабардино-русские отношения в XVI-XVIII вв. Документы и материалы/Под ред. Т.Х. Кумыкова и Е.Н. Кушевой. Т. 1, 2. М.: Изд-во АН СССР, 1957. Т. 1 – XV, 476 с. Т. 2 – VI, 423 с.
Кажаров В.Х. 1993. Адыгская вотчина. Нальчик, 1993. – 135 с.
Какабадзе С.С. 1970. Памятник эриставов начала XV в. // Письменные памятники Востока. 1968. М., сс. 103-126.
Калоев Б.А. 1979. М.М. Ковалевский и его исследования горских народов Кавказа. М.: Наука. – 202 с.
Калоев Б.А. 1999. Осетинские историко-этнографические этюды. М.: Наука. – 393 с., илл.
Карачайлы И. 1929. Борьба против горских адатов – борьба за социализм // Революция и горец. № 5, сс. 39-42.
Кетов Ю.М. 1988. Обычное право и суд в Кабарде во второй половине XVIII-XIX веке. Автореф. канд. дис. Ростов н/Д. – 18 с.
Кипиани М.З. 1894. От Казбека до Эльбруса. Владикавказ. – 22 с.

Ковалевский М.М. 1883. Поземельные и сословные отношения у горцев Северного Кавказа // РМ. № 12, сс. 137-154.
Ковалевский М.М. 1885. Некоторые архаические черты семейного и наследственного права осетин // Юридический вестник. Т. XIX. Кн. 2, 3. № 6-7, сс. 319-332.
Ковалевский М.М. 1886. Современный обычай и древний закон. Обычное право осетин в историко-сравнительном освещении. Т. I – 340 с. Т. II. – 410 с. М.
Ковалевский М.М. 1890. Закон и обычай на Кавказе. Т. I. – 290 с. Т. II. – 304 с. М.
Кожев З.А. 2005. Иерархические связи кабардинцев с народами Северного Кавказа (XVI-XVIII вв.) // ИВ. Вып. I. Нальчик, сс. 118-144.
Козырева Т.З. 1976. Осетинская антропонимия древнего и средневекового периода // Ономастика Кавказа. Махачкала, сс. 243-251.
Кокиев Г.А. 1926. Очерки по истории Осетии. Владикавказ. – 163 с.
Кокиев Г.А. 1928. Склеповые сооружения горной Осетии. Владикавказ, – 74 с. + 37 с. илл.
*Кокиев Г.А.*1933. Материалы по истории Осетии. Орджоникидзе. Т. 1 (XVIII век). – 134 с.
Кокиев Г.А. 1935. Боевые башни и заградительные стены горной Осетии // Изв. ЮОНИИ К. Вып. II, сс. 217-234.
Кокиев Г.А. 1940. Крестьянская реформа в Северной Осетии. Орджоникидзе: Госиздат. – 224 с.
Кокиев Г.А. 2005. История Кабардино-Балкарии в трудах Г.А. Кокиева. Нальчик: «Эль-Фа». – 903 с.
Комкия Ф.Г. 1999. Обычное право абхазов и становление новой системы права // Обычное право в России: проблемы теории, истории и практики. Ростов н/Д., сс. 357-361.
Коротаев А.В. 1992. Рец.: Илюшечкин В.П. Эксплуатация и собственность…// Восток. № 2, сс. 189-198
Корсунский А.Р. 1976. История Испании IX-XIII вв. М.: Высш. школа. – 239 с.
Косвен М.О. 1955, 1959, 1962. Материалы по истории этно-

графического изучения Кавказа в русской науке. – КЭС. М.: Наука. Т. I – 239 с. Т. II – 275 с. Т. III. – 248 с.
Косвен М.О. 1961. Этнография и история Кавказа. М.: Изд. вост. лит-ры. – 260 с.
Косвен М.О. 1963. Семейная община и патронимия. М.: Изд-во АН СССР. – 219 с.
Косминский Е.А. 1947. Исследования по аграрной истории Англии XIII в. М.-Л.: Изд. АН СССР. – 484 с.
Котляр Н.Ф. 2006. Князь, бояре и вече в Галицко-Волынской Руси // ДГВЕ. 2004 год. М., сс. 244-267.
Котляр Н.Ф. 2008. Волынские и Галицкие Рюриковичи [XII в.]: происхождение и судьбы // ДГВЕ. 2005 год. Рюриковичи и Российская государственность. М., сс. 180-202.
Красницкий К. 1865. Кое-что об Осетинском округе и правах туземцев его // Кавказ. № 29-33.
Красницкий К. 1981. Кое-что об Осетинском округе и правах туземцев его // ППКОО. Вып. I, сс. 160-178.
Куадже Р. 1999. К вопросу об обычае и обычном праве // Обычное право в России: проблемы теории, истории и практики. Ростов н/Д, сс. 294-296.
Кузнецов В.А. 1971. Алания в X-XIII вв. Орджоникидзе: Ир. – 247 с.
Кулаковский Ю. 1898. Христианство у алан // ВВ. № 1, сс. 1-18.
Кулов К.Д. 1935. Матриархат в Осетии. Орджоникидзе. – 75 с.
Кучкин В.А. 2008. Первый московский князь Даниил Александрович // ДГВЕ. 2005 год. Рюриковичи и Российская государственность. М., сс. 294-318.
Кушева Е.Н. 1963. Народы Северного Кавказа и их связи с Россией. М.: Изд. АН СССР. – 371 с.
Лавров Д. 1883. Заметки об Осетии и осетинах // СМОМПК. Вып. III. сс. 168-314.
Ладыженский А.М. 2003. Адаты горцев Северного Кавказа/Подготовка текста и комм. И.Л. Бабич. Под общей редакцией А.С. Зайналобидова, В.В. Черноуса. Ростов н/Д: Изд-во СКНЦВШ.
Леонтович Ф.И. 1879. К истории права русских инородцев.

Древний монголо-калмыцкий или ойратский устав взысканий [Цааджин-Бичик] // Записки Императорского Новороссийского Университета. Т. 37, сс. 1-283.
Леонтович Ф. И. 1882, 1883. Адаты кавказских горцев. Материалы по обычному праву Северного и Восточного Кавказа. Вып. I. – 437 с.; Вып. II. – 396 с. Одесса.
Леонтович Ф. И. 2002. Адаты кавказских горцев. Материалы по обычному праву Северного и Восточного Кавказа. Одесса. Вып. I. – 343 с.; Вып. II. – 317 с.
Линден В. 1916. Краткий очерк былого общественно-политического и поземельного строя народностей, населяющих мусульманские районы Кавказа // Кавказский календарь на 1917 г. Тифлис, сс. 249-297.
Ляхов Ю. А. 1999. Методологические проблемы изучения и использования обычного права // Обычное право в России: проблемы теории, истории и практики. Ростов н/Д., сс. 253-256.
Магометов А. Х. 1968. Культура и быт осетинского народа. Орджоникидзе: Ир. – 568 с.
Максимов Е. 1892. Осетины // ТС. Кн. 2. – 187 с.
Малинин Л. В. 1890. О свадебных платежах и приданом у кавказских горцев // Этнографическое обозрение. № 3, сс. 21-61.
Мальцев Г. В. 1999. Очерк теории обычая и обычного права // Обычное право в России: проблемы теории, истории и практики. Ростов н/Д., сс. 7-93.
Мансуров Н. С. 1894. Обычный суд у осетин // Каспий. № 48.
Мансуров Н. С. 1982. Кавдасарды Тагаурского общества // ППКОО. Кн. 2. Цхинвали, сс. 151-155.
Маргиев В. И. 1997. История государства и права Осетии. Майкоп: «Меоты». – 208 с.
Маргиев В. И. и Кесаев С. М. 2009. Государственность Южной Осетии: прошлое, настоящее, будущее. Владикавказ, 2009-218 с.
Марзоев И-Б. Т. 2009. Потомки Тагаура // Генеалогия народов Кавказа. Традиции и современность. Владикавказ, сс. 148-165.
Марзоев И. Т. 2011. Привилегированные сословия на Кавказе в XVIII – начале XX веков. Владикавказ: ИПО СОИГСИ. – 354 с.
Мельникова Е. А. 2008. Рюрик и возникновение восточносла-

вянской государственности в представлениях летописцев XI – начала XII в. // ДГВЕ. 2005 год. Рюриковичи и Российская государственность. М., сс. 47-75.
Мельникова Е.А. 2008а. К вопросу о происхождении знаков Рюриковичей // ДГВЕ. 2005 год. Рюриковичи и Российская государственность. М., сс. 240-249.
Миклухо-Маклай Н.Д. 1954. Географическое сочинение XIII в. на персидском языке // Уч. Зап. Ин-та востоковедения. Т. IX. М.-Л, сс. 175-213.
Миллер В. 1881. Осетинские этюды. М. Ч. 1. – 166 с.
Миллер Вс. и Ковалевский М. 1884. В горских обществах Кабарды // ВЕ. № 4. сс. 119-149.
Мирошник С.В. 1999. Об особенностях формирования обычного права в России // Обычное право в России: проблемы теории, истории и практики. Ростов н/Д., сс. 266-268.
Народы 2005. – Народы Центрального Кавказа в 40-х – начале 60-х годов XIX века. Сборник документальных материалов/Сост. П. А. Кузьминов, Б.К. Мальбахов. М., 2005 Т. 1. – 368 с. Т. 2. – 392 с.
Нефедов В.Н. 1999. Роль обычного права адыгов и казаков в системе права Российской Федерации // Обычное право в России: проблемы теории, истории и практики. Ростов н/Д., сс. 361-365.
Обозрение 1836. – Обозрение Российских владений за Кавказом/Под ред. В. Легкобытова. Ч. 1-399 с.; Ч. 2-401 с. СПб.
Ольшевская М.И. 1970. М.М. Ковалевский о некоторых вопросах истории осетинского народа // Изв. СОНИИ. Т. XXVIII, сс. 227-238.
Освобождение 1868. – Освобождение зависимых сословий во всех округах Терской области // ССКГ. Вып. I, сс. 37-47.
ОГРИП. – Осетины глазами русских и иностранных путешественников/Сост. Б. А. Калоев. Орджоникидзе: Ир, 1967. – 320 с.
Павлов В.И. 1975. Типология генезиса капитализма в Азии и Африке // Проблемы социально-экономических формаций. М., сс. 210-222.

ПЭ – Памятник эриставов, 1979./Пер., исслед. и примеч. С. С. Какабадзе. Тбилиси: Мецниереба. – 54 с.
Памятники народного творчества осетин. Владикавказ, 1925, 1927, 1928. Вып. 1-3. Вып. 1-123 с. Вып. 2-158 с. Вып. 3-142с.
ППКОО. – Периодическая печать Кавказа об Осетии и осетинах. Сост., примеч. и комм. Л. А. Чибирова. Цхинвали, Владикавказ, 1981-2006. Кн. I-VI.
Першиц А. И. 1976. Некоторые особенности классообразования и раннеклассовых отношений у кочевников-скотоводов // Становление классов и государства. М., сс. 280-313.
Першиц А. И. 1979. Проблемы нормативной этнографии // Исследования по общей этнографии. М., сс. 210-240.
Першиц А. И. 1985. Возможен ли формационный подход к социальным ценностям этнической культуры? // Этнографические исследования развития культуры. М., сс. 50-63.
Першиц А. И., Смирнова Я. С. 1999. К юридической этнологии народов Кавказа // Эльбрус. Нальчик. № 2, сс. 9-40.
Петров Л. 1901. Обычное право и закон на Кавказе // Кавказский вестник. № 1, сс. 27-52.
Петрухин В. Я. 2008. Призвание варягов: историко-археологический контекст // ДГВЕ. 2005 год. Рюриковичи и Российская государственность. М., сс. 33-46.
Петрухин В. Я. 2008а. Сказание о призвании варягов в средневековой книжности и дипломатии // ДГВЕ. 2005 год. Рюриковичи и Российская государственность. М., сс. 76-83.
Письма 1830. – Письма из Осетии // ППКОО. Кн. 1. Цхинвали, 1981, сс. 40-44.
Полянский Ф. Н. 1979. Феодальное воспроизводство // Вестник МГУ. № 5, сс. 23-39.
Пфаф В. Б. 1871. Народное право осетин // ССК. Вып. I, сс. 177-246.
Пфаф В. Б. 1871. Путешествие по ущельям Северной Осетии // ССК. Вып. I, сс. 127-176.
Пчелина Е. Г. 1934. Крепость «Зильде-Машиг» // СЭ. № 3, сс. 87-101.
Пчелина Е. Г. 1946. Нузальская часовня в Северной Осетии //

НА СОИГСИ, ф. 6, оп. 1, д. 20.
Пчелина Е.Г. Местность… – *Пчелина Е.Г.* Местность Уаллагир и шесть колен рода Осибагатара // Там же, д. 21.
Пчелов Е.В. 2008. Династическая история рода Рюриковичей // ДГВЕ. 2005 год. Рюриковичи и Российская государственность. М., сс. 5-12.
Рклицкий М.В. 1926. Главнейшие моменты в истории хозяйственного быта Северной Осетии и современная экономика области // Изв. ОНИИК. Вып. 2, сс. 157-228.
Робакидзе А.И. 1978. Некоторые черты горского феодализма на Кавказе // СЭ, № 2, сс. 15-24.
Саламов А.А. 1963. Из истории взаимоотношений чеченцев и ингушей с Россией и великим русским народом [XVI – начало XX века] // Изв. ЧИНИИ, 1963. Т. III. В. I, сс. 22-51.
Сб. док. 2003. – Сборник документов по сословному праву народов Северного Кавказа. 1793-1897 гг. Нальчик: Эль-Фа. Т. I. – 345 с. Т. II. – 484 с.
Сванидзе А.А. 1986. О роли рабства в генезисе североевропейского феодализма // Древнейшие государства на территории СССР. 1985. М., сс. 169-177.
Свечникова Л.Г. 1998. Понятие обычая в современной науке: подходы, традиции, проблемы [на материалах юридической и этнологических наук] // Государство и право. № 9. сс. 96-106.
Семенов Ю.И. 1974. Происхождение брака и семьи. М.
Семенов Ю.И. 1976. Первобытная коммуна и соседская крестьянская община // Становление классов и государства. М., сс. 7-86.
Семенов Ю.И. 1993. Переход от первобытного общества к классовому: пути и варианты развития // ЭО. № 1, сс. 52-71; № 2, сс. 57-74.
Семенов Ю.И. 1997. Формы общественной воли в доклассовом обществе: табуитет, мораль и обычное право // Этнографическое обозрение. № 4, сс. 3-24.
Сказкин С.Д. 1973. Избранные труды по истории. М.: Наука. – 454 с.
Скитский Б.В. 1933. К вопросу о феодализме в Дигории. Орджоникидзе. – 90 с.

Скитский Б.В. 1972. Очерки истории горских народов. Орджоникидзе. – 380 с.
Смирнов Н.А. 1958. Политика России на Кавказе в XVI-XIX вв. М.: Соцэгиз. – 244 с.
Смирнова Я.С. Свадебный дарообмен у народов Северного Кавказа // СЭ, 1980. № 1, сс. 96-104.
СИЭ. 1968. – Советская историческая энциклопедия. Т. 11. М.: Сов. энциклопедия. – 1024 стб.
Толстова Л.С. 1983. Использование фольклора при изучении этногенеза и этнокультурных связей народов // Фольклор и историческая этнография. М.: Наука, сс. 6-22.
Туккаев В. 1892. В горах Дигории // Терские ведомости. № 90, 91, 93, 101.
Тулатов Б. 1899. Несколько слов о происхождении тагаурских алдар и отношении их к другим сословиям // Терские ведомости. № 63.
Уварова П.С. 1904. Кавказ. Кн. III. М. – 326 с.
ФОД – Феодальные отношения в Дагестане. XIX – начало XX в. М.: Наука, 1969. – 396 с.
Фурсов А.И. 1987. Восточный феодализм и история Запада: критика одной интерпретации // НАА, 1987. № 4, сс. 93-109.
Хадарцев Э.И. 1928. Адатная проблема и задачи Краевого Горского Научно-Исследовательского Института // Революция и горец. № 1, сс. 50-52.
Хазанов А.М. 1976. Роль рабства в процессе классообразования у кочевников евразийских степей // Становление классов и государства. М., сс. 249-279.
Харузин Н.Н. 1898. Очерки первобытного права. М.
Хашаев Х.М. 1961. Общественный строй Дагестана в XIX в. М.: Изд. АН СССР, 1961. – 508 с.
Хетагуров К. Соч. в V томах. М.: Наука, 1960, 1961. Т. IV, V. Т. IV – 496 с. Т. V – 508 с.
Цагаева А.Дз. 1975. Топонимия Северной Осетии. Оржоникидзе: Ир. Ч. II. – 561 с.
Цагарели А.А. 1891. Грамоты и другие исторические документы XVIII столетия, относящиеся к Грузии. СПб. Т. 1.

[1766-1774 гг]. – 518 с.
Цибиров Г.И. 1981. Осетия в русской наук (XVIII – первая половина XIX в.). Орджоникидзе: Ир. – 104 с.
Цуров М.М. 1999. Обычное право ингушей // Обычное право в России: проблемы теории, истории и практики. Ростов н/Д., сс. 343-348.
Цховребова З. 1965. Социальный термин «армыдзыд» // Фидиуаг. № 7, сс. 75-77 (на осетин. яз.).
Черных Е.Н., Венгеров А.Б. 1987. Структура нормативной системы в древних обществах: методологический аспект // От доклассовых обществ к раннеклассовым. М., сс. 23-39.
Чиляев 1878. Записка о горских народах по Военно-Грузинской дороге // АКАК. Т. VII.
Чочиев А.Р. 1985. Очерки социальной культуры осетин. Цхинвали: Ирыстон. – 289 с.
Чулков М.В. 1785. Историческое описание российской коммерции. СПб. Т. 2. Кн. 2. – 626 с.
Шанаев Д. 1870. Свадьба у северных осетин // ССКГ. Вып. III, сс. 1-30.
Шапиро А.Л. 1969. О природе феодальной собственности на землю // ВИ. № 12, сс. 57-92.
Шершеневич Г.Ф. 1999. Общая теория права // Антология мировой правовой мысли в 5 т. Т. IV. Россия XI-XIX вв. М., сс. 150-156.
Щегрен А. 1846. Религиозные обряды осетин, ингушей и их соплеменников при разных случаях // Кавказ. № 27-30.
Явич Л.С. 1976. Общая теория права. Л. – 243 с.
Яновский А. 1836. Осетия // Обозрение российских владений за Кавказом. СПб., сс. 159-210.
Engelhardt M. und *Parrot F.* 1815. Reise in die Krym und den Kaukasus. Berlin. Th. I. – 264 S.
*Frye R.*1998. Ossete-Central Asian Connections // Studia Iranica et Alanica. Rome. PP. 79-83.
Klaprot J. 1812, 1814. Reise in den Kaukasus und nach Georgien unternommen in den Jaren 1807 und 1808. Halle und Berlin. Bd. I – 748 S. Bd. II – 628 S.

Reineggs J. 1796. Allgemeine historisch-topographische Beschreibung des Kaukasus. Gota – St. Pb. Th. I. – 527 S.
Steder 1797. Tagebuch einer Reise, die in Jahre 1781 von den Gransfestung Mosdok nach inner Kaukasus unternommen worden. Leipzig. – 296 S.
Zgusta L. 1955. Die Personennamen griechiseher Stadte der nordlichen Swarzmeer Kuste. Praha. – 467 S.

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....3

ИСТОРИОГРАФИЯ. ИСТОЧНИКИ. ВОПРОСЫ ТЕОРИИ
И МЕТОДОЛОГИИ.....8

АДАТЫ ТАГАУРСКОГО ОБЩЕСТВА:
СПИСОК НОРДЕНСТРЕНГА. 1844 ГОД.....35

КОММЕНТАРИИ.....41

ПРИЛОЖЕНИЯ.....103

Приложение № 1.....103

Приложение № 2.....107

Приложение № 3.....110

Приложение № 4.....136

Приложение № 5.....141

БИБЛИОГРАФИЯ.....148

Научное издание

ГУТНОВ ФЕЛИКС ХАЗМУРЗАЕВИЧ

ОБЫЧНОЕ ПРАВО ОСЕТИН

Часть I

АДАТЫ ТАГАУРСКОГО ОБЩЕСТВА
(СПИСОК НОРДЕНСТРЕНГА. 1844 г.)

Книга издана в авторской редакции

Технический редактор – *Е.Н. Маслов*
Компьютерная верстка – *А.В. Черная*
Дизайн обложки – *Е.Н. Макарова*

Подписано в печать 05.09.2012.
Формат бумаги 60×84 $^{1}/_{16}$. Гарнитура шрифта «Times».
Тираж 100 экз. Заказ №123. Усл.п.л. 9,7.

ИПО СОИГСИ им. В.И. Абаева ВНЦ РАН и Правительства РСО–А
362040, РСО–Алания, г. Владикавказ, пр. Мира, 10
e-mail: rio-soigsi@ mail.ru